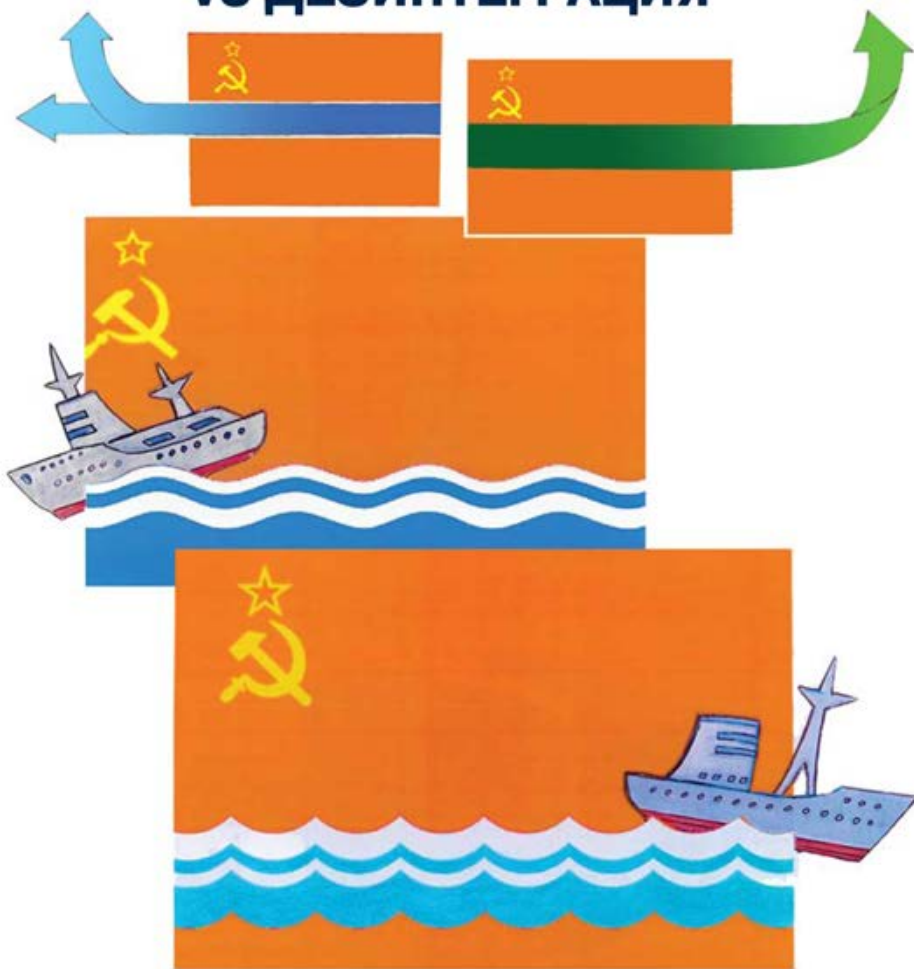

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 10 2016 г.

ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

10 (508) 2016

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

АГАНБЕГЯН А.Г., зав. кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН
БОЛДЫРЕВА Т.Р., зам. главного редактора
БУХАРОВА Е.Б., директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета, к.э.н.
ВОРОНОВ Ю.П., вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты, к.э.н.
ГЛАЗЫРИНА И.П., зав. лабораторией эколого-экономических исследований
Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, д.э.н., профессор
ГРИГОРЬЕВ Л.М., глава департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н., профессор
ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., зав. лабораторией Института систем энергетики СО РАН, д.т.н., к.э.н., профессор
КОЛМОГОРОВ В.В., к.э.н., председатель совета директоров ЗАО «Распределенная энергетика»
КУЛЕШОВ В.В., координатор, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, академик РАН
МИРОНОСЕЦКИЙ С.Н., член совета директоров ООО «Сибирская генерирующая компания»
НИКОНОВ В.А., генеральный директор ОАО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области»
ПСАРЕВ В.И., зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», к.э.н., д.т.н.
СУСЛОВ Н.И., зав. отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н., профессор
УСС А.В., президент Сибирского федерального университета, председатель Законодательного собрания Красноярского края, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАРАНОВ А.О., зав. кафедрой Новосибирского госуниверситета, д.э.н., професор; КАЗАКОВАН А., директор по региональному развитию ООО «Лоялти Партнерс Восток»; КЛИСТОРИН В.И., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, в.н.с., д.э.н.; ЛАПACHEВ В.В., ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; МЕЛЬНИКОВА Л.В., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, с.н.с., к.э.н.; МУСИЕНКО И.В., директор консультационной фирмы «СтратЭкон Консалтинг», к.э.н.; НОВИКОВ А.В., ректор Новосибирского государственного университета экономики и управления, д.э.н.; САМСОНОВ Н.Ю., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, к.э.н.; ФОМИН Д.А., Новосибирский государственный технический университет, с.н.с., к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

2 Человек и Метод

Тема номера: ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

- 5 ЕРШОВ Ю.С.,
ИБРАГИМОВ Н.М.,
МЕЛЬНИКОВА Л.В.
Коалиционный анализ:
от республик СССР
к регионам России
- 23 ЕРШОВ Ю.С.
Экономика постсоветского
пространства: ожидавшееся
и неожиданное
- 45 СИМОЛА Х.
Изменение структуры спроса
в Китае: иллюстрация
возможных последствий методом
«затраты – выпуск»
- 57 КОВАЛЕВА Г.Д.,
ШЕВЕЛЕВ А.В.
Что говорит статистика
о пространстве СЭВ
- 78 РОЗОВ Н.С.
Революционные волны
в мировой истории: динамические
модели роста и угасания
- 96 КРЮКОВ В.А.
Оттолкнуть корабль от причала

РЕГИОН

- 104 ИЗОТОВ Д.А.
Торговая интеграция России
со странами АТР:
сценарная оценка эффектов

ОТРАСЛЬ

- 125 ФАСХИЕВ Х.А.
Автомобильные перевозки России:
ухабы на дороге во внешний мир

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

- 142 КОРОЛЕВА Л.П.
Где взять деньги на рециклинг?

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 156 РОИК В.Д.
Социальный бюджет России:
каким ему быть в XXI веке?

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

- 173 БАРАНОВ П.П.,
ШАПОШНИКОВ А.А.
Дело князя М.П. Гагарина:
начало российского аудита

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 185 ОГНЕВ И.А.
Век, потерянный Россией
- 190 SUMMARY

Человек и Метод

В самом широком понимании у каждого из нас, уважаемый читатель, есть свой метод решения проблем и задач, с которыми мы сталкиваемся в различных областях современной жизни. Методы – суть практики (или, как все чаще пишут – рутины) – позволяют нам, используя свои знания, видение ситуации и подсознание (а это – неактивное или скрытое в сознании и неиспользуемое знание) находить приемлемые решения непростых задач.

Гораздо сложнее обстоит дело в том случае, когда человек занимается научными исследованиями – особенно окружающей нас противоречивой и неоднозначной социально-экономической реальности. Методы ее исследования чрезвычайно разнообразны и специфичны – от изучения психологии индивидов и скрытых в их сознании предпочтений до математических моделей глобальной экономической динамики. Причем попытки применения для исследования социально-экономических процессов моделей и методов, хорошо себя зарекомендовавших в естественных науках, очень редко дают ожидаемые результаты. Поэтому, вполне очевидно, возникла необходимость использовать новые, специфические методы, развивать свои модельные конструкции и применять иные подходы.

Один из таких методов, появление которого было связано с изучением взаимосвязей и взаимодействий различных секторов экономики, это «затраты – выпуск» (или метод межотраслевого баланса). Его возникновение было обусловлено темпами индустриализации и нараставшей взаимообусловленностью функционирования и развития различных отраслей и сфер хозяйственной деятельности в первой четверти XX века. Необходимость «витала» в профессиональной атмосфере, но выразить ее и дать ей мощный импульс для применения и дальнейшего развития выпала честь русскому экономисту Василию Васильевичу Леонтьеву (увы, на момент признания он был уже американским ученым). Примерно в то же время другой талантливый российский ученый Николай Дмитриевич Кондратьев разработал теорию экономических циклов, ныне известных как «циклы Кондратьева». Таким образом, два российских исследователя почти одновременно предложили и обосновали новые методы и подходы не только изучения экономики, но и их применения в прогностической деятельности.

Сейчас сказанное выше известно всем, хоть в какой-то мере соприкасавшимся с азами современной экономической науки. Но так было не всегда: имена В. В. Леонтьева и Н. Д. Кондратьева для отечественных исследователей были неизвестны на протяжении почти 30 лет – с конца 1920-х – начала 1930-х до конца 1950-х – начала 1960-х.

Увиденное и услышанное в конце 1950-х гг. на американской выставке в парке Сокольники настолько поразило молодого выпускника Московского государственного экономического института, что развитие и углубление подходов великих предшественников стало для него делом всей жизни.

Этим молодым человеком был Александр Григорьевич Гранберг – впоследствии основатель научной школы мирового уровня по проблемам изучения межрегиональных взаимодействий. Почти через 20 лет – в 1970-е – ему посчастливилось реализовать свою давнюю мечту – работать в проектах ООН по проблемам глобального экономического развития вместе с нобелевским лауреатом В. В. Леонтьевым.

Александр Григорьевич и его ученики значительно расширили и раздвинули границы и рамки применения метода «затраты – выпуск», перебросив «мостик» от исследования межотраслевых взаимодействий к межрегиональным связям и процессам экономической интеграции регионов страны. Не менее важно и то, что предложенный А. Г. Гранбергом подход к изучению межотраслевых и межрегиональных взаимодействий позволил (и позволяет) получать качественно новые знания и оценки направлений и путей экономического взаимодействия регионов (не только их интеграции, но и дезинтеграции – как правило, вследствие поспешных и непросчитанных решений).

А. Г. Гранберг не был создателем метода «затраты – выпуск», но он смог значительно расширить область и рамки его применения. Анализ отдельных крупных решений привел его к необходимости перехода от оценки проектов к крупным экономическим проблемам народнохозяйственного уровня.

Сила и практическая ценность сделанного А. Г. Гранбергом (и продолжаемого его учениками и последователями) состоит как раз в стремлении построить разработанный подход в практику оценки и принятия «судьбоносных решений». Данный подход позволяет «оцифровать» общие выводы и соображения, поскольку «...многое в данной динамике зависит от общей величины ресурсного потенциала (населения и богатства, способных конвертироваться в военную силу), мобилизованности этого потенциала и актуальной величины ресурсов борьбы у конфликтующих сторон. Мобилизация увеличивает ресурсы, но истощает общий потенциал» (см. статью Н.С. Розова).

Цель тематической части данного выпуска «ЭКО» – не только отдать дань памяти выдающемуся коллеге (в этом году академику А. Г. Гранбергу исполнилось бы 80 лет), но и показать актуальность разработанного и развитого им и его учениками метода. Ни один метод ни в одной области человеческой деятельности не может претендовать на универсальность – сфера применения зависит от многих обстоятельств. Это в полной мере касается и метода «затраты – выпуск» и подходов к исследованию и анализу межотраслевых и межрегиональных процессов на его основе. К сожалению, составляющая одного из названий (особенно в русском варианте) содержит слово «баланс». Это обстоятельство (а также нежелание понимать и анализировать роль материально-вещественных потоков в современной экономике) вызывает весьма недоброжелательное отношение к этому методу в кругу значительной части «монетарно-ориентированного» экономического сообщества. Метод «затраты – выпуск» не претендовал и не претендует на универсальность и всеобщую применимость: он ориентирован на анализ и оценку структурных сдвигов в экономике, а также измерение их пространственной метрики.

Об этом убедительно пишут наши уважаемые коллеги. Так, например, один из результатов, полученный на основе анализа межотраслевых и межрегиональных взаимодействий, ясно говорит о «большей значимости взаимодействия с Россией совокупности всех остальных союзных республик, чем это следовало из анализа только прямых межреспубликанских торговых связей» (статья Ю. С. Ершова). Такой вывод трудно оспорить и апеллировать только к абстрактному пониманию положительного влияния скорейшего вхождения экономик постсоветских государств в мирохозяйственные связи на принципах рыночной интеграции.

Метод «затраты – выпуск» всегда применялся и применяется в тесной кооперации с другими подходами – в частности, эконометрическими. Именно на этой основе получен вывод о том, что в странах бывшего СЭВ «экономический спад... был неминуем, и именно негативные тенденции, к которым можно отнести снижение объемов инвестиций в перерабатывающие производства, устаревание основного капитала, высокую фондоемкость и низкую фондоотдачу и др., в 1970–1990 гг. стали его определяющей причиной...» (статья Г. Д. Ковалевой и А. В. Шевелева).

Более того, наш коллега Х. Симола из Банка Финляндии на основе применения метода «затраты – выпуск» приходит к вполне прагматичному выводу относительно влияния развития экономики Китая на другие страны: «...от изменения структуры спроса Китая меньше всего пострадают страны, поставляющие в Китай в основном товары конечного потребления или промежуточные для отраслей, ориентированных на потребительский спрос, таких как сельское хозяйство и производство продуктов питания».

Несмотря на субъективные (нежелание вникнуть в его возможности) и политические препятствия (трудно согласиться с тем, что имеет под собой солидную «доказательную» основу), метод «затраты – выпуск» пробивает себе дорогу. Примерно так, как это когда-то делал А. Г. Гранберг, один из активных его творцов и сторонников сближения его приложений с решением практических задач (статья В. А. Крюкова).

Дело Человека живет, и Метод (как и корабль «Михаил Сомов», который Александр Григорьевич, вопреки возникавшим сложностям, отправил в плавание по Севморпути в 2000 г.), вне всякого сомнения, будет применяться во многих штормовых и ответственных рейсах еще много-много раз (современные информационные системы и средства работы с различными источниками социально-экономических данных открывают все новые и новые возможности).

Коалиционный анализ: от республик СССР к регионам России

Ю.С. ЕРШОВ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. E-mail: eryus@mail.ru

Н.М. ИБРАГИМОВ, кандидат экономических наук, Лаборатория моделирования и анализа нестационарных процессов ЭФ НГУ. E-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru

Л.В. МЕЛЬНИКОВА, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru Новосибирск

В статье представлены возможности метода коалиционного анализа в исследовании межрегионального товарообмена. Дан экскурс в историю общественной дискуссии о справедливости межреспубликанских отношений в СССР и расчетов ИЭОПП СО РАН по измерению вкладов каждой из республик в общий результат. Впервые приводятся результаты расчетов измерения эффектов взаимодействия макрорегионов России в динамике, за период 2000–2013 гг.; показаны усиление взаимозависимости федеральных округов в названном периоде, а также возможности адаптации регионов (коалиций регионов) к разрыву тех или иных межрегиональных связей.

Ключевые слова: коалиционный анализ, межрегиональные взаимодействия, республики СССР, регионы России, эквивалентный обмен

История вопроса

К исследованиям по коалиционному анализу с целью оценки эффектов межрегиональных взаимодействий в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН приступили в начале 1990-х гг. на базе межреспубликанской межотраслевой модели экономики СССР. Актуальность этой работы была обусловлена опубликованными в последних статистических сборниках Госкомстата СССР итогами пересчета межреспубликанских товарных потоков по ценам мирового рынка [1, 2]. Эти расчеты были снабжены оговорками об их «условном, аналитическом характере» и о том, что «приводимые сопоставления объемов ввоза и вывоза продукции во внутренних и мировых ценах не следует понимать как выражение меры эквивалентности товарообмена между союзными республиками» из-за ряда принятых упрощающих предпосылок.

Основные выводы специалистов Госкомстата состояли в том, что степень экономической взаимозависимости республик была высока, при этом малые экономики зависели от межреспубликанского обмена в большей степени, чем крупные. Более того,

комментарии к таблицам включали и прямое предупреждение, нетипичное для формата статистического сборника, но понятное с учетом общественной атмосферы последних лет существования Советского Союза: «Большая зависимость народного хозяйства многих республик от сложившегося союзного рынка, тесная хозяйственная кооперация их с другими союзными республиками практически исключают возможность в ближайшие годы переориентации на рынок других стран без серьезного экономического ущерба» [1. С. 635].

Однако публикация этих весьма условных оценок неравного характера межреспубликанских экономических отношений лишь подлила масла в огонь разгоравшейся дискуссии на тему «Кто кого кормит?». В условиях нарастающего дефицита механизм создания и административного распределения общесоюзных товарных фондов представлялся анахронизмом, а решением проблемы виделся республиканский хозрасчет, понимаемый как общесоюзный рынок на принципах эквивалентного товарообмена, на котором республики обменивались бы продуктами своей специализации. Предполагалось, что эта мера позволит лучше увязать конечные результаты деятельности республик с уровнем их потребления. Высокий уровень специализации регионов, естественный в условиях единого экономического пространства, также подвергался критике: «... в одних регионах страны наращивались масштабы различных выгодных видов хозяйственной деятельности, которыми население других поступалось ради общего благополучия... В итоге одни превращались в сплошные поля хлопка, другие – в непроходимые болота нефтепромыслов, третьи – в ядовитые чащобы заводских труб, четвертые – в смертоносные полигоны отработанной породы и т. д.» [3]. Отдельные эксперты сетовали: «К сожалению, у нас до сих пор нет достоверной статистики о межреспубликанских товарных и финансовых потоках. Незнание действительного вклада каждой республики в общесоюзное распределение труда порождает кривотолки и путаницу в суждениях» [4]. В этой атмосфере академик А.Г. Гранберг считал своим долгом предостеречь от использования некорректных оценок и преждевременных выводов:

«... В последнее время обострились споры о том, выгодна ли вообще кому-нибудь существующая межреспубликанская экономическая кооперация? Практически каждая республика считает, что либо ее обманывает “центр”, либо она теряет от това-

рообмена с другими республиками. Статистическая база для подобных суждений – расчеты сальдо вывоза и ввоза продукции в республиках, выполненные Госкомстатом СССР... В этих расчетах поражает доминирование отрицательных сальдо...

Данных этих расчетов недостаточно, чтобы сделать надежные выводы о выгодности или невыгодности существующих связей для тех или иных республик. Необходим корректирующий анализ...

Нормализация условий межреспубликанских торговых и финансовых связей приблизит их к эквивалентным. Ряд республик от этого выиграет (прежде всего Россия), экономическое положение других при движении к эквивалентным связям относительно ухудшится. Следует, однако, подчеркнуть, что и неэквивалентный обмен может быть выгодным для участвующих в нем партнеров. При достаточно разумном регулировании условий межреспубликанских связей неэквивалентный, но взаимовыгодный обмен может стать наиболее типичным на этапе качественной перестройки межреспубликанских отношений» [5].

Термин «эквивалентный обмен», упрощенно понимаемый как равенство входящих и исходящих товарных и финансовых потоков республики, немедленно стал политическим оружием. Например, конституционный закон «Об основах экономической самостоятельности Азербайджанской Республики», принятый 25 мая 1991 г., в числе оснований, побуждающих принять данный закон, указывал на «игнорирование интересов республики в политике регионального развития и размещения производительных сил, укоренение неэквивалентных межрегиональных обменов» [6]. Между тем для оценки эквивалентности межреспубликанских отношений требовалось анализировать не только сальдо межрегионального обмена продукцией, но и соотношение произведенного и используемого национального дохода, перераспределение финансовых ресурсов между союзным и республиканскими бюджетами [7].

Эти задачи в начале 1980-х гг. решались на базе построенного в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН двухзонального межотраслевого баланса «РСФСР – остальные республики». Было показано, что экономика РСФСР являлась более замкнутой по потреблению и в меньшей степени зависела от ресурсов других республик. Кроме того, в экономике

СССР сложилось такое территориальное разделение труда, при котором РСФСР несла значительную нагрузку по формированию фонда накопления других республик, тогда как республики вносили существенный вклад в образование фонда потребления РСФСР за счет своих материальных и трудовых ресурсов. К концу 1980-х гг. значительно выросла интенсивность интеграционных процессов союзных республик СССР по сравнению с состоянием 1966 г., что проявлялось в углублении их производственной специализации, интенсификации прямых и косвенных межрегиональных связей, росте взаимозависимости республик от результатов их совместной хозяйственной деятельности [8].

Целью *коалиционного* анализа было оценить, насколько зависят друг от друга (или взаимно дополняют) республиканские экономики с учетом различий их отраслевых структур производства. Непосредственного отношения к вопросу определения, какие из союзных республик являются фактическими донорами или реципиентами и в какой степени, эти расчеты не имели – изучалась более широкая проблема. Результаты этих расчетов и сама методика их проведения, предложенная членом-корр. РАН В.И. Суловым, были изложены в работах [9, 10, 11]. Информационной базой исследований стали межотраслевые балансы союзных республик за 1987 г. и построенная на их основе статическая оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель (ОМММ). Результаты расчетов вновь подтвердили высокую степень взаимозависимости республик в едином экономическом пространстве Советского Союза и ведущую роль в них РСФСР как самой крупной региональной экономики.

Представляя первые результаты этих исследований сразу после распада СССР, академик А.Г. Гранберг писал:

«До самого последнего времени значение межреспубликанских отношений в советской науке, идеологии, политике явно недооценивалось. Но жизнь внесла свои коррективы. Начавшаяся в СССР перестройка сопровождалась потрясениями сложившейся системы межреспубликанских экономических связей. Намечившиеся позитивные сдвиги (расширение экономической самостоятельности и заинтересованности республик) не компенсировали набиравшие силу негативные тенденции (распад экономических связей, усиление замкнутости регионов, натурализация обмена, игра цен, межнациональные конфликты и т. д.).

Резко обострившиеся с 1988 г. отношения республик и «центра» стали сильнейшим фактором общей дестабилизации в стране. Антиконституционный путч в августе 1991 г. сорвал подписание Союзного договора, ускорил дальнейший распад СССР.

В оценках будущего Союза как объединения суверенных республик – государств теперь преобладают фаталистические ноты. Я не считаю нынешнюю ситуацию безысходной, но убежден, что необходимой предпосылкой для начала реинтеграции Союза должен стать перелом в общественном сознании и прежде всего понимание глубинных причин, которые объективно побуждают (или должны побуждать) новые суверенные государства к экономическому сотрудничеству и организационно-правовому, политическому объединению. Предстоит преодолеть многие заблуждения относительно выгоды или невыгоды межреспубликанских отношений, обосновать принципы их организации и самоорганизации, разработать методы регулирования и прогноза развития связей между бывшими республиками» [5. С. 3].

Что такое коалиционный анализ

Коалиционный анализ – это методическая схема измерения эффектов межрегиональных взаимодействий в системе из m регионов, представленной моделью типа ОМММ, т. е. при фиксированной пространственной и отраслевой структуре максимизируемого конечного потребления страны.

Коалицией называется изолированная совокупность регионов. Количество регионов, входящих в коалицию, называется ее рангом. Максимально возможное количество коалиций, включая отдельные регионы и систему в целом, равно $2^m - 1$. Так, для восьмизональной задачи (с внешним миром в качестве дополнительной зоны) максимальное число коалиций равно 511. Для каждой коалиции могут быть рассчитаны объемы конечного потребления, валового выпуска и другие макроэкономические показатели. Важным требованием коалиционного анализа является неизменность пространственной структуры конечного потребления, что подразумевает взаимные обязательства объединяющихся регионов поддерживать социальные стандарты для населения в пропорциях, соответствующих структуре полной системы регионов.

Чтобы оценить эффекты взаимодействия для региона r , рассматриваются все возможные коалиции, включающие данный регион. Если коалиция объединяет не соседствующие регионы, то вводятся транспортные связи, проходящие по территориям регионов, не вошедших в коалицию. При этом транспортные затраты «оплачиваются» регионами – участниками коалиции. Из коалиций строятся последовательности, которые начинаются с коалиции, включающей только рассматриваемый регион, и кончаются полной системой. Максимальное число таких последовательностей равно $(m-1)!$, т. е. 40320 для восьмизональной задачи.

Когда в коалицию входит новый регион, величина конечного потребления в каждом регионе коалиции может как вырасти, так и уменьшиться. Разница между объемами конечного потребления до и после присоединения нового региона выражает последствия расширения коалиции. Она рассчитывается как разность между объемами конечного потребления региона r в коалициях выбранной последовательности, ранг которых отличается на 1. Величина разности является частной оценкой вклада присоединившегося региона в фонд конечного потребления региона r . Число частных оценок равно общему количеству последовательностей. В качестве окончательной оценки вклада берется средняя всех частных оценок, и ее характеристикой является стандартная ошибка частных оценок. На основе полученных оценок строится таблица межрегионального взаимодействия (таблица «регионы – регионы») и определяются все типы эффектов взаимодействия.

В конце 1990-х гг. был проведен очередной цикл расчетов с использованием методики коалиционного анализа на базе построенной для этой цели статической модели постсоветского пространства для 1996 г. Информационное наполнение такой модели продолжало соответствовать правилам советской статистики, не включавшей в границы производства отрасли нематериальных услуг. Соответственно, в первых квадрантах построенных для этой модели оценочных межотраслевых балансов были представлены лишь отрасли материального производства. Ввоз и вывоз, экспорт и импорт услуг отсутствовали, а конечным потреблением фактически называлась сумма собственно конечного и промежуточного потребления в отраслях непродуцированной сферы. Полученные результаты подтвердили первоначальную гипотезу об ослаблении взаимозависимости бывших союзных республик

и увеличении влияния на их экономику связей с дальним зарубежьем. Вместе с тем можно предположить, что вследствие недоучета услуг масштабы взаимодействия республиканских экономик немного занижались [11].

Современная версия модели построена на принципах системы национальных счетов (СНС), т. е. включает в границы производства все виды экономической деятельности, а не только «производственную сферу». Переход на методологию СНС устранил один из существенных дефектов предыдущих расчетов – игнорирование зависимости численности занятых в сфере нематериальных услуг от масштабов ее развития. Неявно предполагалось, что численность занятых прямо зависит от значения главного целевого показателя – объема конечного потребления. Наличие этой предпосылки могло приводить к чрезмерно оптимистическим результатам для «регионов-доноров» (коалиций регионов-доноров) при освобождении их от необходимости поддерживать уровень потребления более слабых регионов, так как рост объема конечного потребления не требовал увеличения численности занятых в отраслях нематериальных услуг.

В текущей постановке модели экономика представлена в разрезе федеральных округов, и масштабы их производства более сопоставимы, чем ранее: при межреспубликанском разрезе на Россию приходилось свыше 60% производства, и одно это обуславливало ее меньшую зависимость от поставок продукции из других республик. Первые расчеты по анализу взаимодействия федеральных округов были выполнены в 2005 г. на базе 27-отраслевой модели, построенной в соответствии с классификатором ОКОНХ, затем был введен соответствующий методологии СНС 40-отраслевой классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). Формальная постановка модели приведена в [12], а опыты ее прикладного применения в 2000-е гг. – в [13].

Первые расчеты были проведены не на статической, а на полудинамической ОМММ (базовый год – 2005, конец прогнозного периода – 2015). Тем самым регионы (коалиции регионов) получали большие возможности адаптации к условиям полного или частичного разрыва связей с другими регионами. В расчетах 1990-х гг. главным способом адаптации было сокращение объемов выпуска той продукции, которую регион (коалиция) производил в объемах, превышающих собственные потребности. Сейчас регион способен

запускать с нуля новые виды экономической деятельности (кроме добычи тех видов сырья, которого в данном регионе просто нет), если в результате разрыва межрегиональных связей лишился возможности закупать нужную продукцию у других регионов.

Эффекты межрегиональных взаимодействий в современной России

Анализ эффектов межрегиональных взаимодействий требует использования специальных терминов. *Вклад r -го региона* в конечное потребление s -го региона – это та часть конечного потребления s -го региона, которая обеспечивается взаимодействием с r -м регионом. Иными словами, на столько возрастает (или падает) конечное потребление s -го региона, если к коалиции присоединяется s -й регион. *Собственный вклад* региона – это величина его конечного потребления в условиях изолированного развития, т. е. в автаркии. При оценке внешнеторговых эффектов «заграница» рассматривается как дополнительный регион, который также может входить в коалиции. *Внутренние эффекты* показывают, что получает регион от взаимодействия в полной системе, т. е. как изменяется в результате его конечное потребление. *Чистый внутренний эффект* характеризует ту часть конечного потребления региона, которая вносится взаимодействием с другими регионами, а *валовой внутренний эффект* учитывает еще и собственный эффект региона. *Валовой вклад* региона показывает, как изменяется конечное потребление в полной системе регионов благодаря участию данного региона, а *чистый вклад* исключает из учета собственный вклад региона.

Разность между валовым (чистым) вкладом и валовым (чистым) внутренним эффектом характеризует итоговое влияние данного региона на остальные регионы системы. Это так называемое *сальдо взаимодействия*. Если оно положительно, то и остальные регионы в сумме получают положительный прирост целевых показателей от взаимодействия с данным регионом. Если оно отрицательно, то данный регион снижает суммарный целевой показатель остальных.

Был выполнен анализ эффектов межрегиональных взаимодействий по всем возможным коалициям на 2015 г. Результаты расчетов показали, что в случае разрыва всех связей изолированные регионы способны обеспечить в среднем не более 5% конечного потребле-

ния, которое они получали в системе регионов. Иными словами, средний собственный эффект составляет всего 5% оптимизируемого конечного потребления страны. Жизнеспособными в состоянии автаркии оказываются только три федеральных округа: Северо-Западный, который, опираясь на собственные силы, способен обеспечить 25% своего продукта в системе, Сибирский (12%) и Южный (9%). Остальные федеральные округа в состоянии автаркии имеют нулевые собственные эффекты, т. е. вообще не могут обеспечить функционирование своих экономик при прежней структуре конечного потребления (это означает, что соответствующие региональные задачи в этих условиях не дают допустимых решений).

Следует отметить, что полученные результаты подвержены влиянию уровня агрегации отраслей экономики. При использовании более дробной классификации отраслей потребности регионов во ввозе отсутствующей на территории продукции увеличиваются, эффекты взаимодействия возрастают, а негативные последствия исключения того или иного региона из какой-либо коалиции становятся более значительными. Кроме того, эти расчеты выполнены при гипотезе о жесткой, неизменной структуре конечного потребления, отсутствии возможности взаимозамены в ней одного продукта на другой, а также адаптации используемых технологий к дефициту каких-либо ресурсов.

Тем не менее полученные результаты имеют хорошее объяснение на качественном уровне. Особо следует отметить специфику Центрального федерального округа, вступление в коалицию с которым имеет негативные последствия для всех остальных округов (при сохранении неизменной территориальной структуры конечного потребления). Это объясняется двумя основными причинами: 1) очень высокой долей ЦФО в суммарном конечном потреблении; 2) отсутствием в составе отраслей производства ЦФО таких, которых нет в других округах.

Близкое к Центральному положение занимает Южный федеральный округ. Но менее выраженные отрицательные для других округов эффекты взаимодействия объясняются очень низкой долей ЮФО в суммарном конечном потреблении, наличием производства всех (в используемой номенклатуре отраслей) товаров и услуг, возможностью «предложить» некоторым другим регионам «избытки» производства продукции сельского хозяйства, пищевой промышленности.

Наиболее высоки эффекты взаимодействия от вступления в ту или иную коалицию восточных регионов (Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа), «работающих» на общероссийский рынок и обеспечивающих экспорт (нефть и газ, цветные металлы, лес), имеющих положительное сальдо товарообмена и пониженную (по сравнению с долей в суммарном ВРП) долю в суммарном конечном потреблении.

Сильно дифференцированы регионы по их общему вкладу в общесистемный результат. Только четыре федеральных округа имеют положительное сальдо взаимодействия – Северо-Западный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный, общие вклады остальных меньше получаемых ими внутренних эффектов, причем для Центрального – более всего. Совокупный внутренний эффект взаимодействия составляет почти 88,2% от конечного потребления страны, и этот показатель относительно слабо дифференцирован по регионам. Таким образом, расчеты показывали, что и в 2015 г. сохранится высокая взаимозависимость региональных экономик.

Растет ли степень интеграции российской экономики?

Актуальным является вопрос о долгосрочных тенденциях развития (или ослабления) межрегиональных связей. Используя методику коалиционного анализа и постановки моделей на базах разных лет, исследователь может оценить, в каком направлении менялась связность экономического пространства России в период после распада СССР, а также понять, не является ли результат, полученный для одного года, артефактом. Для того чтобы оценить изменения характера взаимодействия регионов в динамике, был проведен цикл исследований на статических моделях для 2000 г., 2005 г. и 2013 г. соответственно. Результаты этих расчетов представлены в таблицах 1–3.

Величина, стоящая на пересечении r -й строки и s -го столбца этой таблицы, выражает вклад r -го региона в конечное потребление s -го региона, т. е. ту часть конечного потребления s -го региона, которая обеспечивается взаимодействием с r -м регионом. На главной диагонали расположены величины, характеризующие собственные вклады регионов – размеры конечного потребления при изолированном развитии регионов. Суммы по столбцам дают

значения конечного потребления регионов в полной системе. Если просуммировать величины по столбцам, без учета вкладов внешних связей, то будут рассчитаны показатели валовых внутренних эффектов, получаемых регионами, а если при этом не учитывать еще и собственные вклады, то получаются показатели чистых внутренних эффектов. Суммы по строкам таблицы дают показатели валовых вкладов регионов в общий целевой показатель системы. Если исключить из них собственные вклады, то получатся показатели чистых вкладов.

Таблица 1. Эффекты межрегиональных взаимодействий при полной «либерализации» внешних связей и при условии нулевого сальдо (в мировых ценах) торгового баланса для каждого федерального округа в 2000 г., % к значению регионального конечного потребления

ФО	ЦФО	СЗФО	ЮФО*	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	Итого (общий вклад)	Сальдо взаимодействий
ЦФО	49,1	-10,0	-10,8	-2,3	-9,6	-7,1	-14,1	37,2	-62,8
СЗФО	4,0	100,4	1,7	0,2	-2,1	0,4	-2,3	116,5	16,5
ЮФО	0,9	-0,6	94,1	-2,1	-3,2	-1,3	-3,2	87,8	-12,2
ПФО	14,4	2,8	2,9	101,5	-0,8	1,5	0,5	140,5	40,5
УФО	20,5	4,9	7,8	1,8	115,9	3,6	6,3	251,6	151,6
СФО	8,2	1,7	2,2	0,0	-1,4	102,3	-1,4	133,0	33,0
ДВФО	3,0	0,8	2,2	0,9	1,2	0,5	114,1	144,4	44,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		

* Южный федеральный округ – в границах 2000 г.

Таблица 2. Эффекты межрегиональных взаимодействий при полной «либерализации» внешних связей и при условии нулевого сальдо (в мировых ценах) торгового баланса для каждого федерального округа в 2005 г., % к значению регионального конечного потребления

ФО	ЦФО	СЗФО	ЮФО*	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	Итого (общий вклад)	Сальдо взаимодействий
ЦФО	25,6	-18,6	-14,6	-13,6	-12,4	-17,2	-17,8	-0,2	-100,2
СЗФО	4,1	93,5	3,3	0,4	0,4	0,5	2,5	116,0	16,0
ЮФО	1,2	-3,6	60,3	-0,6	-2,6	-0,8	-2,8	56,2	-43,8
ПФО	14,7	6,0	12,0	100,2	2,8	3,5	8,9	151,9	51,9
УФО	43,5	19,3	28,2	12,0	110,1	14,1	25,0	399,3	299,3
СФО	9,2	4,2	9,9	1,6	1,8	99,9	6,9	149,3	49,3
ДВФО	1,6	-0,8	0,8	0,0	-0,1	-0,1	77,3	88,7	-11,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		

* Южный федеральный округ – в границах 2000 г.

Таблица 3. Эффекты межрегиональных взаимодействий при полной «либерализации» внешних связей и при условии нулевого сальдо (в мировых ценах) торгового баланса для каждого федерального округа в 2013 г., % к значению регионального конечного потребления

ФО	ЦФО	СЗФО	ЮФО*	ПФО	УФО	СФО	ДФФО	Итого (общий вклад)	Сальдо взаимодействий
ЦФО	21,7	-23,4	-15,1	-22,8	-11,8	-24,8	-26,1	-14,5	-114,5
СЗФО	4,1	87,8	6,6	-0,6	-1,4	-0,9	0,1	106,7	6,7
ЮФО	-3,2	-14,8	28,8	-11,3	-18,9	-13,2	-19,0	-44,2	-144,2
ПФО	12,3	7,1	16,3	105,2	-2,3	3,3	6,3	151,0	51,0
УФО	51,8	34,7	42,2	26,1	135,7	28,0	33,5	514,7	414,7
СФО	10,1	6,6	15,0	3,0	-0,6	107,3	6,1	170,6	70,6
ДФФО	3,2	1,9	6,2	0,4	-0,8	0,4	99,1	142,0	42,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

* Южный федеральный округ в данной таблице включает и Северо-Кавказский.

Сравнение трех таблиц показывает устойчивое снижение собственного эффекта Центрального федерального округа и нарастание отрицательного сальдо его взаимодействия с другими регионами, что означает усиление зависимости Центрального округа от остальных регионов. Это обусловлено двумя причинами. Первая – для любой коалиции регионов задавалось как необходимое условие выполнение торгового баланса (суммарный импорт не может превышать суммарный экспорт), исчисленного в ценах, по которым Россия экспортировала и импортировала свои товары в данном году. А конъюнктура этих цен в 2000–2013 гг. изменялась не в пользу ЦФО, полностью зависимого от поставок существенно подорожавших нефти, газа и угля. Вторая – все услуги на уровне ОМММ рассматривались как нетранспортабельные продукты, в реальности же в течение рассматриваемого периода ЦФО усиливал свою специализацию как поставщик услуг в другие регионы страны (по крайней мере, статистически, так как в российской столице регистрировались итоги многих видов экономической деятельности, фактически осуществляющихся в других регионах).

Ценовым фактором, так же как в Центральном федеральном округе, логично объясняется и усиление зависимости от поставок из других регионов экономики Южного федерального округа (в совокупности с Северо-Кавказским). Кроме того, с 2000 г. по 2013 г. заметно возросла доля округа в суммарном конечном

потреблении (в том числе и за счет включения в него экономики Чеченской Республики).

Наименее зависимы от поставок из других регионов при условии свободного доступа к внешнему рынку регионы, имеющие избыточные по сравнению с внутренними потребностями мощности по производству углеводородов. Безусловным лидером с постоянно растущим общим вкладом в суммарные по стране результаты здесь является Уральский федеральный округ. В условиях отсутствия связей с другими округами страны и при свободном доступе к внешнему рынку он может обеспечить себе уровень конечного потребления, существенно превышающий фактический (135% в 2013 г.). Результат мог бы быть еще более высоким, но этому препятствует дефицит трудовых ресурсов (возможности их межрегионального перераспределения в расчетах исключались). Импорт услуг в обмен на товары также невозможен, а именно в этих видах деятельности (даже в УФО) занята большая часть трудовых ресурсов.

Следует отметить определенную условность полученных количественных результатов, которые по уже изложенным причинам сильно зависят от степени детализации видов экономической деятельности. Расчеты для 2013 г. выполнялись на модели, в которой были представлены не 27, а 40 видов экономической деятельности. Более детализированная постановка ОМММ склонна показывать более высокую степень взаимозависимости регионов.

Эта условность отчасти ослабевает при проведении коалиционного анализа на полудинамической модели, предназначенной для оценки возможностей развития на долгосрочную перспективу, если предположить, что в любом из регионов могут производиться все виды промышленной продукции, за исключением отдельных видов добычи сырья.

Российские регионы и внешний мир: прогноз на 2030 г.

Основой для проведения коалиционного анализа на полудинамической модели послужил вариант прогнозных расчетов, выполненных в 2014 г. в ИЭОПП, на период до 2030 г., соответствующий по значениям сводных макропоказателей последнему на тот момент времени «базовому» варианту Минэкономразвития РФ на аналогичный период. Но, в отличие от всех предшествующих вариантов межрегиональной межотраслевой модели, для расчетов

была разработана нелинейная постановка ОМММ с эндогенными показателями внешней торговли, которая обеспечивает намного бóльшие возможности адаптации регионов (коалиций регионов) к радикальным изменениям условий в части возможностей товарообмена с другими регионами. Допускается, что регион способен запустить производство новых видов продукции, если лишен возможности закупать их на межрегиональном рынке.

Нелинейная (точнее – аппроксимируемая кусочно-линейными функциями) зависимость затрат от объемов выпуска (в данной постановке нелинейность ограничивается повышением приростной капиталоемкости производства) предполагает следующую связь изменений суммарных затрат при отклонениях от принятого в качестве наиболее вероятного варианта прогноза (в частности, при необходимости запуска новых видов деятельности): чем больше масштабы этих отклонений, тем большие затраты приходится нести региону (коалиции регионов), вынужденному адаптироваться к разрыву всех или части связей с другими регионами.

Выполнены несколько циклов расчетов по определению эффектов межрегиональных взаимодействий. Основной – на базе «нелинейной» версии ОМММ, результат решения которой был максимально приближен к результату, полученному при использовании стандартной постановки модели. Другие расчеты предполагали возможность адаптации регионов к наращиванию производства и создание новых отраслей. По сути, эти расчеты показывают, как в течение периода 2013–2030 гг. регион (в составе всех возможных коалиций) будет приспособливаться к разрыву межрегиональных связей, который случится в 2030 г.

Был построен модифицированный вариант прогноза, допускающий ослабление требований к состоянию платежного баланса России к 2030 г. – ограничение по величине сальдо внешней торговли было ослаблено до нуля. Нулевым оно задавалось как для экономики в целом, так и для любых коалиций регионов (не во внутренних основных ценах, а во внешних, приближенных к наблюдаемым в 2013 г.). Это решение было вызвано невозможностью корректно распределить между регионами большое положительное сальдо внешней торговли, предусмотренное основным вариантом прогноза.

Первая серия расчетов была направлена на оценку только внутренних эффектов взаимодействия в условиях свободного доступа к внешнему миру любой коалиции регионов.

Результат оказался вполне ожидаемым: и в условиях автаркии (отсутствия связей с другими регионами) достичь и даже превысить уровень конечного потребления смогли лишь те регионы, которые в составе полной коалиции имели положительное сальдо торговли с другими регионами и внешним миром (при измерении этого сальдо во внешних ценах). Это федеральные округа, которые продемонстрировали на главной диагонали таблицы 4 собственные эффекты, превышающие 100%: Приволжский (101%), Уральский (124%), Сибирский (110%), Дальневосточный (107%). Эти результаты далеко не так выразительны, как получавшиеся при аналогичных расчетах для союзных республик конца 1980-х гг. В современных расчетах достижению более высоких результатов может препятствовать ограниченность трудовых ресурсов, поскольку рост конечного потребления требует и увеличения доли занятых производством услуг, ввоз которых из других регионов или из-за рубежа невозможен.

Таблица 4. Эффекты межрегиональных взаимодействий при полной «либерализации» внешних связей и при условии нулевого сальдо (в мировых ценах) торгового баланса для каждого федерального округа в 2030 г., % к значению регионального конечного потребления

ФО	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	Итого (общий вклад)	Сальдо взаимо- действий
ЦФО	61,1	-17,4	-9,3	-0,5	-15,9	-13,2	-24,6	40,6	-59,4
СЗФО	3,1	100,7	6,0	0,1	-0,8	-0,2	0,3	118,0	18,0
ЮФО	-3,0	-9,4	58,1	-0,9	-9,6	-7,7	-15,2	20,8	-79,2
ПФО	7,5	3,6	9,0	101,5	-1,0	0,7	3,9	127,8	27,8
УФО	20,9	16,5	21,0	-0,5	124,0	9,1	24,5	268,0	168,0
СФО	6,8	3,6	9,1	-0,1	-0,8	109,6	4,3	146,9	46,9
ДВФО	3,6	2,4	6,2	0,5	4,1	1,7	106,7	165,3	65,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

Наибольший ущерб от разрыва связей с другими регионами понесли Южный (включая Северо-Кавказский) и Центральный округа – соответственно, 58 и 61%.

Вторая серия расчетов была направлена на оценку всех эффектов взаимодействия, в том числе и с внешним миром. В условиях автаркии и отсутствия связей с внешним миром ни один из округов не достигает того уровня конечного потребления, который он имел в базовом варианте прогноза. Наиболее «независимым»

от всех связей оказался Северо-Западный округ (85%) – этим он отличался и по результатам расчетов, выполнявшихся в 2005 г. по 27-отраслевой модели (в этом округе есть все виды экономической деятельности, а структура производства намного ближе к структуре потребления по сравнению с другими округами).

Для половины регионов в условиях автаркии и отсутствия связей с внешним миром задача получения положительного значения конечного потребления оказалась неразрешимой. Наиболее значимыми эффекты взаимодействия с внешним миром оказались для Приволжского и Уральского федеральных округов (около 30% суммарного эффекта), наименее значимыми для Северо-Западного округа (около 10%).

Проведенные на 2030 г. прогнозные расчеты вновь подтвердили выявленные в ретроспективных расчетах особенности регионов, выделили наиболее самодостаточные (Уральский, Сибирский, Дальневосточный округа) и наиболее зависимые от межрегиональных взаимодействий экономики Центральный и Южный. Сравнение собственных эффектов регионов в таблицах 3 и 4 демонстрирует заметное «сглаживание» различий на главной диагонали, что свидетельствует об относительно успешной адаптации ранее сильно зависимых от внешних поставок регионов. Также уменьшаются величины отрицательных вкладов ЦФО и ЮФО. В целом сокращаются различия региональных сальдо взаимодействий, что можно интерпретировать как рост эквивалентности межрегиональных отношений.

Проведенное исследование можно рассматривать лишь как начальный этап анализа взаимодействий макрорегионов России между собой и с мировой экономикой. В дальнейшем потребуется уточнить многие фрагменты исходной информации для моделей, более тщательно протестировать результаты.

Следует подчеркнуть, что расчеты такого рода относятся к области фундаментальной науки и проводятся с целью понимания глубинных причин и механизмов, которые объективно побуждают регионы к экономическому сотрудничеству. Практика показывает, что использование подобных расчетов в угоду политической конъюнктуре оборачивается калькуляцией взаимных претензий регионов и дискредитирует экономическую науку. Более того, в условиях серьезных геополитических сдвигов самые точные

экономические расчеты не способны оказать влияние на решения избирателей об изменении уровня суверенитета.

Так, в преддверии «Брексита» было опубликовано множество прогнозов в попытке убедить британцев остаться в ЕС. Аналитики Лондонской школы экономики, используя модель мировой торговли на базе межстрановых таблиц «затраты-выпуск», оценили потери Великобритании в размере 6,3–9,5% ВВП [14]. Специалисты британского Казначейства использовали эконометрические модели векторной авторегрессии и модели вычислимого общего равновесия и оценили возможное сокращение ВВП от 3,6 до 6% [15]. Оценки прочих исследовательских коллективов (Организации экономического сотрудничества и развития), Конфедерации британской промышленности совместно с Pricewaterhouse@Coopers, а также Национального института экономических и социальных исследований (Oxford Economics) – были скромнее, от минус 3 до минус 5% [16]. И лишь одно исследовательское сообщество «Экономисты за Брексит», с помощью так называемой Ливерпульской макроэкономической модели британской экономики, основанной на рациональных ожиданиях и используемой с 1980 г., оценило перспективы выхода из ЕС как положительные и способные привести к росту британского ВВП на 4% [17]. Но очевидно, что даже если бы британские избиратели хорошо разбирались в экономико-математических моделях, рациональные аргументы имеют небольшой вес в подобных решениях.

Литература

1. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М: Финансы и статистика, 1990. – С. 634–640.
2. Народное хозяйство СССР в 1990 году: стат. сборник / ЦСУ СССР. – М: Финансы и статистика, 1991. – С. 636–643.
3. *Завельский М. Г., Львов Д. С.* Механизм межрегиональных хозяйственных взаимодействий // *Экономист.* – 1991. – № 6. – С. 11–24.
4. *Кёёрна А.* Хозрасчет региональный // *Вопросы экономики.* – 1988. – № 8. – С. 65–72.
5. *Гранберг А. Г.* Межреспубликанские экономические связи // *Вестник Российской академии наук.* – 1992. – № 2. – С. 3–14.
6. Документы об основах государственного строя (законы, указы, распоряжения) [Эл. ресурс] / Управление делами Президента Азербайджанской Республики. Президентская библиотека. 457 с. URL: http://files.preslib.az/projects/republic/ru/azr4_4.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

7. Гранберг А. Г. Проблемы межрегиональных экономических отношений // Экономика и математические методы. – 1990. – Т. 26. – № 1. – С. 93–104.
8. Селиверстов В. Е. Интеграционные связи союзных республик и их анализ на основе межрегиональных межотраслевых балансов // Экономика и математические методы. – 1991. – Т. 26. – № 1. – С. 87–97.
9. Суслов В. И. Измерение эффектов межрегиональных взаимодействий: модели, методы, результаты// – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1991. – 252 с.
10. Гранберг А. Г., Суслов В. И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл./ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1993. – 63 с.
11. Ибрагимов Н. М. Моделирование торгово-экономического взаимодействия региональных экономических систем: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Новосибирск, 2006. – 209 с. РГБ ОД, 61:06–8/1869
12. Ершов Ю. С., Ибрагимов Н. М., Мельникова Л. В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем: сб. ст. / под ред. В. И. Сулова. ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2007. – С. 29–59.
13. Ершов Ю. С., Мельникова Л. В., Суслов В. И. Практика применения оптимизационных мультирегиональных межотраслевых моделей в стратегических прогнозах российской экономики // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. – 2009. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 9–23.
14. Dhingra S., Ottaviano G. I. P., Sampson Th., Reenen J. Van. The consequences of Brexit for UK trade and living standards // LSE Research Online Documents on Economics 66144, London School of Economics and Political Science, LSE Library. 2016. URL: <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/brexit02.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
15. HM Treasury analysis: the immediate economic impact of leaving the EU // HM Government / Presented to Parliament by the Chancellor of the Exchequer by Command of Her Majesty. May 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/hm-treasury-analysis-the-immediate-economic-impact-of-leaving-the-eu> (дата обращения: 02.09.2016).
16. Giles Ch. Brexit in seven charts – the economic impact // Financial Times. – June 27, 2016/ URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/0260242c-370b-11e6-9a05-82a9b15a8ee7.html?siteedition=intl> (дата обращения: 03.09.2016)
17. A vote for Brexit: what are the policies to follow after and what are the economic prospects? // Economists for Brexit. URL: <http://www.economistsforbrexit.co.uk/a-vote-for-brexit/> (дата обращения: 02.09.2016).

Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное

Ю.С. ЕРШОВ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: eryus@mail.ru

В статье анализируются итоги развития экономик бывших союзных республик, на которые наиболее существенное влияние должно было оказать изменение внешних условий их развития в связи с переходом ранее внутренней торговли в межгосударственную по ценам мирового рынка и необходимостью каждого из государств постсоветского пространства самостоятельно находить источники финансирования дефицита своего торгового и в целом платежного баланса. Главная составляющая анализа – особенности экономического взаимодействия этих государств с Россией, которая, несмотря на заметное ослабление ее роли в качестве поставщика и потребителя товаров и услуг, продолжает оставаться для большинства из них важным экономическим партнером.

Ключевые слова: межотраслевые балансы, цены мирового рынка, сальдо внешней торговли, пространственная структура экономики, международные сопоставления, демография постсоветского пространства, международная миграция, этнический состав населения, трансграничные переводы

Кому и зачем это было нужно?

В самом начале 1990-х годов Госкомстат СССР впервые за всю историю разработки межотраслевых балансов союзных республик осуществил пересчет экспорта, импорта и межреспубликанских товарных потоков в мировые цены. Тем самым был получен ответ на вопрос о том, какими были бы значения сальдо торговых балансов республик, если бы торговля между ними осуществлялась по сложившимся на тот момент ценам мирового рынка. С какой целью выполнялись эти расчеты, официально не объявлялось. Логично предположить две версии. Первая – с чисто научной, познавательной. И вторая, более правдоподобная – показать почти всем республикам, что выход из СССР тяжело отразится на их экономиках и приведет к снижению уровня жизни.

Пересчет в мировые цены показателей ввоза, вывоза, экспорта и импорта для 1987 г. выявил, что РСФСР имеет огромное

положительное сальдо – более 40 млрд так называемых «инвалютных рублей»¹, или около 67 млрд долл., что примерно равно по покупательной способности, исходя из официальных данных об инфляции в США за 1988–2015 гг., 137 млрд современных долларов. Правда, в 1988 г. и 1989 г. вследствие изменений внешнеэкономической конъюнктуры положительное сальдо России сократилось соответственно до 31 и 32 млрд руб.

Естественный вывод – Россия де-факто является «кормилицей» остальной части СССР, и если бы межреспубликанская торговля осуществлялась по «правильным» ценам мирового рынка и на условиях эквивалентности товарообмена, то она могла бы получить большой дополнительный доход, а союзные республики вынуждены были бы в той или иной степени сократить масштабы потребления и инвестиций в свои экономики.

Конечно, такая интерпретация последствий изменения условий межреспубликанской торговли могла иметь место лишь у самых недалеких людей. Новые цены в сочетании с принципом эквивалентности товарообмена были просто несовместимы с прежними материально-вещественными связями, и часть рынка ближнего зарубежья² России пришлось бы потерять вследствие сокращения их емкости. Поставки нефти и газа с течением времени можно было бы перераспределить в пользу «дальнего зарубежья», а проблема реализации другой продукции вряд ли была бы успешно разрешена.

И времена меняются, и не товаром единым живут страны

Следует отметить, что оценку особенностей межреспубликанских отношений и масштабов той «безвозмездной помощи», которую получали другие союзные республики от России благодаря выгодным для них отличиям внутренних цен от мировых, нельзя назвать полной и корректной. Не было даже приблизительных ретроспективных оценок показателей сальдо производства и потребления, в частности, до энергетического кризиса 1970-х, когда мировая цена на нефть была всего около 4 долл. за баррель. И каким было это сальдо для России, когда у нас еще не было

¹ 1 инвалютный рубль в 1987–1988 гг. примерно равен $1/0,6 = 1,67$ долл. США.

² Под ближним зарубежьем здесь понимаются все государства, расположенные на территории бывших союзных с РСФСР республик.

ни «второго», ни «третьего Баку», а на Азербайджан приходилось две трети всей добываемой в СССР нефти.

Но кроме товаров, есть еще и услуги, и из того, что статистика не регистрировала межреспубликанский обмен услугами, не следует, что не было их ввоза и вывоза. В частности, итоги работы грузового транспорта союзных республик, включавшиеся, естественно, в их произведенный национальный доход, не регистрировались как экспорт услуг в Россию. А это должны были быть достаточно большие числа – экспортировались российские нефть и газ, и не только, и в основном через западные границы СССР, следовательно, их транзит через территорию Украины, Белоруссии, прибалтийских республик – по сути экспорт транспортных услуг этими республиками. И как изменились бы результаты при учете явно положительного сальдо торговли услугами тех республик, где традиционно отдыхали и лечились миллионы россиян – у Украины (в то время с Крымом), Грузии, Латвии. А еще был и вывоз услуг рабочей силы из некоторых «трудоизбыточных» республик, прежде всего закавказских, в Россию. Трудовых мигрантов тогда образно называли «грачами», и сколько в целом они зарабатывали в России, и какие суммы увозили или переводили на свои малые родины – такой статистики не было.

Примерная оценка всех источников денежных поступлений в каждую из республик могла поменять картину межреспубликанских отношений в части оценки степени «донорства» и «реципиентства» республик, но статус России радикально не изменился бы – ни 137, ни 100 млрд в пересчете на современные доллары не могли быть компенсированы возможным положительным сальдо вывоза и ввоза услуг у отдельных республик и заработками «грачей».

Помимо банальной констатации значений торговых сальдо республик, предпринимались попытки более глубокого изучения особенностей межреспубликанских экономических отношений. Еще задолго до известных расчетов Госкомстата работавший под руководством академика А. Г. Гранберга коллектив сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО РАН провел исследование экономики страны на базе модели двухзонального (РСФСР – остальная часть страны) межотраслевого баланса, позволившего дополнить статистику

прямых торговых связей показателями так называемого полного ввоза и вывоза не только продукции, но и затрат трудовых ресурсов и капитала [1]. Прямого отношения к проблеме – кто выигрывает или проигрывает в результате отличий советских цен от цен мирового рынка – эти исследования не имели, но тем не менее одним из их результатов был вывод о большей значимости взаимодействия с Россией совокупности всех остальных союзных республик, чем это следовало из анализа только прямых межреспубликанских торговых связей.

В начале 1990-х гг. был разработан инструмент коалиционного анализа, позволивший дать оценки последствий разрыва тех или иных межреспубликанских связей или, напротив, объединения той или иной совокупности республик в коалицию – своего рода единое экономическое пространство без каких-либо ограничений во взаимной торговле и, более того, без обязательств каждого из участников коалиции самостоятельно обеспечивать свои торговые балансы [2, 3].

Позднее были выполнены оценки значимости пересчета внутренних цен в мировые для получаемых значений сальдо торговых балансов бывших союзных республик, а также влияния отклонений фактических внутренних цен конечного потребления от «нормальных», определяемых внутренними затратами на производство, т. е. «освобожденных» от акцизов и дотаций. Эти расчеты показали, что измерения в мировых ценах действительно заметно увеличивают для большинства союзных республик отрицательные значения торговых сальдо. Равно как и внутренние цены конечного потребления – в ценах, «освобожденных» от акцизов и дотаций, абсолютные значения отрицательных торговых сальдо уменьшались, более того, у некоторых республик значения этих сальдо становились положительными [4].

Но результаты таких расчетов могли лишь объяснить причины большой несбалансированности межреспубликанского товарообмена, и к вопросу о том, что может быть после перехода к торговле по ценам мирового рынка, они прямого отношения не имели.

Первая неожиданность – уже на старте

Логично было ожидать, что вследствие относительного единообразия социальных норм потребления и условий оплаты

труда максимальные объемы отрицательного сальдо производства и потребления при оценке в «правильных» ценах окажутся у республик с самыми низкими показателями произведенного национального дохода на душу населения. Таковыми в 1990 г. были Таджикистан, Узбекистан и Киргизия – с показателями соответственно 37, 48 и 56% от среднего значения по СССР.

Но результат оказался далеким от ожидаемого по такой логике. Так, для Эстонии с населением всего 1,57 млн чел. и с самым высоким показателем произведенного национального дохода на душу (126% от среднего по СССР) отрицательное сальдо ввоза-вывоза (включая импорт и экспорт) в 1988 г. составило при оценке его в мировых ценах 1,30 млрд инвалютных рублей, в то время как для Таджикистана с населением более 5 млн чел. это сальдо было лишь 1,12 млрд. Для Латвии с населением в 2,7 млн чел., также превосходящей Россию по производству национального дохода на душу, отрицательное сальдо ввоза-вывоза составило 1,31 млрд, в то время как для Киргизии с населением 4,3 млн чел. – лишь 1,06 млрд руб. Узбекистан с населением около 20 млн чел. и очень низким показателем душевого национального дохода имел отрицательное сальдо ввоза-вывоза – 2,54 млрд, а Литва с населением 3,6 млн чел. – 3,69 млрд руб., и у этой республики величина отрицательного сальдо в расчете на душу населения достигала максимума среди всех союзных республик – около 1000 руб. Если же делить не на душу населения, а на численность занятых в экономике, то получим примерно 2000 руб. А средняя заработная плата в Литве в 1998 г. составляла около 220 руб. в месяц. Иначе говоря, получалось, что три четверти фонда заработной платы Литва получала в качестве помощи от России, в том числе и через механизм более выгодных для республики по сравнению с мировыми советских цен.

У нас нет никаких прямых оснований считать, что Госкомстат СССР преднамеренно завысил масштабы «реципиентства» прибалтийских республик, поскольку они фактически стали инициаторами выхода из СССР и последующего его распада, чтобы именно им в первую очередь показать экономическую нецелесообразность этого выхода. Будем поэтому считать результаты пересчета немного странными, легко и просто не объяснимыми. И если их принять за истину, то можно было предположить, что после распада СССР и перехода бывших союзных республик

во взаимной торговле на цены мирового рынка среди наиболее пострадавших от необходимости самостоятельно обеспечивать свой платежный баланс должны оказаться республики Прибалтики и Молдавия (республики с наибольшими значениями отрицательного сальдо в расчете на душу населения).

Следующую группу по масштабам потерянных доходов от неэквивалентной ранее торговли с Россией составили бы Казахстан, Армения и Грузия. Меньше всего должны были потерять от перехода на эквивалентный обмен в мировых ценах Азербайджан и Украина – у последней отрицательное сальдо внешних торговых связей в расчете на душу населения в 1988 г. составляло менее 60 инвалютных рублей.

Среди потенциально выигрывающих от перехода на мировые цены были только Туркмения (но размер выигрыша для нее был символическим) и Россия – последняя от изменения условий внешней торговли должна была получить более 200 руб. в расчете на душу населения.

Насколько сбылись ожидания в масштабах проигрыша и выигрыша от перехода на торговлю по мировым ценам и на принципах эквивалентности обмена, можно судить по данным таблицы 1 путем сравнения 1990 г. и 1995 г. (данные по ВВП для всех постсоветских стран имеются лишь с 1995 г.).

Россия, безусловно, «выиграла» в смысле увеличения своей доли в суммарном объеме производства всех стран постсоветского пространства – с 60,6% к 1995 г. она возросла до 73,2%. Возможно, последний показатель немного завышен, так как в некоторых странах часть итогов экономической деятельности могла просто не учитываться (Приднестровье, Абхазия, Нагорный Карабах).

Сильнее всего «провалились» экономики Молдавии, Грузии, Армении, Киргизии и Таджикистана, но в какой степени это было обусловлено переходом на новые цены и необходимостью самостоятельного обеспечения своих торговых балансов, а в какой – иными факторами, определить невозможно. Неожиданностью можно считать увеличение доли Казахстана – с 4,3 до 5,3%. Но самым большим сюрпризом стало новое положение бывших прибалтийских республик и Украины – совокупные относительные потери первых от изменения условий внешнеэкономических связей оказались минимальными, а главный бывший «нахлебник» России – Литва – даже смогла увеличить свою долю в суммарном

объеме производства. Доля же Украины снизилась в полтора раза, хотя переход на новые цены в торговле сулил ей относительно небольшие в расчете на душу населения потери.

Таблица 1. Динамика ВВП стран постсоветского пространства за 1995–2014 гг. (исходя из курсов валют, соответствующих паритету их покупательной способности – ППС)*

Страна	Млрд долл. США						% к итогу						
	1995	2000	2005	2010	2013	2014	1990	1995	2000	2005	2010	2013	2014
Россия	1300,6	1530,6	2314,0	3031,0	3498,0	3576,8	60,64	73,22	73,00	70,72	69,39	68,42	68,19
Эстония	11,6	16,9	26,8	29,0	35,2	36,8	0,69	0,65	0,81	0,82	0,66	0,69	0,70
Латвия	15,1	21,0	35,2	38,4	46,5	48,4	1,14	0,85	1,00	1,08	0,88	0,91	0,92
Литва	24,4	33,3	54,5	63,6	76,4	79,9	1,29	1,37	1,59	1,67	1,46	1,49	1,52
Белоруссия	39,3	57,9	93,3	146,0	167,3	172,8	4,32	2,21	2,76	2,85	3,34	3,27	3,29
Украина	196,4	193,5	315,6	351,7	392,6	371,8	16,59	11,06	9,23	9,65	8,05	7,68	7,09
Молдавия	7,0	6,7	10,6	13,6	16,7	17,8	1,24	0,39	0,32	0,32	0,31	0,33	0,34
Грузия	7,9	11,4	18,2	25,9	32,3	34,3	1,51	0,44	0,54	0,56	0,59	0,63	0,65
Армения	5,1	7,0	14,2	18,9	23,2	24,4	0,97	0,29	0,33	0,43	0,43	0,45	0,47
Азербайджан	19,5	29,7	59,1	138,9	158,8	165,9	1,64	1,10	1,42	1,81	3,18	3,11	3,16
Казахстан	93,2	114,5	210,7	313,5	396,2	420,0	4,33	5,25	5,46	6,44	7,18	7,75	8,01
Узбекистан	37,0	48,6	70,8	117,3	156,8	172,3	3,38	2,08	2,32	2,16	2,69	3,07	3,28
Туркмения	8,7	11,6	27,5	49,5	73,5	82,4	0,75	0,49	0,55	0,84	1,13	1,44	1,57
Киргизия	5,7	8,1	11,0	14,9	18,3	19,2	0,85	0,32	0,39	0,34	0,34	0,36	0,37
Таджикистан	4,7	5,9	10,4	15,8	20,7	22,4	0,67	0,26	0,28	0,32	0,36	0,40	0,43
Итого	1776,2	2096,7	3271,9	4368,0	5112,5	5245,2	100	100	100	100	100	100	100

* 1990 г. – доля союзных республик в произведенном национальном доходе СССР. Данные по ВВП России для сопоставимости с другими странами приведены такими, какими они были до пересчета итогов последних лет в соответствии с СНС 2008. Данные по ВВП Молдавии и Грузии не включают экономических итогов Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии.

Не менее интересным и неожиданным стало падение доли России в суммарном ВВП постсоветского пространства после 2000 г. – в период быстрого и значительного улучшения для нее внешнеэкономической конъюнктуры в части роста цен на нефть, газ, уголь, металлы. Основную роль в этом сыграли «новые азиатские нефтегазовые тигры» – Казахстан и Азербайджан. Эти страны почти вдвое увеличили свои доли в суммарном производстве постсоветского пространства по сравнению с 1990 г. Главная причина – многократный рост объемов добычи нефти: в Казахстане ее добыча к 2013 г. превысила 81 млн т (в 1990 г. здесь добывалось всего 25,8 млн т), в разы выросла и добыча

газа – до 42,3 млрд м³ (в 1990 г. – 7,1 млрд м³). То же и в Азербайджане – с 12,5 млн т в 1990 г. до 50,8 млн т в 2010 г. возросла добыча нефти, с 9,9 до 16,7 млрд м³ – добыча газа. В обеих странах в расчете на душу населения объем добычи нефти превысил аналогичный показатель по России.

Странности международной статистики, но «за неимением гербовой пишем на простой»

Не все легко понять и объяснить. Например, удвоение доли Туркмении притом, что современные объемы добычи газа здесь меньше, чем в советский период (в 2012 г. – 75 млрд м³ против 90 млрд в 1990 г.). Выросла добыча нефти – около 10 млн т против 7 млн т в 1990 г., но это не может объяснить очень высоких темпов роста ВВП в среднем за весь постсоветский период. Одна из вероятных гипотез – недостоверность туркменской статистики, которая является одной из самых закрытых. Нет оснований безоговорочно доверять и статистике всех других стран. Так, например, статистика Азербайджана регистрирует прирост физического объема ВВП в 2009 г. на 9,3% [5], растет и номинальный ВВП (со 119 млрд долл. в 2008 г. до 131 млрд долл., исчисленных исходя из ППС), при очень сильном падении – более чем в 1,5 раза – среднегодовой цены нефти и примерно на треть – газа на мировом рынке (для намного «менее нефтегазовой» экономики России такое снижение вызвало спад на 7,8%). Напротив, в 2011 г. при увеличении цены на нефть более чем на треть номинальный ВВП страны растет символически – до 142 млрд долл. против 139 в 2010 г. (только снижением добычи с 51 до 46 млн т это объяснить невозможно).

Далеко не все гладко и в части отображения международной статистикой российской экономики. Вспомним одну из главных задач, которую ставил когда-то Президент РФ – в течение 10 лет удвоить ВВП страны. По данным Росстата, эта задача не была выполнена ни к 2010 г. по сравнению с 2000 г., ни к 2013 г. по сравнению с 2003 г., когда она была озвучена. Производство индексов физического объема ВВП дает за 2001–2010 гг. величину 1,60, еще меньше результат за 2004–2013 гг. – 1,48.

А теперь обратимся к статистике международных сопоставлений, публикуемой в последнем разделе Российского статистического ежегодника [6] (эти же данные есть и на сайте Росстата).

2002 г. – душевой ВВП России составляет лишь 22% от американского уровня, данные за 2008 г. – уже 43%. Если учесть, что в США в 2008 г. физический объем ВВП составил почти 115% от уровня 2002 г., то можно констатировать, что ВВП России был более чем удвоен всего за шесть лет (небольшие поправки на динамику численности населения – рост примерно на 6% в США и снижение в РФ на 2,2% не изменяют результат). Конечно, если предположить, что 22% – это на самом деле 22,49%, а 43% – это 42,50%, то до удвоения немного не дотягиваем, получим лишь 1,89. Но при добавлении индексов физического объема ВВП России за 2001 г. и 2002 г. (105,1 и 104,7%) уже будет более чем удвоение, правда, не за шесть, а за восемь лет.

Очевидно, что у Росстата, как и у президента и правительства, нет оснований занижать индексы физического объема ВВП России, приходится просто констатировать факт недостоверности пары 22% – 43%. Вполне вероятно, что нельзя полностью доверять и статистике каких-то других стран. Но другой нет.

Самым неприятным для России итогом стал тот факт, что вопреки ожиданиям экономика Эстонии имеет более высокие душевые показатели ВВП (табл. 2), у Литвы практически такой же показатель, как и у России. И Латвия не очень сильно отстает от нас. А ведь в этих республиках нет ни нефти, ни газа, ни угля, ни многого другого. Чем же объяснить «прибалтийский феномен» – бывшие в передовиках в условиях, когда расчеты осуществлялись в советских ценах, ими же и остались при товарообмене с другими странами по мировым ценам?

Одна из возможных причин – возрастная структура населения этих стран и, соответственно, пониженная демографическая нагрузка на работающую его часть. Но эта причина была бы весомой при сравнении с государствами Центральной Азии, где высокая рождаемость – одна из важнейших причин низких душевых показателей ВВП (если бы, например, все женщины Таджикистана решили в каком-то году не рожать детей, то по итогам этого года душевой ВВП республики стал бы на 2,5 п. п. выше, чем при современном количестве ежегодно рождающихся). И если в государствах Балтии занятым в экономике считается примерно каждый второй, то в Таджикистане или Узбекистане – лишь каждый четвертый житель. Значительная часть «незанятых», особенно женщин, в этих странах работают и, возможно,

даже больше, чем «заняты» эстонки или латышки, но итоги труда статистика не включает в ВВП, поскольку их продукция не является товарной. Не включала их в национальный доход и советская статистика. По этой причине различия в формальных показателях душевых ВВП нельзя интерпретировать как различия в результатах производственной деятельности в широком смысле слова, включающей не только товарную его часть, но и результаты самообслуживания.

Таблица 2. Душевые ВВП по ППС в 2013 г. (оценка МВФ)

Страна	Долл./чел.	% от США	Страна	Долл./чел.	% от США
США	52615		Грузия	8527	16,2
Россия	25897	49,2*	Армения	7762	14,8
Эстония	26638	50,6	Азербайджан	17135	32,6
Латвия	22464	42,7	Казахстан	23081	43,9
Литва	25911	49,2	Узбекистан	5185	9,9
Белоруссия	17678	33,6	Туркмения	14022	26,7
Украина	9151	17,4	Киргизия	3161	6,0
Молдавия	4698	8,9	Таджикистан	2540	4,8

* 49,2% – это не результат высоких темпов экономического роста России после 2011 г., когда считалось, что наш показатель составляет 45% от американского, а результат перехода на СНС 2008 – мы стали «правильно считать», т. е. как они. Так же уже считают и в государствах Балтии, у других стран показатели душевого ВВП могут быть немного занижены, так как не все из них перешли на СНС 2008.

При сравнении государств Балтии и России демографический фактор не может внести существенный вклад в объяснение факта близости душевых показателей ВВП. Хотя первые по показателям рождаемости находятся в конце списка стран мира (9–10 родившихся в год в расчете на 1000 чел. населения), Россия их опережает ненамного, а наличие трудовых мигрантов и пониженный пенсионный возраст приводят к тому, что отношение занятых в экономике к общей численности населения у них и у нас примерно одинаковое.

Главная причина относительного успеха бывших прибалтийских республик – по-видимому, их специализация в международном разделении труда, сформировавшаяся во многом благодаря России. Такой вывод был сделан при анализе причин очень высокой межрегиональной дифференциации душевых показателей ВВП российских субъектов Федерации – одним из факторов повышенных показателей является высокий удельный вес в структуре производства видов деятельности с большими значениями

добавленной стоимости на одного занятого (финансы, оптовая торговля, транспорт, отдельные виды услуг) [7]. Государства Балтии не являются, конечно, международными финансовыми центрами, но торговое посредничество и транзит грузов через их территорию – это также достаточно доходные виды деятельности. Формальный экспорт из России в Прибалтику намного превышает ее потребности в российских товарах, следовательно, фактически имеет место посредничество в транзите грузов из России.

Помимо специализации, существенное значение должны иметь и такие факторы, как помощь западных стран своим главным союзникам на постсоветском пространстве, как «бескорыстная», так и корыстная – внешний долг Литвы к концу 2013 г. достиг 63% от ВВП, Эстонии – 110%, Латвии – 131%. Пока объем новых заимствований превышает выплаты по старым, этот приток капитала в страну содействует росту ВВП и даже позволяет потреблять больше, чем производить (внешнеторговые балансы всех этих стран хронически отрицательные, и далеко не символически: у Латвии отрицательное сальдо торгового баланса в 2011–2013 гг. составляло около 3,5 млрд долл. в год, в период максимальных заимствований, перед 2009 г., достигало 6,5–7,2 млрд долл.). Более 7 млрд долл. ежегодно в 2007–2008 гг. достигал дефицит торгового баланса и у Литвы, у маленькой Эстонии в это же время дефицит превышал 4 млрд долл. в среднем за год. Он финансировался за счет больших объемов заимствований из-за рубежа. Конечно, эта «палка» имела и другой «конец», который во время финансового кризиса ударил по странам Балтии сильнее, чем по российской и другим нефтегазовым экономикам постсоветского пространства – падение физического объема ВВП в 2009 г. здесь было максимальным (несмотря на благоприятное для этих стран изменение внешнеэкономической конъюнктуры в части падения цен на энергоносители): Латвия – 82,0%, Эстония – 85,7%, Литва – 85,3%.

Как влияют на экономику стран Балтии те денежные средства, которые перечисляют и привозят на родину трудовые мигранты из этих стран, доступная статистика ответа не дает, но наверняка объемы этих поступлений в расчете на одного мигранта, работающего в Европе, в разы превышают те суммы, которые перечисляет из России гражданин Узбекистана или Киргизии.

Изменения пространственной структуры производства на территории бывшего СССР и усиление межстрановых различий

в душевых показателях производства и потребления не вызвали адекватных изменений в размещении главной составляющей производительных сил – потенциальных трудовых ресурсов, численность которых прямо зависит от численности населения.

Тройка лидеров по темпам роста населения осталась прежней – Таджикистан, Узбекистан и Туркмения. В тройке аутсайдеров произошла полная замена состава – место Украины, России и Белоруссии заняли Латвия, Эстония и Грузия. Наиболее радикальное изменение демографического тренда произошло в Армении, которая оказалась единственной страной с сокращающимся населением, несмотря на положительные значения естественного прироста. У всех остальных стран с уменьшившейся численностью населения показатели естественного прироста в целом за период после 1990 г. были отрицательными, у стран с возросшей численностью населения – положительными (табл. 3).

Таблица 3. **Динамика населения стран постсоветского пространства в 1990–2014 гг.***

Страна	Тыс. чел.				% к итогу				2014/ 1990	1990/ 1966
	1990	2000	2010	2014	1990	2000	2010	2014		
Россия	147665	146890	142856	143667	51,27	50,82	49,66	49,24	97,3	116,1
Эстония	1571	1372	1340	1276	0,55	0,47	0,47	0,44	81,2	121,1
Латвия	2668	2382	2248	2002	0,93	0,82	0,78	0,69	75,0	117,2
Литва	3694	3512	3329	2943	1,28	1,22	1,16	1,01	92,9	123,6
Белоруссия	10190	9988	9491	9469	3,54	3,46	3,30	3,25	92,9	117,0
Украина	51557	49115	45783	45246	17,90	16,99	15,92	15,51	87,8	113,2
Молдавия	4362	4293	4113	4063	1,51	1,49	1,43	1,39	93,2	129,6
Грузия	5424	4715	4436	4491	1,88	1,53	1,54	1,54	82,8	120,4
Армения	3515	3227	3055	3017	1,22	1,12	1,06	1,03	85,8	157,0
Азербайджан	7132	8033	8998	9477	2,48	2,79	3,13	3,24	132,9	153,7
Казахстан	16690	14900	16205	17165	5,79	5,17	5,63	5,87	102,8	138,5
Узбекистан	20322	24488	28001	30493	7,06	8,49	9,73	10,43	150,0	195,4
Туркмения	3622	4800	4913	5193	1,26	1,66	1,71	1,78	143,4	188,9
Киргизия	4367	4900	5418	5777	1,52	1,70	1,88	1,98	132,3	167,0
Таджикистан	5248	6100	7530	8161	1,82	2,11	2,62	2,79	155,5	205,3
Всего	288027	288435	287716	292440	100	100	100	100	101,5	124

* Данные по Молдавии – с оценкой населения Приднестровья (в официальные данные молдавской статистики оно не включается), данные по Азербайджану – с оценкой населения Нагорного Карабаха, данные по Грузии – с оценкой населения Абхазии и Южной Осетии. Данные по Украине (начало 2014 г.) еще включают население Крыма.

Особенности межнационального развода

Общая для всех бывших союзных с Россией республик закономерность – рост доли титульной нации в численности их населения. На темпы этого роста самое большое влияние оказали масштабы эмиграции нетитульного населения. Влияние межнациональных различий в темпах естественного прироста населения было, по всей видимости, на порядок меньшим. Так, в Эстонии доля эстонцев в 1989 г. (последняя советская перепись населения) составляла 61,5%, оценка на 2010 г. – 68,8%, доля титульного населения в Латвии увеличилась с 52,1 до 62,1% (2011 г.), в Литве – с 79,6 до 84,2% (2011 г.), в Белоруссии – с 77,9 до 83,7% (2008 г.), на Украине – с 72,7 до 77,8% (2001 г.), в Грузии – с 70 до 84% (2002 г.), население Армении стало почти моноэтническим уже в начале века (по переписи 2001 г. армяне составили 98,6% населения страны), доля азербайджанцев в Азербайджане выросла с 82,7 до 91,6% (2009 г., но это включая оценку населения Нагорного Карабаха, где живут почти одни армяне), в Казахстане – с 39,7 до 63,1% (2009 г.), в Узбекистане – с 71,4 до 82% (2013 г.), в Киргизии – с 52 до 72% (2012 г.), в Туркмении – с 72,0 до 78,6% (2010 г.), в Таджикистане – с 62 до 84% (2010 г.).

Напротив, доля русских по сравнению с 1989 г. снизилась в Эстонии с 30,3 до 25,6%, в Латвии – с 34 до 26,9%, в Литве – с 9,4 до 5,8%, в Белоруссии – с 13,2 до 8,3%, на Украине – с 22,1 до 17,3%, в Грузии – с 6,3 до 1,6%, в Азербайджане – с 5,6 до 1,3%, в Армении – с 1,6 до 0,4%, в Казахстане – с 37,8 до 23,7%, в Узбекистане – с 8,4 до 2,6%, в Киргизии – с 21,5 до 6,9%, в Туркмении – с 9,5 до 3,2%, в Таджикистане – с 7,6 до 0,5%. Аналогичным было изменение долей представителей других «русскоязычных» народов – евреев, немцев, татар, башкир и т. д., а также украинцев и белорусов, ранее проживавших за пределами Белоруссии и Украины.

Характерно то, что на масштабы эмиграции «русскоязычного» населения степень официальной русофобии или антироссийской политики властей не повлияла решающим образом – как раз напротив, самые крупные русские общины сохранились в Эстонии и Латвии. А в формально дружественных с Россией среднеазиатских странах их численность сократилась в разы.

В отдельных государствах при сокращении доли имел место абсолютный рост численности нетитульных народов – так, в Казахстане увеличивалось число узбеков, таджиков, киргизов, в Узбекистане значительно выросла таджикская община, достигшая сейчас около 1,5 млн чел. (по переписи 1989 г. таджиков здесь было лишь 934 тыс.).

Единственное исключение из общего правила – Россия, здесь доля основной титульной нации – русской – снизилась с 81,5 до 77,7% (2010 г.). Зато существенно возросла численность ряда национальных общин – выходцев в том или ином колене из бывших союзных республик: количество армян – с 532 тыс. (1989 г.) до 1184 тыс. (2010 г.), азербайджанцев – с 336 до 603 тыс., узбеков – со 127 до 290 тыс., таджиков – с 38 до 200 тыс., киргизов – с 42 до 103 тыс. И это только те, которые входят в состав постоянного населения России. При этом их численность результаты последней переписи, по-видимому, занижают – в 2010 г. 5,6 млн чел. не указали свою национальность (в 1989 г. таковых было лишь 15 тыс.) – логично предположить, что среди не указавших национальность людей доля прибывших из ближнего зарубежья больше, чем среди указавших. Так что «новая историческая общность», как назвал когда-то Л. И. Брежнев советский народ, продолжает формироваться, но уже на более ограниченной территории.

Главная причина усиления полиэтнизма населения России – миграция из бывших союзных республик. Россия имеет положительный миграционный прирост населения за счет всех без исключения государств постсоветского пространства, в том числе и новых, почти никем еще не признанных (табл. 4). И если в 1990-х гг. основную часть этого прироста обеспечивало попавшее в очень некомфортные условия «русскоязычное» население, то в настоящее время в Россию переезжает в основном титульное население этих стран (исключением, возможно, является состав мигрирующих из государств Балтии и Казахстана, где русскоязычные общины еще велики). Явно выраженного тренда к увеличению или ослаблению миграционного потока из ближнего зарубежья нет, можно лишь констатировать уменьшение миграционного притока в неблагоприятные для экономики России годы (2010 г. – итог кризиса 2009 г., 2014 г. –

существенное сокращение общего притока ослаблено ростом мигрантов с Украины, в 2015 г. миграционный прирост еще более сократился).

Таблица 4. Сальдо миграционного прироста населения России за счет стран постсоветского пространства в 2007–2014 гг., чел.*

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Эстония	228	175	315	431	1322	924	749	303
Латвия	616	490	497	672	1169	996	928	607
Литва	261	240	270	280	617	502	553	161
Белоруссия	728	1911	2944	1995	7560	10249	3717	6722
Украина	40956	40123	40183	21230	37286	36995	36411	84939
Молдавия	13461	14968	15785	11197	18807	18645	20628	17498
Грузия	9992	8234	6825	4786	6909	6927	6112	4178
Армения	30023	34184	34770	19182	31747	31998	32179	23953
Азербайджан	19613	22073	21744	13389	21061	18102	17246	12350
Казахстан	30047	32481	31598	20533	30298	36663	40156	40768
Узбекистан	52080	42570	41862	23266	62286	56343	67266	36733
Туркмения	4735	3872	3274	2178	4333	3887	3821	2598
Киргизия	24063	23366	22591	20260	40586	24108	19812	15255
Таджикистан	16845	20080	26418	17494	34017	31393	33649	19340
Абхазия				732	2254	1536	2009	868
Южная Осетия				23	611	504	275	49
Всего	243648	244767	249076	157648	300863	279772	285511	266322

* В таблице представлены прямые данные о миграции населения. Данные до 2011 г. не совпадают с расчетным сальдо миграции, определяемым исходя из данных о численности населения, числе родившихся и числе умерших. Расчетное сальдо миграции заметно превосходило прямые данные.

С большой вероятностью можно ожидать существенного увеличения миграционного прироста в случае выхода экономики России на устойчивую позитивную траекторию роста, в том числе и в связи с обозначившимися последствиями демографической ямы, обусловленной резким падением рождаемости в 1990-х: число вступающих в трудоспособный возраст россиян резко сократилось.

От нуля – к вынужденному профициту

Помимо пространственной структуры производства следует отметить одно очень важное изменение в экономике постсо-

ветского пространства в целом. Если торговое сальдо СССР было близким к нулевому, то в настоящее время суммарное торговое сальдо всех государств превышает 200 млрд долл. Львиную долю его формирует Россия, но и остальная часть бывшего СССР в последние годы в совокупности также имеет профицит торгового баланса (в 1990-е гг. и в начале 2000-х эта часть постсоветского пространства еще отличалась отрицательными значениями торгового сальдо). И хотя у многих стран имеет место хронически отрицательное сальдо (самое большое у Украины – в 2011–2013 гг. свыше 14 млрд долл. в среднем за год), оно с лихвой компенсируется большими положительными значениями у Азербайджана и особенно у Казахстана (у последнего в 2011–2013 гг. в среднем более 40 млрд долл.).

Чем объяснить столь радикальное изменение характера внешней торговли? Ответ на этот вопрос применительно к России: наша страна просто вынуждена иметь большое положительное внешнеторговое сальдо, чтобы расплачиваться с иностранными инвесторами – владельцами собственности на ее территории, с кредиторами и иностранными рабочими [8]. Если судить по последним опубликованным данным о платежных балансах [5], эти же причины вынуждают иметь положительное торговое сальдо Азербайджан и Казахстан – по статье «первичные доходы» платежного баланса за 2012 г. у Азербайджана показатель составляет 4,2 млрд долл. со знаком минус, с таким же знаком, но намного больше, он у Казахстана – 28 млрд долл. Кроме того, этим странам необходимо компенсировать достаточно большие отрицательные значения сальдо услуг (соответственно 2,6 и 7,8 млрд долл.). Отрицательные значения по статье «первичные доходы» имеют и все остальные страны, для которых опубликованы такие данные.

Отрицательные сальдо торгового баланса отчасти компенсируются положительным сальдо услуг только в государствах Балтии, Белоруссии и Украине. Еще один источник покрытия его дефицита – денежные переводы физических лиц из-за рубежа – как трудовых мигрантов, так и ставших уже резидентами других стран, помогающими своим родственникам. Статистика Банка России приводит объемы таких переводов из России: в отношении с большинством государств у нас объем перечислений «туда» больше, чем «оттуда» – исключениями являются

лишь Казахстан и Туркмения (табл. 5). Наиболее значима роль таких поступлений для экономик Узбекистана, Таджикистана, Армении и Молдавии.

Таблица 5. Сальдо трансграничных переводов физических лиц в 2007–2015 гг., млн долл.*

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Эстония	101	-2	18	-5	14	46	-19	-86	-144
Латвия	137	-44	34	-38	-230	-195	-544	-727	-428
Литва	24	-34	-39	-51	-88	-106	-94	-123	-29
Белоруссия	-45	-76	-61	-140	-192	-216	-267	-207	-108
Украина	-1659	-1924	-1374	-1913	-2415	-2737	-2827	-1877	-970
Молдавия	-767	-1092	-715	-810	-1028	-1118	-1180	-1081	-481
Грузия	-609	-738	-362	-580	-704	-772	-820	-719	-365
Армения	-940	-1279	-765	-960	-1176	-1332	-1331	-1230	-660
Азербайджан	-755	-990	-656	-792	-929	-1003	-1093	-879	-569
Казахстан	640	315	415	377	463	646	680	809	1082
Узбекистан	-1444	-2659	-1807	-2606	-3933	-5253	-6100	-4978	-2548
Туркмения	-23	-37	-15	-11	-6	-3	8	44	96
Киргизия	-639	-1084	-798	-963	-1319	-1577	-1694	-1637	-1061
Таджикистан	-1578	-2413	-1638	-2126	-2856	-3290	-3587	-3349	-1966
Абхазия			-18	-54	-61	-61	-59	-58	-40
Южная Осетия			-6	-10	-11	-1	-7	-5	-4
Всего	-7557	-12060	-7787	-10682	-14471	-16972	-18934	-16103	-8245

* Эти официальные цифры – перечисления по банковским каналам и почтовые переводы – характеризуют роль поступлений из России в неполном объеме. Какая-то часть денег перевозится в наличной форме.

Дезинтеграция экономики постсоветского пространства – конца пока не видно

Помимо перехода экономики постсоветского пространства в целом к необходимости производить больше, чем потреблять, за последние 20 с лишним лет имела место ее заметная дезинтеграция, выразившаяся в заметном снижении роли внутреннего рынка в экспортных и импортных поставках.

Еще в 1995 г. на страны постсоветского пространства приходилось 22,4% всего российского экспорта, в 2013 г. – лишь 18,2%. Абсолютный объем экспорта из России в ближнее зару-

бежье вырос с 16,8 до 94,7 млрд долл., но остается в физическом выражении меньшим, чем в конце советского периода (табл. 6).

Таблица 6. Экспорт товаров из России и импорт в Россию в 1995–2013 гг., млн долл.

Страна	Экспорт				Импорт			
	1995	2002	2010	2013	1995	2002	2010	2013
Эстония	411	1690	1714	3968	275	104	555	788
Латвия	795	699	5895	10422	376	151	672	803
Литва	1081	1695	3549	6001	387	311	956	1118
Белоруссия	2965	5922	18081	20333	2185	3977	9954	14264
Украина	7149	5885	23148	23813	6617	3230	14047	15794
Молдавия	413	269	1108	1321	636	281	421	417
Грузия	49	91	291	398	58	69	35	104
Армения	127	95	700	864	75	57	159	352
Азербайджан	86	277	1562	2942	107	87	386	636
Казахстан	2555	2403	10690	17678	2675	1946	4449	5980
Узбекистан	824	453	1889	2805	889	344	1557	1257
Туркмения	93	143	757	1430	179	32	148	139
Киргизия	105	104	991	2029	101	74	393	110
Таджикистан	190	68	673	724	167	66	214	38
Итого	16843	19794	71048	94728	14727	10729	33946	41800
Экспорт, всего	82419	102068	392674	521835	62603	58418	245680	341269
Доля ближнего зарубежья, %	20,4	19,4	18,1	18,2	23,5	18,4	13,8	12,3

Намного более значительно снижение доли ближнего зарубежья в российском импорте: в 1995 г. она составляла 23,5% (14,7 млрд долл.), к 2013 г. упала до 12,3%, при росте абсолютного объема до 41,8 млрд долл. в текущих ценах.

Как и в последние годы советского периода, Россия всегда имела положительное сальдо товарообмена с совокупностью всех бывших союзных республик. Но в начале 1990-х оно стремительно сокращалось по абсолютной величине, составив к 1995 г. всего 2,1 млрд долл. (в 1989 г. положительное сальдо межреспубликанского обмена для России составляло более 28 млрд инвалютных рублей, или около 46 млрд долл.). С отдельными странами у России временами было даже отрицательное сальдо товарообмена. И лишь начиная с 2007 г. Россия стабильно имеет

положительное сальдо внешней торговли со всеми бывшими союзными республиками.

Следует отметить, что по формальной статистике внешней торговли нельзя судить о реальной географии товародвижения и конечных потребителей. Экспорт регистрируется как экспорт, например, в Латвию, если товар из России приобрела фирма, зарегистрированная в Латвии. Фактически же товар может проследовать транзитом в третью страну или даже вообще не побывать на латвийской территории – маленькой Латвии для внутреннего потребления российские товары на сумму 10,4 млрд долл. (в 2014 г. – 12,8 млрд долл.) просто не нужны. В общем импорте этой страны доля поставок из России еще в 2010 г. составила 64%, в 2013–2014 гг. превысила 80% – очевидно, что большая часть этого импорта поступает в страну для перепродажи. По показателю отношения импорта из России к ВВП Латвия находится на первом месте и более чем вдвое превосходит даже Белоруссию. В лидерах по этому показателю находятся также и Эстония и Литва, в аутсайдерах – Грузия, Азербайджан, Узбекистан и Туркмения.

Россия в качестве рынка сбыта экспортной продукции особенно значима для Армении: в 2010 г. ее доля в общем экспорте страны превысила 82%, что более чем вдвое превышает показатель Белоруссии – самого крупного поставщика товаров в Россию. Менее всего значим российский рынок для Грузии, Азербайджана и Туркмении – в их суммарном экспорте доля России не превышает и 2%.

По динамике обмена услугами и товарами темпы дезинтеграции экономик постсоветского пространства еще более выразительны, чем в части экспорта и импорта товаров. Статистика в этой сфере имеется лишь начиная с 2002 г., а по всем странам ближнего зарубежья – лишь с 2005 г., но и за этот относительно короткий период экономические связи между Россией и остальной частью постсоветского пространства стали значительно слабее. Если в 2002 г. на долю ближнего зарубежья приходилось 24% всего экспорта услуг Россией, то к 2013 г. его доля снизилась до 17,5%. Еще более высокими темпами падала доля импорта из ближнего зарубежья – с 18 до 9,7% за аналогичный период (в 2014 г. события на Украине привели к дальнейшему снижению этого показателя до 8%).

С большинством стран Россия имеет положительное сальдо услуг, исключения – Латвия, Белоруссия, Украина и Грузия – страны, играющие значительную роль в транзите грузов из России и в Россию (табл. 7).

Таблица 7. Экспорт услуг из России и импорт в Россию в 1995–2013 гг., млн долл.*

Страна	Экспорт				Импорт			
	2005	2010	2012	2013	1995	2002	2010	2013
Эстония	160	275	472	454	133	316	286	305
Латвия	230	496	400	411	159	262	488	532
Литва	239	237	405	666	121	220	376	425
Белоруссия	309	659	849	1473	683	1149	1693	2059
Украина	1146	2132	2375	2392	2443	3492	4343	4486
Молдавия	126	353	421	449	114	261	228	201
Грузия	59	43	55	48	203	44	189	360
Армения	142	296	344	360	107	262	288	329
Азербайджан	204	510	540	527	170	252	276	272
Казахстан	713	1689	1949	2223	723	773	1020	973
Узбекистан	210	959	1262	1311	133	296	415	425
Туркмения	63	183	589	374	31	92	45	47
Киргизия	77	363	341	343	37	117	228	261
Таджикистан	140	641	631	601	69	251	337	343
Итого	5062	9415	11385	12296	6020	8910	11763	12500
Экспорт, всего	28845	49159	62340	70123	40471	75279	108923	128382
Доля ближнего зарубежья, %	17,6	19,2	18,3	17,5	14,9	11,8	10,8	9,7

* Не весь экспорт и импорт в ближнее зарубежье распределен по конкретным странам, поэтому итоговый показатель превышает сумму данных по столбцам.

Динамика рассмотренных показателей свидетельствует о том, что процесс дезинтеграции экономик на постсоветском пространстве еще не закончился. Среди основных ее причин можно выделить следующие три.

Исторически *первая*. Высокий уровень интеграции бывших союзных республик имел отчасти принудительный характер. И юридические, и физические лица в СССР не имели права выбора между покупкой советской продукции и ее импортных аналогов. И если бы такой выбор появился, многие сделали бы его в пользу импортной продукции (даже если бы цены на нее

были завышенными). Распад СССР дал такое право, и приоритеты потребителей стали смещаться в пользу импортной продукции. Поначалу сильно заниженные реальные обменные курсы национальных валют сохраняли относительную дешевизну товаров, производимых на постсоветском пространстве, по сравнению с поступающими из дальнего зарубежья, что защищало внутренний рынок. Но по мере роста этих курсов импортные товары становились относительно все более дешевыми.

Вторая. Негативную роль в ослаблении интеграции экономик сыграли, конечно, и политические факторы. Межнациональные конфликты, появление новых государств на территории бывших республик не без содействия (явного или представляемого таким) «внешних сил» – главная причина резкого снижения объемов экономического сотрудничества не только России с Грузией и Украиной. Почти на нуле экономические связи Армении и Азербайджана, большая напряженность в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Часть стран перешла на закупки вооружений натовских стандартов. И т. д.

Третья – не менее актуальная для современного этапа. Многим государствам просто нечего предложить своим соседям для значительного расширения взаимного товарооборота. Даже у дружественного Казахстана, члена Организации Договора о коллективной безопасности, ЕврАзЭС и Таможенного союза, доля России в суммарном экспорте всего около 10% – главными экспортными товарами этой страны Россия обеспечена в избытке. Сельскохозяйственный потенциал среднеазиатских государств невелик, и во многих сельхозпродуктах они сами остро нуждаются. Переход на интеграцию по российско-белорусскому образцу, с интенсивным обменом продукцией обрабатывающей промышленности, теоретически был возможен лишь в отношениях с Украиной, но не состоялся. И не только из-за событий 2014 г. – даже в период, когда экономика Украины превосходила по объему ВВП белорусскую в три раза и более, в отдельные годы торговый оборот между Россией и Украиной уступал аналогичному показателю между Россией и Белоруссией.

И Россия пока не может предложить многим странам широкий ассортимент необходимых им товаров. Либо мы их не производим, либо есть поставщики более дешевых и, что

особенно актуально для самых бедных стран, – очень дешевых подержанных.

Совместные энергетические проекты, транспортные коридоры и прочие проекты в какой-то мере могут вести к усилению интеграции, но не радикальным образом. А перспективы для производственной кооперации в части обрабатывающей промышленности пока не представляются оптимистичными.

Литература

1. Гранберг А. Г., Зайкин В. С., Селиверстов В. Е. Российская Федерация в общесоюзной экономике (межотраслевой анализ) /ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1981. – 287 с.
2. Гранберг А. Г. Межреспубликанские экономические связи // Вестник Российской академии наук. – 1992. – № 2. – С. 4–14.
3. Гранберг А. Г., Суслов В. И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл./ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1993. – 63 с.
4. Ершов Ю. С. Межреспубликанский аспект развития экономики СССР накануне раздела страны/ Сб. науч. тр. Экономика регионов: внутренние возможности и ресурсы взаимодействия. ИЭиОПП СО РАН, 1998. – С. 3–29.
5. Россия и страны мира: стат. сб. – М.: Росстат, 2014 и более ранние издания.
6. Российский стат. ежегодник: стат. сб. – М.: Росстат, 2015 и более ранние издания.
7. Ершов Ю. С. Экономическое соревнование регионов России// Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1. – С. 83–107.
8. Ершов Ю. С. Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если... // ЭКО. – 2016. – № 2. – С. 69–92.

Изменение структуры спроса в Китае: иллюстрация возможных последствий методом «затраты – выпуск»

Х. СИМОЛА, Институт переходной экономики Банка Финляндии, Хельсинки

По мере того, как инвесторам становится все труднее найти возможности для инвестирования, традиционная модель роста Китая, основанная на увеличении производственных инвестиций, близка к исчерпанию. В настоящее время Китай столкнулся с проблемами изменения структуры внутреннего спроса в сторону увеличения потребления и замедления темпов роста. Поскольку Китай – уже вторая по величине экономика в мире, этот сдвиг неизбежно потребует коррекции структуры мировой экономики. Для иллюстрации коррекционного давления проанализированы межстрановые таблицы «затраты – выпуск». Такое развитие Китая оказывает серьезное влияние на мировую экономику, требующее адаптации ее пространственной и отраслевой структуры. Однако изменения произойдут не сразу, и другие страны успеют самостоятельно справиться с ними. Разумеется, не следует недооценивать риски, которые могут помешать плавной коррекции мировой экономики.

Ключевые слова: Китай, рост, изменение структуры спроса, структурные изменения, анализ «затраты – выпуск»

Более трех десятилетий рост ВВП Китая был исторически беспрецедентным и в среднем составлял 10% в год. Однако с 2011 г. темп прироста постепенно сокращался, достигнув среднегодового значения менее 8%. Эксперты считают, что такое постепенное замедление продолжится. В ближайшей перспективе рост ВВП составит приблизительно 5–6% в год, хотя мнения о темпах этого процесса различны [1, 2].

Замедление экономического роста Китая частично отражает постепенно меняющуюся структуру национального спроса из-за снижения инвестиций и роста потребления. Традиционная модель экономики Китая, основанная на увеличении инвестиций, теряет свою силу, поскольку возможности инвестирования сокращаются, а в условиях мирового финансового кризиса их объем значительно упал, несмотря на то, что правительство пыталось смягчить ситуацию путем крупных государственных инвестиций. При этом население Китая стало более зажиточным, и уже многие могут позволить себе потреблять больше, сверх предметов первой необходимости. Кроме того, структура экономики Китая

продолжает эволюционировать: сельскохозяйственный сектор уступает позиции промышленности, и еще в большей степени – сектору услуг. Постепенно структура производства в Китае становится похожей на структуру развитых стран.

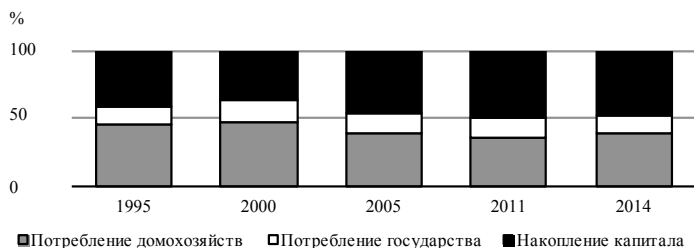
Поскольку Китай – вторая по величине экономика в мире, изменение модели роста этой страны также имеет глобальные последствия. Китай – крупнейший импортер в мире, например железной руды и меди, и второй по величине – сырой нефти. Замедление темпов роста и снижение доли инвестиций в структуре спроса уже вызывают тревогу на мировых сырьевых и финансовых рынках, эта проблема становится крайне актуальной. Мы попытаемся количественно показать возможные результаты замедления роста Китая и изменения структуры его спроса.

Замедление роста и изменение структуры спроса в Китае

В течение многих десятилетий Китай исходил из стратегии, основанной на росте инвестиций. Большинству наблюдателей давно стала ясна необходимость ее изменения. Фактически доля накопления капитала во внутреннем спросе Китая достигла максимума в 50% в 2011 г. (а инвестиций в основной капитал – 46% ВВП), что является результатом значительной государственной поддержки, оказанной экономике китайскими властями для смягчения последствий мирового финансового кризиса (рис. 1). Если обратиться к размерам предложения, это было особенно заметно, когда доля строительства в объеме выпуска товаров и услуг существенно выросла. Судя по данным национальных счетов, как и ожидалось, в последние годы появились признаки постепенного увеличения доли потребления в конечном спросе.

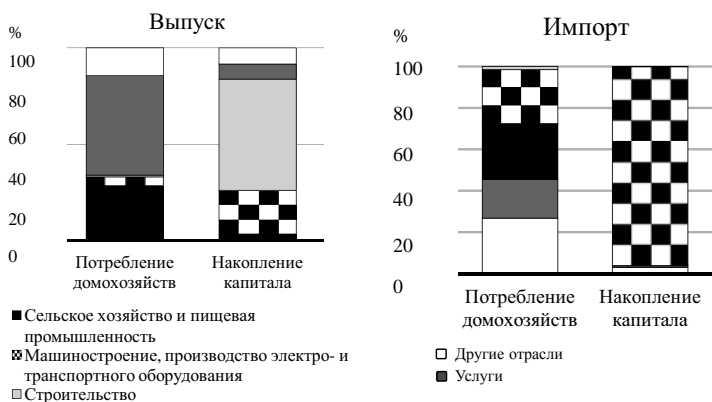
Отмеченное изменение структуры спроса в процессе перехода от инвестиционной к потребительской модели в сочетании с замедлением темпов роста в целом может привести к существенным переменам в структуре китайского производства и импорта, поскольку структуры спроса со стороны потребления и инвестиций заметно различаются (рис. 2). В структуре предложения для внутреннего потребления домохозяйств доминируют услуги и продукты питания, а инвестиционный спрос удовлетворяется в основном продукцией строительства. Импорт конечных продуктов состоит в основном из машин и оборудования, особенно

в случае инвестиционного спроса, хотя в спросе домохозяйств доля данной продукции также велика.

Источники: база WIOD и Macrobond.

Рис. 1. Структура конечного внутреннего спроса¹ Китая в 1995–2014 гг., %

Источники: база WIOD, авторские расчеты.

Рис. 2. Отраслевая структура национального выпуска и импорта, используемых на цели конечного спроса Китая в 2011 г., %

Значимая часть выпуска и импорта Китая относится к промежуточным, а не конечным продуктам, т. е. предназначена для последующей переработки. В последние годы самую большую долю импортируемой в Китай промежуточной продукции (почти 30% в 2011 г.) составляли товары, используемые в производстве

¹ Конечный внутренний спрос включает в себя расходы на конечное потребление и валовое накопление капитала (без чистого экспорта товаров и услуг).

машин и оборудования, в основном на экспорт. До мирового финансового кризиса производство на экспорт составляло около 30% китайского выпуска. Хотя эта доля и снизилась примерно до 23% к 2010–2011 гг., производство экспортной продукции все еще формирует значительную часть экономики, не затронутую напрямую изменением структуры внутреннего спроса Китая. Приблизительно четверть импортируемых в Китай промежуточных продуктов относится к горнодобывающей промышленности. Во внутреннем производстве эти товары в гораздо большей степени используются для удовлетворения инвестиционного, чем потребительского спроса, поэтому изменение структуры национального спроса может значительно повлиять на их импорт.

Возможные последствия изменения структуры спроса в Китае

Мы используем традиционную схему межотраслевого анализа (или анализа «затраты – выпуск»), чтобы количественно оценить возможные последствия эволюции структуры спроса Китая. Таблицы «затраты – выпуск» описывают структуру экономики, определяя взаимосвязи между отраслями через размеры затрат, необходимых для производства валового выпуска в различных отраслях. В предположении о неизменности технологий таблицы «затраты – выпуск» предоставляют метод для оценки, например, влияния изменений объемов валового выпуска в стране, вызванных изменениями конечного спроса, на различные элементы промежуточного спроса во всех отраслях экономики. Но по своей природе межотраслевой анализ статичен и не отражает последующие коррекции в структуре экономики в ответ на изменение конечного спроса. Кроме того, в рамках метода «затраты – выпуск» не учитываются изменения цен. Следовательно, те последствия, о которых мы говорим, должны рассматриваться скорее как иллюстрация того коррекционного давления на экономику, которое возникает в результате изменений в Китае и требует ее адаптации, а не как прогноз реального развития.

Данные для межстрановых таблиц «затраты – выпуск» взяты из базы World Input-Output Database (WIOD)², которые являются ежегодными за период 1995–2011 гг. Они представляют 40 стран и агрегат «Страны остального мира». Таблицы WIOD объединяют сведения, полученные, например, из статистики национальных счетов и торговли и дополненные оценками затрат. Поскольку пространственная и отраслевая структуры экономической системы меняются, как правило, относительно медленно, мы полагаем, что данные за 2011 г. приблизительно описывают текущее состояние мировой экономики и, следовательно, пригодны для иллюстрации возможных последствий экономического роста Китая.

Чтобы показать возможные последствия изменения спроса Китая, мы предположили два сценария развития и рассчитали по ним результаты: объемы валового выпуска и импорта Китая, а также валовые выпуски других стран.

По сценарию «жесткой посадки» мы исходим из нулевого роста китайского внутреннего спроса при росте на 5 п. п. доли потребления в конечном спросе Китая (доля накопления капитала снижается соответственно). В действительности такое значительное и быстрое изменение структуры спроса вряд ли возможно, но в иллюстративных целях вполне пригодно. Кроме того, этот сценарий предполагает внезапную остановку роста в Китае (тоже маловероятную).

По сценарию постепенного изменения структуры спроса, более умеренному и более вероятному, предполагается увеличение конечного внутреннего спроса на 5% при росте доли потребления только на 1 п. п. (табл. 1). Технологические коэффициенты взяты из межстрановой таблицы «затраты – выпуск» за 2011 г., и наши результаты сравниваются с фактическими данными за 2011 г. Чтобы выделить эффект от изменения структуры спроса, мы предполагаем, что экспорт Китая остается неизменным.

Продолжающийся экономический рост смягчает влияние изменения спроса в различных отраслях. В целом рост доли потребления приводит к увеличению значимости сельскохозяйственного сектора и услуг и для внутреннего производства, и для

² Подробное описание всемирной базы данных «затраты – выпуск» (WIOD) представлено в [3].

импорта. В сценарии «жесткой посадки» выпуск продукции строительства значительно падает, одновременно сокращаются выпуск и импорт продукции горнодобывающей и обрабатывающей отраслей.

Таблица 1. Сценарные предпосылки и их фактические значения за 2011 г., %

Показатель	Фактические данные	Сценарий «жесткой посадки»	Сценарий постепенного изменения структуры спроса
Темп роста конечного внутреннего спроса	8	0	5
Доля потребления в конечном внутреннем спросе	50	55	51

Импорт в целом снижается немного больше, чем производство, потому что более ориентированные на потребителя секторы сельского хозяйства и услуг продолжают опираться в основном на внутреннее предложение, т. е. используют в производстве преимущественно китайские товары. Что касается обрабатывающего сектора, то отрасли, ориентированные на потребительский спрос (пищевая и текстильная), будут наращивать объемы выпуска и импорта даже по сценарию «жесткой посадки». Поскольку строительный сектор также опирается, главным образом, на внутреннее предложение, сокращение объемов строительства приводит к падению внутреннего предложения и нейтрализации положительного эффекта от роста потребления, вызывая незначительное общее сокращение выпуска. Существенное снижение объемов строительства также отражается на объемах продукции обрабатывающей промышленности. Наиболее подверженными коррекционному давлению будут те отрасли, которые зависят от спроса со стороны строительного сектора, например, металлургия и разработка нерудных ископаемых (для производства таких материалов, как бетон, цемент и стекло).

В сценарии постепенного изменения структуры спроса негативные последствия на уровне агрегированных секторов в целом незаметны, во всех секторах продолжается рост выпуска и импорта, причем более быстрый – в сельском хозяйстве и сфере услуг. Среди обрабатывающих отраслей импорт незначительно сокращается только в машиностроении и производстве транспортных средств. Во всех других отраслях растут и выпуск,

и импорт, и опять же быстрее всего в тех, что ориентированы на потребительский спрос (пищевая и текстильная). При этом также устойчивым будет рост выпуска и импорта в добыче полезных ископаемых и в наиболее зависимых от инвестиционного спроса отраслях переработки.

Изменение структуры китайского спроса оказывает глобальное коррекционное давление, причем масштаб адаптации различается по странам. Сравнение последствий по странам позволяет понять, на какие из них изменение структуры спроса Китая оказывает наибольшее коррекционное давление. На основе межстрановой таблицы «затраты – выпуск» нетрудно рассчитать эти последствия, правда, при условии неизменности структуры производства в мировой экономике. Безусловно, масштаб коррекционного давления определяется тем, насколько валовой выпуск страны в целом зависит от китайского спроса, а также тем, в какой степени этот спрос сформирован китайским конечным потреблением. Чем выше доля китайского спроса в общем объеме выпуска страны и чем ниже доля потребительского спроса в нем, тем сильнее повлияет на страну изменение структуры китайского спроса (табл. 2).

Таблица 2. Доля китайского спроса в общем объеме выпуска товаров и услуг и доля конечного потребительского спроса в китайском спросе по некоторым странам, 2011 г., %

Страна	Доля китайского спроса в общем объеме выпуска	Доля конечного потребления в китайском спросе
Австралия	3,8	4,1
Бразилия	0,9	6,7
Германия	1,8	11,0
Франция	0,7	21,0
Великобритания	0,6	20,8
Индия	0,6	21,7
Япония	1,6	5,8
Южная Корея	5,5	5,2
Нидерланды	1,5	23,4
Россия	1,5	1,5
Тайвань	12,1	3,1

Таким образом, от изменения структуры спроса Китая меньше всего пострадают страны, поставляющие в Китай в основном товары конечного потребления или промежуточные для отраслей, ориентированных на потребительский спрос, таких как сельское хозяйство и производство продуктов питания. К ним относятся Индия, чей экспорт удовлетворяет конечный спрос Китая в основном разнообразными готовыми потребительскими товарами, и Бразилия, которая насыщает китайский спрос главным образом сельскохозяйственными продуктами (но также и промежуточными товарами для горнодобывающей промышленности). Экспорт некоторых европейских стран (например, Нидерландов, Дании и Испании), обслуживающий конечный спрос Китая, состоит в основном из продуктов питания и текстиля. Изменение структуры спроса Китая также в меньшей степени скажется на этих странах.

В отличие от них государства Восточной Азии³ и страны, специализирующиеся на экспорте продукции горнодобывающей промышленности (такие как Австралия и Россия), испытают наибольшее коррекционное давление (до 0,1–0,5% общего объема выпуска) из-за резкого изменения структуры спроса Китая. Столь сильное влияние на восточноазиатские страны отражает их относительно высокую региональную интеграцию. Хотя большая часть китайского импорта из восточноазиатских стран предназначена для производства на экспорт, эти страны поставляют значительный объем, например, продукции машиностроения для нужд внутреннего инвестиционного спроса Китая. Наиболее сильное давление среди всех стран выборки ощутят на себе Тайвань и Южная Корея, в наибольшей степени зависящие от китайского спроса.

По сценарию «жесткой посадки» снижение китайского импорта продуктов горнодобывающей промышленности может негативно сказаться на такой стране, как Австралия, экспортирующей в Китай приблизительно 30% такой продукции (табл. 3). Сырьевые товары также используются в качестве производственных затрат в других странах, поставляющих инвестиционные товары для Китая, и этот факт немного усиливает количественный эффект для товаропроизводителей.

³ Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг.

Таблица 3. Страны и отрасли с наибольшей долей китайского спроса в объеме выпуска товаров и услуг, 2011 г., %

Отрасль	Тайвань	Южная Корея	Австралия	Индонезия	Россия
Сельское хозяйство	0,6	0,2	5,7	0,7	0,8
Горнодобывающая	0,9	0,0	30,0	10,9	9,1
Текстильная	26,4	5,6	2,5	1,2	0,0
Лесная	2,4	0,1	1,0	1,5	5,9
Целлюлозно-бумажная	5,7	1,3	0,3	4,3	3,9
Химическая	27,3	18,4	2,9	4,6	4,4
Металлургия	9,8	3,7	5,2	8,3	1,9
Машиностроение	19,6	12,6	4,6	8,5	0,8
Электрооборудование	48,5	20,5	4,7	3,1	0,4
Общий объем производства	12,1	5,5	3,8	1,8	1,5

По сценарию «жесткой посадки» Россия, где некоторые отрасли экспортируют в Китай от 2 до 9% своей продукции, также может столкнуться с серьезным коррекционным давлением в связи с изменением спроса Китая. В наибольшей степени (0,2–0,3% объема выпуска) это затронет добычу полезных ископаемых, заготовку древесины и металлургию. Внутренний транспорт, машиностроение, производство нефтепродуктов и кокса подвергнутся более умеренному давлению благодаря частичному взаимодействию с другими отраслями.

Похоже, общее влияние на разные страны окажется на удивление небольшим. Цифры примерно сопоставимы с результатами, представленными в литературе ранее⁴, где учитывались только эффекты торговых связей. С одной стороны, изменение китайского спроса, вероятно, значительно повлияет на мировые товарные цены и приведет к другим проблемам для товаропроизводителей. С другой – более низкие цены для потребителя скорее будут поддерживать экономический рост. Но в межотраслевом анализе не учитывается влияние цен и факторов финансового рынка.

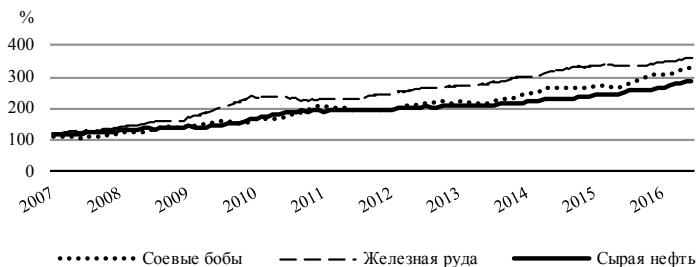
⁴ См., например, [4, 5] для Европы и [6] – для Австралии.

Согласно более вероятному сценарию постепенного изменения структуры спроса импорт практически всех стран в Китай будет расти, поддерживая рост производства, особенно в Восточной Азии и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Даже для остальных стран, входящих в выборку, эффекты взаимодействия с другими странами смогут компенсировать небольшое снижение китайского спроса на импорт, с которым они столкнутся.

Фактическое падение – относительно медленное

Структура спроса Китая меняется не быстро. Согласно данным статистики национальных счетов (СНС) Китая, за 2011–2013 гг. доля потребления в конечном внутреннем спросе увеличилась всего на 1 п. п. Наибольший рост был зарегистрирован в 2012 г. и сопровождался незначительным ускорением роста сельскохозяйственного производства и замедлением промышленности и строительства, что соответствует полученным выше результатам. В 2014 г. доля потребления снова выросла почти на 1,5%. Этот факт, как и данные СНС, указывают на то, что фактически реализуется предложенный нами сценарий постепенного изменения структуры спроса. Но поскольку структура экономики Китая практически не изменилась за прошедшие годы, в сложившейся ситуации результаты нашего анализа могут расцениваться как релевантные.

Статистика импорта Китая также свидетельствует в пользу результатов нашего анализа в рамках сценария постепенного изменения структуры спроса. Например, сравнение динамики импорта некоторых наиболее важных товаров показывает, что рост был быстрым, особенно по импорту потребительских товаров, таких как соя (рис. 3). Однако физический объем импорта сырой нефти также продолжал устойчиво повышаться даже в последние годы, когда рост ВВП Китая замедлялся. Импорт железной руды замедлился значительно сильнее за последние два-три года вместе с инвестиционным спросом. Но существует много факторов неопределённости, относящихся к интерпретации роста импорта, ввиду важности Китая в международной системе поставок и особенностей ситуации после мирового финансового кризиса.

Источник: Macrobond.

Рис. 3. Объем китайского импорта некоторых товаров в 2007–2016 гг. (скользящее среднее значение за 12 месяцев), 2005 г.=100%

Выводы

За прошедшие три десятилетия беспрецедентный рост производства и доходов превратили Китай из бедной аграрной страны в мировую промышленную супердержаву и экономику с уровнем доходов выше среднего.

Сегодня Китай сталкивается с необходимостью структурных перемен в своей экономике, поскольку модель инвестиционной политики и экспортоориентированного развития теряет свою силу. Обозначившиеся явные признаки замедления и изменения структуры роста, а также усиление неопределенности на товарных и финансовых рынках (особенно в то время, когда Китай проводит либерализацию своих рынков капитала) вызывают озабоченность торговых партнеров последствиями для глобальной экономической динамики.

В статье мы кратко обсудили некоторые общие последствия замедления и изменения структуры роста КНР, как для самого Китая, так и для других стран. Чтобы обосновать наши интуитивные ожидания относительно возможных последствий, мы использовали традиционный анализ «затраты – выпуск». Хотя существует много нареканий в отношении этого метода, в целом наши результаты можно считать полезными для оценки последствий замедления и изменения структуры роста Китая.

Изменение структуры спроса Китая неизбежно окажет влияние на пространственную и отраслевую структуры мировой

экономики. Повышенная доля потребления будет поддерживать спрос на отечественные и импортные товары, особенно на сельскохозяйственные и продукты питания, а также на услуги. Падение доли инвестиций, напротив, приведет к замедлению темпов роста строительства и спроса в смежных отраслях промышленности, таких как металлургия и горнодобывающая отрасли. В региональном плане Восточная Азия и некоторые страны-производители сырья столкнутся с наибольшим коррекционным давлением. Однако у значительной части этих стран будет время для адаптации, учитывая постепенность происходящего структурного сдвига и замедление экономического роста.

Очевидно, что существует множество рисков, которые будут препятствовать такому плавному развитию, и их не следует недооценивать. Стоит напомнить о высоком уровне задолженности Китая и происходящей либерализации рынка капитала. Кроме того, китайская экономика крайне зависима от экспорта, поэтому динамика экспорта по-прежнему важна для него. На наш взгляд, замедление роста и изменение структуры спроса Китая не стоит излишне драматизировать – скорее всего, их последствия будут сказываться постепенно. Наконец, невысокие темпы роста необходимы Китаю для того, чтобы обеспечить стабильность своей экономики и избежать внезапного ухудшения. Умеренный рост китайской экономики станет также благоприятным условием для развития других стран.

Литература

1. World Bank. China Economic Update, June 2015.
2. IMF. People's Republic of China, 2015 Article IV Consultation // IMF Country Report. – 2015. – № 15/234. – Aug.
3. *Timmer M. P., Dietzenbacher E., Los B., Stehrer R. & de Vries G. J.* The World Input-Output Database: Content, Concepts and Applications. GGDC Research Memorandum 144, University of Groningen, January 2014.
4. IMF. People's Republic of China, Spillover Report for the 2011 Article IV Consultation and Selected Issues // IMF Country Report. – 2011. – № 11/193. – Jul.
5. EC. European Economic Forecast, Autumn 2015 // European Commission Institutional Paper 011. – 2015. – Nov.
6. *Kelly G.* Chinese Rebalancing and Australian Exports // Reserve Bank of Australia Bulletin December Quarter, 2014. – P. 23–29.

Что говорит статистика о пространстве СЭВ

Г.Д. КОВАЛЕВА, кандидат экономических наук. E-mail: GDKOV@ieie.nsc.ru
А.В. ШЕВЕЛЕВ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: andrew.shevelev@gmail.com

В статье рассматриваются результаты исследований структурных особенностей и изменений в экономике на пространстве действующего СЭВ и после его развала на базе рядов ВВП в постоянных ценах. Анализируются последствия дезинтеграции СЭВ и СССР. Для каждого этапа выявлены типы развития стран, построены динамические модели и рассчитаны прогнозы, с высокой точностью предсказавшие кризисные процессы современной экономики и оценки на будущее.

Ключевые слова: Совет экономической взаимопомощи, СССР, валовой внутренний продукт, факторный анализ, трендциклическая модель, прогноз, кризис

«Если хочешь рассмешить бога, то расскажи ему о будущем», но «смеется тот, кто смеется последним!»

Исследования внешнеэкономических связей сибирских регионов, разработка стратегии и программ их развития неразрывно связаны с состоянием международных отношений России, трансформируемых через призму региональных интересов. При этом усиливается и потребность в географической диверсификации региональной торговли. Сейчас, в период преобладания интересов на Востоке и организации Евразийского экономического союза на постсоветском пространстве [1], самое время критически посмотреть на состояние региональных связей на западном направлении, особенно на потенциал стран Восточной Европы, некогда игравших огромную, если не определяющую роль в торговле регионов Сибири¹. Фундамент сотрудничества регионов с этими странами был заложен еще их членством в Совете экономической взаимопомощи².

¹ Так, на долю Венгрии и Румынии приходилось 26,8% экспорта Сибири в 1992 г. [2].

² **Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)** – межправительственная экономическая организация, действовавшая с 1949 по 1991 гг., созданная по решению экономического совещания представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. В последующие годы в Совет также входили: ГДР (1950–1990 гг.), Монголия (с 1962 г.), Албания (1949–1961 гг.), Куба (с 1972 г.) и Вьетнам (с 1978 г.).

Экскурс в историю: экономика, демография и внешняя торговля

Потенциал сотрудничества Сибири с Восточной Европой сегодня мало востребован, хотя богатая история их отношений дает основание думать, что это временно. Рассмотрим этапы развития экономической интеграции и причины ее ликвидации, а также соотношения масштабов экономик стран на пространстве некогда могущественного объединения.

Целью СЭВ было содействие развитию стран, ускорение индустриализации, рост производительности труда, и, в конечном итоге, – повышение уровня жизни. Приоритеты отдавались научно-техническому и экономическому сотрудничеству, включая развитие взаимной торговли, обмен хозяйственным опытом, помощь в обеспечении сырьем, продовольствием, оборудованием, машинами.

Тесная интеграция до 1991 г. реализовывалась не только в форме масштабной торговли, но и кооперационных связей, отраслевой специализации, создания производств, связанных едиными технологическими цепочками. Многие предприятия Сибири в тот период сотрудничали с предприятиями стран Восточной Европы, а в условиях производственных связей активно развивалась и взаимная торговля. Так, в 1989 г. на страны СЭВ приходилось 55,6% товарооборота СССР, в том числе 69,6 млрд долл. в экспорте и 73,76 млрд долл. – в импорте (экспорт СССР достигал 113,5 млрд долл., импорт – 118,97 млрд долл. при курсе 1 руб. за 0,606 долл.). Социалистические страны были основным рынком сбыта для советских металлорежущих станков, кузнечно-прессовых машин, дизелей и дизельных генераторов, половины доменного и сталеплавильного оборудования, оборудования для пищевкусовой, текстильной и других отраслей. Одновременно из этих стран импортировалось в СССР до 40% оборудования, в том числе доменного, сталеплавильного, прокатного, а также промышленных роботов, свыше 30,5% железнодорожных кранов и 100% троллейбусов и трамвайных вагонов. В 1963 г. был организован Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС), обслуживающий торговлю между странами СЭВ в переводных рублях³.

³ МБЭС продолжает действовать и в настоящее время, его членами остаются Болгария, Вьетнам, Монголия, Польша, РФ, Румыния, Словакия, Чехия.

Интеграция глубоко пронизывала отношения стран. В рамках СЭВ регулировались вопросы развития транспортной инфраструктуры, связи, включая космическую, внедрялось в практику консультирование, действовали единые стандарты и производственные нормы, проводились совместные исследования в области теории и практики управления общественным производством, согласовывались народнохозяйственные планы по выравниванию уровня экономического развития.

Предложения органов СЭВ были рекомендательными, но на деле их выполнение жестко контролировалось партийными структурами. С 1949 г. по 1972 г. интеграция способствовала успешному развитию стран СЭВ, и в середине 1970-х годов на их долю приходилась почти треть мирового промышленного производства.

Однако с 1973 г. проявляются разногласия, непонимание и как следствие – спад в сотрудничестве. Толчком послужил мировой экономический кризис 1973–1974 гг., скачок цен на нефть и развитие нефтедобычи⁴ в отдельных странах. В СССР началась глубокая структурная перестройка в пользу сырьевого сектора, последствия которой не удается преодолеть до настоящего времени. Ускоренный рост в одних странах на фоне замедленного развития в других усиливал экономическую дифференциацию, хотя провозглашалась цель «равного развития». При этом сильные страны (Чехословакия, СССР) проигрывали, а слабые (например, Румыния, Болгария, Венгрия) – выигрывали от углубления интеграции. Развитие СЭВ как системы замедлилось, а смена режимов в отдельных странах в конце 1980-х годов привела к усилению их взаимодействия с западноевропейскими экономиками. Успешные страны СЭВ стали игнорировать внутренний рынок и все чаще выходить на рынки Западной Европы, США и Японии.

Расчеты по клирингу порождали недоверие между участниками, а желание правительств получать оплату в твердой валюте привело к резкому сокращению взаимной торговли. В 1990 г. без всякого переходного периода было объявлено об окончании расчетов между странами СЭВ в переводных рублях и переходе к расчетам в долларах США по мировым ценам. Для большинства

⁴Доля СССР в мировой добыче нефти в натуральном измерении с 15% в 1970 г. возросла до 19,5% в 1980 г. и до 21,8% в 1985 г. (из них 13,1% приходилось на РФ).

стран это было катастрофой: они не имели нужного объема твердой валюты для поддержания торговых отношений, клиринговые (бартерные) цены значительно отличались от мировых. Дезинтеграции способствовали также бюрократизация, неработающие программы и т. д. Распад СЭВ был предрешен, и 28 июня 1991 г. в Будапеште Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия на 46-м заседании сессии Совета подписали Протокол о расформировании организации.

Считается, что прекращение экономического сотрудничества в СЭВ ударило по всем участникам. Попытаемся проанализировать тренды движения экономики этих стран и причины, обусловившие экономическую динамику, а также выявить страны-лидеры, с которыми сотрудничество регионов Сибирского федерального округа наиболее перспективно. Для этого рассмотрены результаты девяти стран-членов СЭВ с 1970 по 1990 гг. и 24 стран, расположенных на той же территории после прекращения деятельности СЭВ и СССР (в том числе новых постсоветских государств – бывших республик СССР), за 1991–2012 гг. ГДР была исключена из анализа с целью обеспечения сопоставимости оценок до и после развала СЭВ.

Если рассматривать численность населения как индикатор, в некоторой степени отражающий эффекты интеграции и дезинтеграции, то ситуация такова (расчеты по данным ООН от 20.04.2015 г. [3]). За 43 года суммарная численность населения 24 стран возросла с 380 млн чел. в 1970 г. до 487 млн чел. в 2013 г., т. е. почти на четверть, прирастая в среднем за год на 2,49 млн чел.

Самой крупной страной с большим отрывом по численности населения была и остается Россия (143,5 млн чел. в 2013 г.). Второе место занял Вьетнам, население которого за эти годы более чем удвоилось и превысило 89,7 млн чел., потеснив на третье место Украину (45,5 млн чел. в 2013 г.). На четвертом месте – Польша с населением 38,5 млн чел. – самая крупная страна Восточной Европы, а на пятом – Узбекистан с населением 30,2 млн чел. – лидер в Средней Азии. Замыкали рейтинг страны Балтии: Литва (3 млн чел.), Латвия (2 млн чел.) и Эстония (1,3 млн чел.).

При этом население на пространстве СЭВ росло в основном в 1970–1991 гг. Суммарный прирост за эти годы составил

87,5 млн чел. и был обеспечен увеличением на 30% населения Вьетнама, на 21% – России, на 11% – Узбекистана, на 7% – Польши и 6% – Украины. Прирост населения в остальных странах до 1991 г. был менее значительным – от 4,2% (Казахстан) до 0,04% (Венгрия). На всем пространстве не было ни одной страны, где бы население в 1970–1991 гг. сократилось.

С 1992 г. все резко изменилось. Из-за экономической и политической нестабильности, а также ухудшения социально-экономических условий в большинстве стран численность сокращалась за счет снижения не только рождаемости, но и эмиграции населения. Среди 24 стран по потерям за последние два десятилетия лидировала Украина, недосчитавшаяся к 2013 г. 6,7 млн чел., т. е. 13% от общей численности ее населения в 1992 г., на втором месте – Россия, население которой сократилось на 5,2 млн чел. (3% от численности 1992 г.), третьем – Румыния, потерявшая 2,8 млн чел. (снижение на 12%). В Болгарии население уменьшилось на 15%, Венгрии – 5%, в Белоруссии – на 7%. Но самая критическая ситуация сложилась в странах Балтии. В Латвии к 2013 г. население сократилось на 23%, в Литве – 20%, а в Эстонии – на 14%.

Мысли вслух. Остановился ли этот процесс? Все ли, кто хотел – уехали в поисках лучшего «на Запад»? Не исключено, что Евросоюз, расширяя и ужесточая сферы регулирования для своих членов, повторяет ошибки СЭВ, и, как любую жесткую систему, его ждет та же судьба? Толчком может оказаться не только возрастающая экономическая дифференциация внутри союза, но и феномен «беженцев» – заселение стран людьми со слабо выраженными побуждениями к труду и «выталкивание» национального населения из своих стран⁵.

Среди стран Восточной Европы в 1992–2013 гг. небольшое увеличение численности населения (от 0,4 до 2%) произошло только в Польше, Чехии и Словакии.

На этом негативном фоне выгодно смотрится восточный сектор пространства бывшего СЭВ. Рост населения после 1992 г. был особенно значительным в странах Средней Азии (от 26% до 49% прироста), Монголии – на 27%, и Вьетнаме – на 31%, причем скорость роста их населения увеличивается во времени.

Таким образом, человеческие ресурсы азиатского сектора бывшего СЭВ укрепляются за счет высокой рождаемости,

⁵ Этот абзац был написан задолго до референдума в Великобритании.

несмотря на эмиграцию не только русскоязычного, но и коренного их населения в Россию, а численность населения западного сектора продолжает сокращаться. Эти тенденции формируют условия для «тектонических» изменений будущей экономики на пространстве бывшего СЭВ и не могут не учитываться при создании долгосрочных стратегий поведения сибирских регионов на мировом рынке.

Если рост численности населения на пространстве СЭВ резко замедлился после 1992 г., то внешняя торговля, наоборот, после его развала начала бурно развиваться во всех без исключения странах (таблица). Если за 1970–1990 гг. суммарный экспорт этих стран вырос в 2,6 раза, то с 1990 г. по 2012 г. – в 6,1 раза⁶ за счет открытия национальных экономик для мирового рынка. Рос не только импорт, но и экспорт. Суммарная экспортная квота (доля экспорта к ВВП) по всей группе стран на пространстве СЭВ без учета государств постсоветского пространства увеличилась за период с 16% до 54%.

**Импорт и экспорт отдельных стран СЭВ
в 1970–2013 гг., млрд долл.**

Страна	1970		1990		2012		2013	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Монголия	0,1	0,3	0,3	0,8	2,9	5,4	3,3	6,0
Куба	2,0	4,6	4,2	10,1	13,9	11,0	14,6	12,0
Болгария	3,4	3,9	7,9	10,0	19,5	23,6	21,3	24,7
Румыния	0,8	0,7	10,7	14,2	46,6	65,7	56,6	71,1
Словакия	5,00	0,0	6,27	11,3	60,19	53,1	63,31	55,1
Вьетнам	1,8	2,2	4,7	5,6	66,5	66,9	80,4	81,0
Венгрия	4,8	6,6	14,5	12,7	108,6	96,9	114,9	102,6
Чехия	10,0	0,0	21,4	19,8	132,1	118,3	132,5	118,6
Польша	11,6	11,7	27,8	20,1	172,5	171,1	181,1	174,1

Источник: расчеты автора по данным ООН [6,10].

Но переориентация на «западный» рынок поставила ряд стран в критическую зависимость от него. Так, уровень экспортной квоты в 2013 г. в Венгрии превысил 102%, (в 1990 г. – 16%),

⁶Суммарный экспорт стран СЭВ без учета данных по СССР в 1970 г. составлял всего 34,5 млрд долл.; в 1990 г. – 91,5 млрд долл., и в 2012 г. – 526 млрд долл.

а это означает, что значительная часть ее импорта после увеличения добавленной стоимости возвращается на внешний рынок. Зависимость от внешнего спроса сложилась также в Монголии, Болгарии, Вьетнаме, Чехии и, особенно, в Словакии. Экспортная квота в 2013 г. в Словакии достигала 97% (в 1990 г. – 18%), во Вьетнаме – 92% (26%), в Чехии – 86% (20%), Монголии – 66% (18%), Болгарии – 61% (в 1990 г. – 28%).

Некоторые страны за эти годы превратились в чистых импортеров, т. е. их импорт не покрывается валютными поступлениями от экспорта. Например, устойчивое отрицательное сальдо характерно для Болгарии, Румынии, Монголии и Вьетнама. В тех странах СЭВ, в которых экспорт превышал импорт не более чем на 13%, при высоком уровне экспортной квоты отмечается и значительная импортозависимость. Так, покрытие экспортом импорта превышало единицу в торговле Словакии (1,13), Венгрии (1,12), Чехии (1,12) и Кубы (1,26). В Монголии это соотношение составило 0,54, Болгарии – 0,83, Румынии – 0,71. У Вьетнама (0,99) и Польши (1,01) это соотношение было близко к балансу.

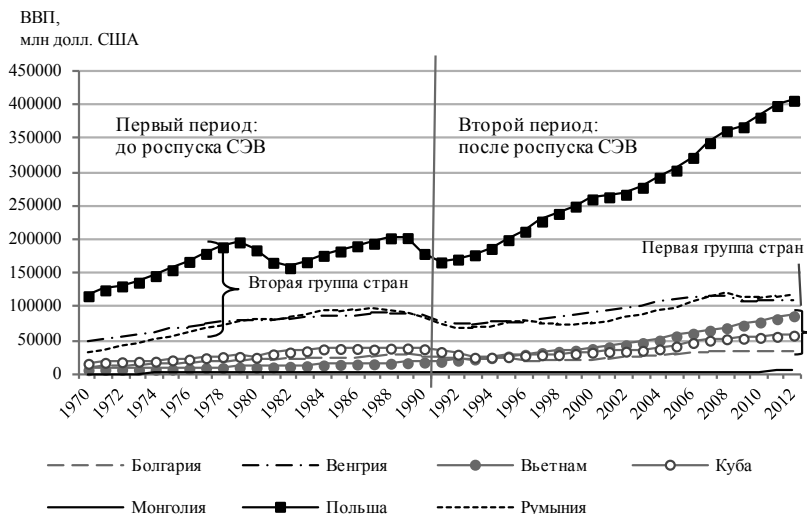
Польша среди европейских стран СЭВ имеет самую низкую экспортную квоту (44%) при самом высоком уровне экспорта, т.е. её экономика ориентирована в большей степени на производство продукции для внутреннего потребления, нежели на внешний рынок.

Тенденции развития в 1970–2012 гг.: до и после роспуска СЭВ

Возникает вопрос, какое влияние оказала интеграция в мировой рынок на экономику стран на пространстве СЭВ? Некоторое представление об этом позволяет получить анализ динамики ВВП стран-членов СЭВ и СССР за 43 года (с 1970 по 2012 гг.) (рис. 1).

На рисунке видно, что динамика ВВП Польши и Вьетнама характеризуется возрастающим трендом. Вьетнам – единственная из всех стран – демонстрирует непрерывный рост на всем 43-летнем интервале (результат эффективного управления). ВВП Польши снижался во время кризисов 1980–1982 гг. и 1989–1992 гг. Более того, ожидаемый спад, связанный с деловым циклом длительностью 9–10 лет, в ВВП Польши проявился

в 2000 г. двухлетней стагнацией, перешедшей в последующем в ускоренный рост.

Источник: расчет автора по данным ООН.

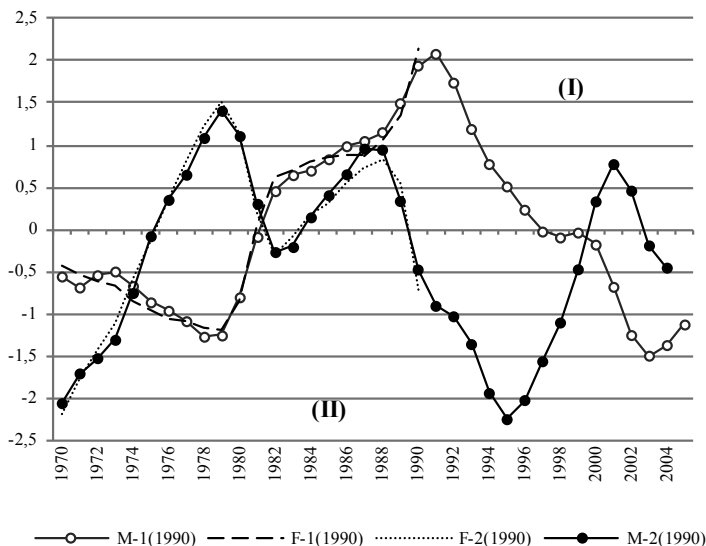
Рис.1. Динамика ВВП стран на пространстве СЭВ в 1970–2012 гг., млн долл. (в ценах 2005 г.)

Соотношение объемов ВВП этих стран и СССР позволяет оценить расстановку сил на экономическом пространстве СЭВ. В 1970 г. три страны обеспечивали 85% суммарного ВВП СЭВ: это СССР (60%), Польша (15%) и Чехословакия (10%). Через 20 лет лидерство трех стран сохранилось, их суммарный вклад остался прежним, но роли изменились. Доля СССР возросла на 7% на фоне значительного снижения вклада Польши и Чехословакии: ВВП нефтяной державы рос быстрее, нежели в Чехословакии и Польше, где рост был связан с развитием высокотехнологичных и перерабатывающих производств.

Четвертым крупным игроком была Венгрия. Ее вклад, составлявший в 1970 г. 6,4%, в 1990 г. был ниже на 1,4%. В целом суммарная доля всех пяти восточноевропейских стран СЭВ за 1970–1990 гг. упала с 36,6% до 29,4%, несмотря на незначительное усиление позиций Болгарии и Румынии. За этот период увеличились также доли Вьетнама и Монголии.

Проведенный факторный анализ позволил выявить два типа развития стран до развала СЭВ и три – после него [4, 5].

За 1970–1990 гг. из девяти стран СЭВ первый тип развития был представлен агрегирующим фактором F-1 (1990), объединившим Болгарию, Вьетнам, Кубу, Монголию, СССР и Чехословакию (рис. 2). Оценки корреляции свидетельствовали о том, что его динамика определялась, прежде всего, темпами ВВП Вьетнама, Монголии и СССР (см. рис.1, период до 1990 г.).

Источник рис. 2–3, 5: расчеты авторов по данным ООН в млрд долл., в ценах 2005 г. [4].

Рис. 2. Результаты факторного анализа ВВП стран СЭВ на базе 1970–1990 гг. (в ценах 2005 г.)

F-1 (1990) – первый фактор; *M-1 (1990)* – модель первого фактора и ex-post прогноз с 1991 г.

по 2003 г. *F-2 (1990)* – второй фактор; *M-2 (1990)* и ex-post прогноз с 1991 г. по 2004 г.

Во вторую группу (второй тип динамики) вошли Польша, Венгрия и Румыния, ВВП которых отображены тремя верхними графиками на рисунке 1, а динамика агрегирующего их фактора F-2 (1990) – на рисунке 2.

Ярко выраженные противоположные тенденции свидетельствуют о различии процессов, происходящих в экономиках двух групп стран. Смена тенденций факторов совпадает по времени и приходится на кризисные 1979 г., 1982 г. и 1988 г.⁷, но происходит в противоположных направлениях.

Почти зеркальное поведение обоих факторов, безусловно, было неожиданным, но еще более неожиданные результаты были получены при их моделировании, прогнозировании, из чего можно сделать нетривиальные выводы о развитии соответствующих типов стран.

Построенная с применением методов⁸ моделирования циклической динамики коротких временных рядов [7, 8] модель первого фактора, агрегирующего изменения ВВП Болгарии, Вьетнама, Кубы, Монголии, СССР и Чехословакии с высокой точностью (98% изменений), воспроизвела его динамику на базовом периоде. При построении модели были получены статистически обоснованные оценки циклической динамики длительностью 8,4 года (деловой цикл) и 4,6 лет (либо известный цикл динамики запасов, либо влияние пятилетних планов).

Отмечая общую тенденцию роста обобщающего показателя F-1 (1990) в базовом периоде, было естественно ожидать его дальнейший рост после 1990 г. Но ex-post⁹ прогноз на 1991–2003 гг. полностью опроверг ожидания и вместо естественного на первый взгляд роста предсказал резкое замедление в 1991 г., а сразу после него длительное – до 1998 г. – падение (см. рис. 2). Методика построения любого прогноза по данным временного ряда базируется на памяти этого ряда. В рамках данного подхода, основанного на выявлении закономерной циклической

⁷Динамика факторов отражает тенденции реальных показателей, взятых после стандартизации, а в прогнозном периоде смены тенденций модели и прогноза происходят при изменении темпов роста реальных показателей.

⁸ Авторский метод оценки циклической динамики экономических процессов был отмечен государственной премией и дипломом ГКНТ на Всесоюзном конкурсе работ по созданию методов моделирования циклического развития науки и техники (1990). В работе использована его современная модификация.

⁹ Ex-post – прогноз, предсказывающий прошлые (уже известные) значения исследуемых переменных на основе данных, предшествовавших последним. Предназначается для проверки точности прогнозной модели и – на этой основе – для оценки точности прогноза на будущее.

Ex-ante – прогноз на предстоящий период, разработанный на основе исследования настоящего и прошлого.

характеристики процесса (если это не белый шум), полученный прогноз дает основание для гипотезы о том, что при сохранении механизмов формирования ВВП этих стран после 1990 г. следовало ожидать резкого ухудшения их развития в 1991 г. даже в случае сохранения СЭВ.

И, как вытекает из расчетов и графика ex-post прогноза, влияние механизмов, действовавших в 1970–1980-х гг., сказывалось вплоть до 1998 г. Таким образом, получается, что минимум за 20 лет, предшествующих распаду СЭВ, сформировались негативные воздействия, которые и в 1990-х. продолжали влиять на ВВП этих шести стран. Эти факторы практически на 100% обусловили отрицательную тенденцию их развития, начиная с 1991 г. и до 1998 г.

Следовательно, экономический спад в этих странах был неминуем, и именно негативные тенденции, к которым можно отнести снижение объемов инвестиций в перерабатывающие производства, устаревание основного капитала, высокую фондоемкость и низкую фондоотдачу и др., в 1970–1990 гг. стали его определяющей причиной [8], а вовсе не распад СЭВ и СССР, как принято считать. Ликвидация СЭВ, безусловно, сказалась, но ее влияние не было определяющим в 1991–1998 гг., оно было отодвинуто во времени и, как будет ясно из дальнейшего, – со значительным лагом.

Результат был неожиданным и требовал подтверждения. Было решено воспроизвести аналогичные расчеты для реального показателя – ВВП СССР – на той же временной базе 1970–1990 гг. и сравнить прогноз с данными «условного СССР» после 1990 г., полученными суммированием ВВП стран постсоветского пространства.

И вновь, но уже на реальных данных ВВП СССР, вторично **были предсказаны смена возрастающей тенденции в 1991 г. и дальнейшее падение до 1998 г.** Модель, ex-post прогноз и фактические данные «условного СССР» приведены на рисунке 3. Следует отметить высокую точность модели как на имитационном (базовом) периоде, так и на прогнозном интервале вплоть до 1998 г., а также выявленные в имитационном периоде (1970–1990 гг.) в динамике ВВП СССР усредненные по диапазону частот оценки циклической динамики длительностью 13,3 года, 8,2 и 5,8 лет.

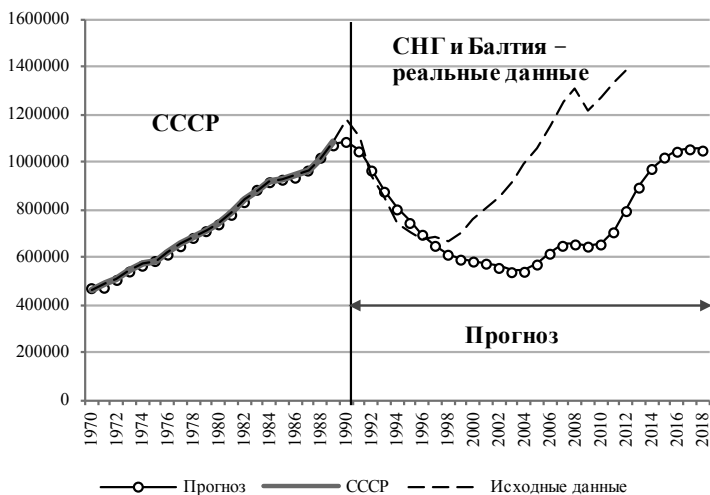

Рис.3. ВВП СССР в 1970–1990 гг.; суммарный показатель ВВП стран – бывших республик СССР («условный СССР») в 1991–2012 гг. Модель на базе 1970–1990 гг. и ex-post-прогноз на 1991–2012 гг., млрд долл.

Таким образом, расчеты модели ВВП СССР подтвердили наличие делового цикла длиной 8,2–8,4 года, обнаруженного в динамике фактора F-1 (1990), обобщившего тенденции развития экономики шести стран СЭВ до его развала. Цикл длительностью 13,3 года ранее проявлялся в показателях развития страны как 12-летний и связан со сроками выбытия оборудования.

Не менее интересно то, что **в прогнозе есть указание на будущие проблемы в экономическом развитии стран в отдаленной перспективе: 2008–2009 гг., и, следовательно, еще в 1991 г. мы могли предугадать этот экономический кризис.** Более того, на рисунке 3 видно, что с 2010 г. темпы (ускорение) роста модельного и реального показателей очень близки (с небольшим превосходством темпов прогнозных значений), т. е. модель предсказала не только кризис, но и темпы выхода из него.

На рисунке также видно совпадение для отдельных лет прогнозных и фактических значений. Кроме того, предсказанное и зафиксированное в реальных данных падение совпало

на интервале с 1991 г. до 1998 г. Инерционный механизм был настолько силен, что до 1998 г. развитие продолжалось по тем же законам. Итак, **динамику ВВП «условного СССР» почти восемь лет определяли причины, которые возникли еще до 1990 г. и обусловили снижение ВВП новых стран на постсоветском пространстве.**

Таким образом, падение экономики СССР было неизбежным. Сказывались тенденции спада, спровоцированные масштабным устареванием основных фондов (50-летний цикл Кондратьева) и оборудования (13,3–8,2-летний деловой цикл).

Если бы причинно-следственные связи, характерные для имитационного периода 1970–1980-х гг., сохранились и продолжали действовать без изменений и далее, то падение показателя должно было бы продолжаться до 2004 г., и только затем должен был начаться период роста. В реальности положительные изменения начались раньше на пять лет – в 1999 г. Здесь можно сделать предположение, что последствия развала СССР и СЭВ из-за инерционности экономики начали сказываться с лагом в 7–9 лет и в целом оказали положительное влияние. Так ли это?

Рост можно было бы связать с рыночными реформами, открытостью экономик, изменением налоговых режимов и т. д. Однако это лишь часть в системе причинных факторов. Добавляются новые факторы, влияющие на развитие стран на пространстве СССР. С 1998 г. начался многолетний рост мировых цен на сырьевые товары [8], в первую очередь на нефть, что не могло не отразиться на суммарном показателе ВВП стран «условного СССР», среди которых несколько государств стали экспортёрами нефти.

Моделирование мировой цены на нефть марки Brent с 1970 г. по 2012 г. позволило сделать вывод, что **падение цен на нефть с 2013 г. по 2017 г. имело объективные причины, сформировавшиеся еще до 1990 г., а снижение цены по прогнозу до 2025 г. обусловлено новыми явлениями на нефтяном рынке, возникшими после 1990 г.**

В динамике мировой цены на нефть зафиксирован резкий рост в 1998–2008 гг., отразившийся в ВВП стран первого типа развития. Без влияния цены на нефть после 1999 г. рост ВВП мог быть, но значительно меньше.

Что же происходило со странами второго типа развития – Польшей, Румынией и Венгрией? Эти три страны еще

во времена СЭВ выделялись на пространстве Восточной Европы высокими темпами роста. Так, в 1970 г. годовой темп роста ВВП Польши составлял 107%, Румынии – 113%, Венгрии – 106%. При этом ВВП Польши был самым высоким по объему (117,3 млрд долл.), вдвое выше, чем в Венгрии (49,2 млрд долл.), втрое – чем в Румынии (32,6 млрд долл.). ВВП Польши вырос с 1970 г. почти в 3,5 раза и достиг в 2012 г. 407,6 млрд долл.

Кроме того, ВВП Польши не только не сократился после 1991 г., как в странах первой группы, но и рос более высоким темпом, чем до 1990 г., почти непрерывно до конца периода. ВВП Венгрии и Румынии в отдельные годы практически совпадали (см. рис. 1). В отличие от Польши кризисы после 1990 г. отражались для них либо более резким снижением темпов роста их ВВП, либо абсолютными падениями показателей. Несмотря на эти различия и то, что в 2009–2012 гг. в Румынии отмечалась стагнация, в Венгрии – повышенная волатильность, второй фактор объединил эти три показателя в единую группу.

На рисунке 2 на графике второго фактора F-2 (1990) после 1987 г. начинается период негативного развития, который по полученному прогнозу (модель M-2 (1990)) для этой тройки стран должен был продолжаться вплоть до 1995 г., что не подтвердилось в реальности: результаты прогноза не совпадали с динамикой развития этих стран, как для первой группы.

В действительности с 1992 г. ВВП Венгрии медленно возрастал, в Румынии после глубокого спада 1988–1991 гг. был рост до 1996 г., в Польше после спада 1989–1991 гг. начался интенсивный рост до конца периода. По прогнозу рост должен был начинаться только в 1996 г. (см. рис. 2).

Так или иначе сравнение прогноза с реальной динамикой ВВП на 1990–2012 гг. позволяет высказать гипотезу, что на экономике Польши, Румынии и Венгрии выход из СЭВ сказался положительно и практически сразу.

Экономическое пространство СЭВ после появления 16 новых стран¹⁰

Страны постсоветского пространства, представленные единым субъектом, за последующие после развала СЭВ и СССР

¹⁰ С учетом Чехии и Словакии.

20 лет значительно потеснили своих бывших соучастников по интеграции. В структуре ВВП доля постсоветского пространства, объединенного в показатель «условный СССР», выросла с 1991 г. по 2012 г. на 7,75% и приблизилась к 75% суммарного ВВП стран бывшего СЭВ. Увеличилась и доля Вьетнама на 0,9%, притом, что все остальные страны-участницы снизили свои доли в диапазоне от 2,5% до 0,4%. ВВП стран Восточной Европы в сумме опустился до 21,4% относительно 1991 г., что означало снижение на 7,2%, а относительно 1970 г. – на 15,2%.

Однако важно отметить, что темпы роста экономик стран бывшего СССР далеко не так оптимистичны.

Экономика на втором этапе росла самым быстрым темпом во Вьетнаме (11,7 раза) и в Монголии (7,3 раза), т. е. в странах, у которых стартовые позиции 1991 г. были самыми низкими. Результаты Кубы, Польши и Румынии были значительно скромнее. Они увеличили свои ВВП за два последних десятилетия примерно в 3,5 раза, Болгария – в 3,2 раза. При этом суммарный ВВП на постсоветском пространстве, доля которого увеличилась на 7,75%, вырос всего в 2,9 раза, опередив по темпам только Венгрию (2,2 раза). Таким образом, **проявляются скрытые тектонические сдвиги в тенденциях развития на пространстве СЭВ, которые неминуемо приведут к кардинальным изменениям.**

Одновременно меняется расстановка сил между странами бывшего СССР. Сопоставление страновой структуры ВВП на постсоветском пространстве в 1991 г. и 2012 г. показывает, как разворачивается вектор экономического развития на восток и с какой скоростью.

Накануне распада СССР по объемам ВВП лидировали Россия (ее доля от суммарного ВВП составляла 72%), Украина (11,7%) и Казахстан (4,3%), замыкали список Таджикистан и Кыргызстан. В 1991 г. всего 2,1% приходилось на ВВП Литвы и 2% – на ВВП Беларуси, вклад каждой из остальных республик не превышал 1,4%.

В 2012 г. свои доли в суммарном ВВП на постсоветском пространстве увеличили Беларусь (рост на 1,3%), Казахстан – на 2%, Азербайджан – на 0,77%, Туркменистан и Узбекистан – по 0,9%. Увеличили, хотя и незначительно, свой вклад Эстония – на 0,3%, Армения и Литва (на 0,1% каждая).

Вес этих стран рос на фоне падения доли остальных. Самое большое снижение (притом, что эти страны сохранили свои места

и в рейтинге 2012 г. по объемам ВВП) отмечалось у Украины – на 4,8% и России – на 0,9%. Грузия и Молдавия потеряли по 0,3% каждая, Латвия – 0,2%.

Если до развала СССР его развитие определяла экономика России, то после распада Союза новые страны развиваются не только под ее влиянием, но и под воздействием общих закономерностей, как внутренних, так и внешних. Об этом свидетельствует почти полное совпадение на всем периоде 1991–2012 гг. изменений динамики ВВП РФ и суммарного ВВП остальных республик, отнесенных к их уровням 1990 г. (избавившись от масштабов показателей, мы получили возможность сравнить их динамику) (рис. 4). Это позволило оценить глубину падения в середине 1990-х гг. и увидеть то, что в 2005 г. и 2008 г. ВВП стран находился на уровне 1990 г.

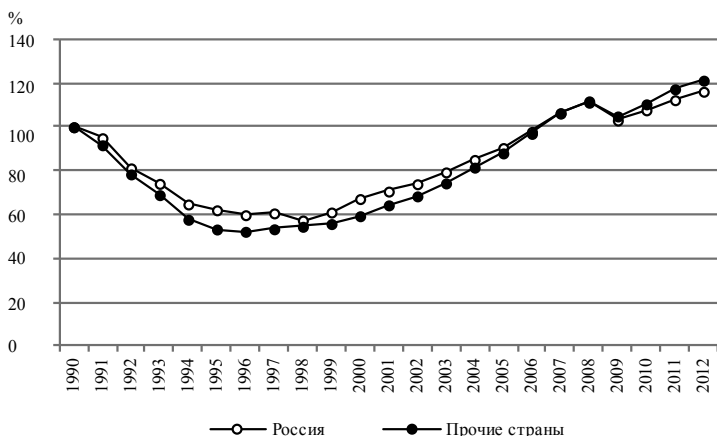

Рис. 4. ВВП России и остальных стран постсоветского пространства в 1990–2012 гг., % к 1990 г.

Принципиальное различие тенденции наблюдалось только однажды – в 1998 г., когда темп ВВП России упал, а у объединенной группы стран продолжился рост. Следует отметить и то, что после 2009 г. превышение темпа роста России, наблюдавшееся в 1990–2008 гг., сменилось устойчивым отставанием от динамики суммарного показателя: Россия после 2009 г. начала отставать в своем развитии в сравнении со странами остальной территории СССР.

Результаты факторного анализа ВВП 24 стран (1991–2012 гг.) на пространстве СЭВ: модели и прогнозы

На втором этапе исследований были получены три фактора и соответствующее распределение стран по трем группам, или типам развития. Первый фактор F-1 (2012) объединил 10 стран первого типа: Узбекистан, Туркменистан, Монголию, Вьетнам, Польшу, Азербайджан, Беларусь, Словакию, Кубу и Казахстан. Сюда вошли энергообеспеченные республики Средней Азии, Азербайджан, Казахстан, а также страны с более высоким темпом роста экономик.

Второй фактор F-2 (2012) объединил все три страны Балтии, а также Болгарию, Армению, Венгрию, Румынию и Чехию. Для второго типа стран, в отличие от первой группы, был характерен не рост с 2007 г., а длительный спад вплоть до 2012 г. (рис. 5). Первые две группы стран объединили и бывшие республики СССР, и страны-члены СЭВ.

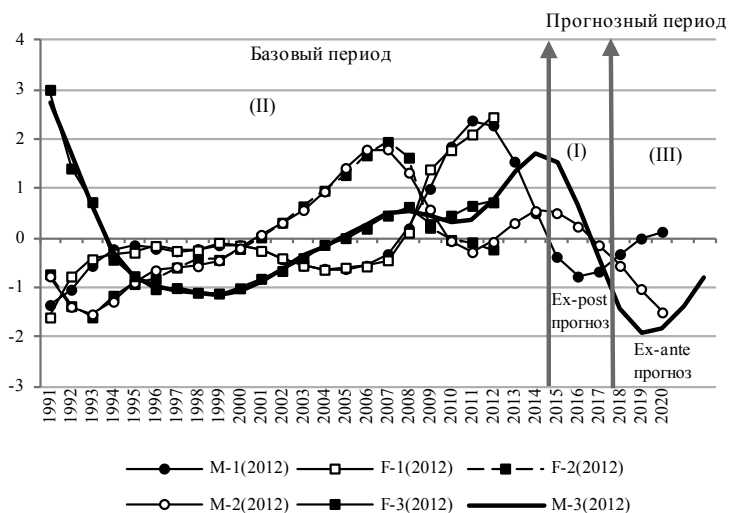

Рис. 5. Факторы, модели и прогнозы ВВП бывших стран СЭВ на 2012–2020 гг.

По сравнению с результатами факторизации пространства первого периода наблюдались следующие изменения. Так, Польша

перешла в первую группу, а Венгрия и Румыния, которые в 1970–1990 гг. были с ней в одной группе, остались во второй. В разные группы вошли Словакия (1-й фактор) и Чехия (2-й фактор).

Модель М-1 (2012), построенная для фактора F-1 (2012), несмотря на увеличение ВВП с 2007 г. по 2012 г., меняет темп роста в 2011 г. и далее предсказывает спад до 2016 г. (что означает снижение либо темпа роста, либо абсолютных значений реальных показателей). В динамике этого фактора (напомним, что он объединил страны с высоким темпом развития, в том числе Польшу, Казахстан и Беларусь) обнаружены закономерности, соответствующие деловому циклу с периодом 8–12 лет (средний срок службы оборудования) и периодом шесть лет – «солнечно-му» циклу. При этом первым по значимости в формировании дисперсии был 12-летний цикл.

Тенденции развития первой и второй групп стран носят противоположный характер: на время спада первого фактора приходится рост второго, и наоборот.

Максимальное за весь период значение второго фактора было достигнуто в 2007 г., когда страны первой группы только подошли к фазе подъема. Напомним, что во вторую группу объединены государства с более низкими темпами развития, в том числе страны Балтии, Болгария и Румыния. В 2007 г. в динамике ВВП этих стран начинается длительное падение до 2012 г., и естественным кажется дальнейшее снижение показателя. Однако модель М-2 (2012) показала рост их экономик с 2011 г. по 2014 г., стагнацию в 2015 г. и лишь затем – резкое обрушение, предсказав для второго типа стран продолжение негативной тенденции развития с 2015 г. вплоть до 2021 г.

Обнаруженные среднесрочные циклы с периодами 9,4 и 13 лет – более длительными, чем в странах первой группы, могут быть обусловлены более продолжительным сроком службы оборудования, что характерно и для стран постсоветского пространства. «Солнечный» шестилетний цикл также был обнаружен, и его оценки практически совпали.

Неожиданно третий фактор F-3 (2012) объединил в один тип развития шесть стран, приведенных в порядке снижения корреляции ВВП страны с этим фактором: Украину (коэффициент корреляции 0,955), Молдавию, Грузию, Таджикистан, Кыргызстан и Россию, т. е. **только страны постсоветского пространства.**

Это страны с высокой политической активностью и локальными военными действиями на их территориях.

Из динамики их фактора F-3 (2012) (рис.5) следует, что все эти страны были более остальных подвержены отрицательному влиянию развала СССР: в их экономиках негативное развитие началось с 1991 г. и продолжалось до 1999 г. Дальнейший рост оказался незначительным, был прерван годовым спадом в 2008 г. и продолжался с замедлением до 2012 г. Кроме того, за весь период агрегированный показатель так и не достиг уровня 1991 г. В структуре показателя выявлены циклы: деловой – 8,2–12,3 лет и солнечный – 6,2 года, что лучше, чем во второй группе, и почти совпадает с оценками первой группы стран.

Медленное, но длительное повышение уровня третьего фактора после 1999 г. давало основание надеяться на дальнейший рост, и в отличие от прогнозов двух первых факторов, эти ожидания были оправданны. Модель M-3 (2012) предсказала рост фактора с 2011 г., но только по 2013 г. В 2014 г. началось снижение, а с 2015 г. по прогнозу эту группу стран ждет длительный спад, который прекратится лишь в 2019 г. (напомним, что память модели не включала события 2013–2015 гг., а реальность 2014–2016 гг. подтверждает полученный прогноз).

* * *

Опыт членства в СЭВ до и после его закрытия позволил получить ряд неожиданных и интересных результатов.

Первое. Активная внешнеэкономическая позиция Польши в торговле со странами СЭВ и одновременно с Западной Европой обеспечивала ей значительные преимущества в экономическом развитии. Более тесная интеграция, активная инвестиционная политика, особенно по привлечению иностранного капитала, вступление в ЕС впоследствии способствовали высоким темпам роста вплоть до 2012 г.

Агрегированная динамика ВВП Польши и стран, входивших в первую группу, полностью противоположна показателям третьей группы стран, куда входит СССР, а затем Россия.

Второе. Совет экономической взаимопомощи не реализовал свои возможности и не достиг поставленных целей. За 20-летний период его существования проявились негативные

закономерности, которые влияли вплоть до 1998 г. Именно они стали определяющей причиной экономического спада в странах в первой половине 1990-х годов, а не распад СЭВ и СССР, как это предполагалось.

Таким образом, и развал СССР, который, кстати, был осуществлен с нарушением всех норм международного права, также лишь усугубил экономическую ситуацию в первом десятилетии рыночных отношений, а длительный экономический спад в 1990-х был определен ходом экономического развития в предшествующей истории.

Третье. Факторный анализ ВВП 24 современных стран на пространстве бывшего СЭВ позволил разделить их на три группы по сходству их развития (в скобках указано членство в ЕС).

Первую группу составили Вьетнам, Монголия, Польша (ЕС), Куба, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и Словакия (ЕС). По прогнозу, выход из кризиса приходится на 2016 г. Их доля в торговле Сибирского федерального округа в 2014 г. (без учета Казахстана и Беларуси) составляла 6,7% в экспорте и 3,6% – в импорте [9].

Вторая группа объединяет Венгрию (ЕС), Эстонию (ЕС), Латвию (ЕС), Литву (ЕС), Чехию (ЕС), Армению, Румынию (ЕС), Болгарию (ЕС). По прогнозу, кризис для этой группы будет продолжаться до 2021 г. (возможно, и далее). Их доля в торговле с СФО в 2014 г. составляла 2,7% в экспорте и 1,73% – в импорте [9].

В третью группу вошли Россия и страны постсоветского пространства с высокой политической активностью и локальными военными действиями на их территориях: Украина, Молдавия, Грузия, Таджикистан, Кыргызстан. По прогнозу перелом в экономике для этой группы стран должен наступить в 2019 г. Их доля в торговле с СФО в 2014 г. (без учета Казахстана и Беларуси) составляла 6,3% в экспорте и 11% – в импорте [9].

Все три группы стран переживают проблемы в экономике, но их развитие происходит с различной динамикой и имеет различные перспективы. Уже сейчас можно считать приоритетным расширение контактов России и СФО со странами первой группы, куда входят Вьетнам, Монголия, Куба, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Польша и Словакия. Окончательные выводы требуют более скрупулезного

изучения современных интеграционных институтов и перспектив торгового сотрудничества с каждой страной отдельно с учетом их ориентации.

Литература

1. Комментарий к Договору о Евразийском экономическом союзе [Эл. ресурс]. URL: <http://www.brokert.ru/material/dogovor-ecraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz> (дата обращения: 15.11.2015).
2. Ковалёва Г. Д., Коклягин Е. Г. Экспорт и импорт Сибири в зеркале таможенной статистики // ЭКО. – 1994. – № 2. – С. 3–24.
3. База статистических данных UNdata [Эл. ресурс]. URL: <http://data.un.org/> (дата обращения: 15.11.2015).
4. Ковалёва Г. Д. Концептуальные основы исследования экономической безопасности региона в области ВЭД // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. ученых, специалистов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов / [ред. кол.: С. М. Дмитриев и др.]; Нижегородский гос. тех. ун-т им. Р. Е. Алексеева. – Нижний Новгород, 2014. – С. 169–174.
5. Шевелев А. А. Экономическое развитие Польши в статистическом сопоставлении со странами – участниками бывшего СЭВ (сегодня и в ретроспективе) // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты: сб. науч. тр. Вып. 13 / Под ред. Е. А. Коломак, Л. В. Машкиной; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2014. – С. 149–165.
6. Shevelyev A. Historical aspects and the place of Poland's foreign trade in the countries – former members of the Comecon // Local production systems: analysis and forecasting of regional economic development: [collection of papers] / ed. by A. S. Novoselov, V. E. Seliverstov; Institute of Economics and Industrial Engineering, University of national and world economy, MatejBel university BanskaBystrica, Ternopil national economic university, University of Lodz. – Novosibirsk-Sofia-Lodz-BanskaBystrica-Ternopil: IEIE SB RAS, 2015. – P. 303–308. URL: <http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2015/LocalProdSyst2015/303–308Shevelev.pdf>
7. Ковалёва Г. Д. Применение теории временных рядов в экономических исследованиях: курс лекций / [Отв. ред. Г. М. Мкртчян]; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – 53 с.
8. Ковалёва Г. Д. Циклическая динамика экономических процессов: Измерение и моделирование / отв. ред. Б. Б. Розин; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1992. – 156 с.
9. ФСГС. URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=180:2012–12–27–01–28–54&Itemid=255&layout=default (дата обращения: 25.03.2016).

Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания¹

Н.С. РОЗОВ, доктор философских наук, Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск. E-mail: nrozov@gmail.com

Революции в мировой истории нередко разгораются друг за другом, образуя революционные волны. В статье выделены основные типы таких волн (идейные, структурные и волны-цепочки, большие и малые), приведена их генеральная совокупность за пять столетий (27 волн), построены шесть моделей динамики их роста и угасания: «Предел горячности», «Розжиг тушителей», «Послереволюционная фрустрация», «Порядок извне под вопросом», «Уязвимость зависимых режимов» и «Истощение ресурсов борьбы». Каждая модель отражает динамическую связь переменных и представлена как тренд-структура (ориентированный граф с положительными и отрицательными связями). Приведены исторические примеры волн, показано, что в истории революционных волн Россия занимает весьма значительное место. Представленные модели сопоставлены с внешне- и внутривнутриполитическим российским контекстом.

Ключевые слова: макросоциология, революция, революционные волны, историческая динамика, социальная нестабильность, политические режимы, геополитика, конфликтная динамика, ресурсное истощение

«Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против революции».

Карл Маркс

Революционные волны – это серии революций (в том числе социально-политических кризисов, представляющих угрозу для режима), которые происходят в различных обществах либо по сходным причинам, либо имеют сходную направленность, либо из-за прямого воздействия одних революций на другие по принципу «домино» (далее будут рассмотрены только *цепные волны* (по аналогии с цепными реакциями), или *волны-цепочки*) [1].

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

Каждая волна начинается с какой-то революции, которую подхватывают другие общества, то есть происходит рост волны, затем она спадает и угасает. С начала XVI в. таких волн в мировой истории насчитывается около трех десятков: от первой волны Реформации в Северной Европе и до последних волн XXI века: «арабской весны» и революций, кризисов, открытых протестов в 2013–2014 гг.

Сходство динамики каждой волны (возникновение, подхватывание, рост и расширение, угасание) указывает на единую внутреннюю закономерность. Подходы исторической макро социологии позволяют строить и исследовать соответствующие модели [2, 3, 4, 5].

Революционные волны: генеральная совокупность

На основе совмещения списков Дж. Голдстоуна, К. Бека, С. Циреля (во многом пересекающихся) [1, 6, 7]. и их дополнения мы (совместно с В.В. Цыганковым, Ю.А. Пустовойтом и С.И. Филипповым)² составили следующий ряд революционных волн.

1. 1514–1555 гг. – антифеодальные бюргерские мятежи и войны, или Первая Реформация (Венгрия, Словения, Испания, Саксония, Швейцария, Фландрия, Богемия).
2. 1566–1609 гг. – Первая Кальвинистская, или Вторая Реформация (Франция, Нидерланды).
3. 1595–1608 гг. – евразийские крестьянские войны (Османская империя, Московия).
4. 1618–1630 гг. – Вторая Кальвинистская, пересекается с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария).
5. 1648–1650 гг. – славянские бунты (Украина, Польша, Московия).
6. 1703–1709 гг. – антиимперские восточнославянские восстания (Венгрия, Россия).
7. 1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые антимонархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция).
8. 1810–1813 (15) гг. – освободительная война в Латинской Америке (боливарианские революции: Мексика, Венесуэла, Новая Гранада, Эквадор, Перу, Колумбия, Чили, Санто-Доминго);

² Научный семинар по социальной философии и исторической макро социологии в Институте философии и права СО РАН.

9. 1821–1831 гг. – греческая война за независимость (Греция, Молдавия, Крит).
10. 1830–1831 гг. – малая волна революций и восстаний в Европе (Франция, Бельгия, Польша).
11. 1848–1850 гг. – европейские революции, движимые либерализмом («весна народов»): Сицилия, Англия, Франция, Пруссия и другие германские государства, Австрийская империя и ее провинции: Чехия, Пьемонт, Галиция, Венгрия);
12. 1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба).
13. 1875–1878 гг. – балканский кризис (Босния, Герцеговина, Болгария, Фессалия, Крит).
14. 1905–1911 гг. – первая «красная волна», начавшаяся с русской революции 1905 г. (Россия, Португалия, Мексика, Аргентина).
15. 1917–1920 гг. – вторая «красная волна» (после первой мировой войны: Россия, Германия, Бразилия, Венгрия, Ирландия, Аргентина).
16. 1926–1945 гг. – фашистские перевороты и антифашистские движения (Португалия, Испания, Югославия, Франция).
17. 1930–1940 гг. – южноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба).
18. 1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Вьетнам, Чили, Ангола, Занзибар, Камбоджа, Лаос).
19. 1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом (Индия, Алжир, Гвинея-Бисау, Мозамбик и др.).
20. 1952–1969 гг. – арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке.
21. 1968 г. – волна молодежных протестов (Франция, США, Великобритания, ФРГ).
22. 1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан).
23. 1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (ГДР, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, СССР, Югославия).
24. 2000–2009 гг. – «цветные революции» (Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран).
25. 2010–2011 г. – «арабская весна» (Тунис, Египет, Йемен, Ливия, Сирия, Бахрейн, Алжир, Ирак, Иордания, Марокко, Оман, Кувейт, Ливан, Мавритания, Саудовская Аравия, Судан, Джибути, Западная Сахара).
26. 2011–2012 гг. – движения «Оккупай» и «болотные» протесты (США, Великобритания, Германия, Россия).
27. 2013–2014 гг. – восстания против гибридных режимов (волна «центрального коллапса»: Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет).

Получившийся список из 27 пунктов вполне может претендовать на генеральную совокупность – это полный перечень

явлений, попадающий в класс «революционные волны». Однако здесь есть и свои сложности. Так, движение чартистов в Англии 1830–1940-х гг. с требованиями всеобщего избирательного права (для взрослых мужчин) явно повлияло на Французскую революцию 1848 г. Однако принято считать, и не без оснований, что донором остальных революций в Европе в 1848–1849 гг. была именно Франция. Поэтому в таких случаях приходится различать «малую», или «основную волну» (с «принципом домино», т. е. явным и прямым эмоциональным воздействием революционно-энтузиазма событий одного общества на события другого), и «большую волну» (где причинная связь между революциями есть, но без непосредственного распространения «революционно-го пламени»). Таким образом, Англия и Сицилия были донорами «большой волны», но донором «малой волны» остается Франция. Далее под «революционной» будем иметь в виду именно «малую волну», если не указано иное.

Модель «Предел горючести»

Революционные события вначале возникают только в обществе, «дозревшем до революции», то есть с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии, или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревали» в разной мере, то есть в них либо возникает революционная ситуация, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния, либо располагаются между этими полюсами. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [7].

При всем этом волна революций рано или поздно перестает расширяться. Простейшее объяснение – волна, даже самая мощная, не захватывает стабильные режимы.

В качестве объясняемой переменной (экспланандума) фиксируем *R* (*revolutionaty intensity*) – совокупную интенсивность революционных событий в вошедших в революционную волну

обществах. Этот показатель можно трактовать, например, как сумму максимальных интенсивностей революционных событий в этих обществах за каждый фиксированный период (неделю, месяц, год). Данная сумма считается нулевой до начала волны и после ее окончания. Во время самой волны объясняемая переменная флуктуирует, в какие-то периоды достигая своего максимума, числовое значение которого (всегда условное) зависит от интенсивности событий в каждом обществе.

Уровень «созревания» общества к революции выразим через переменную p (*potential*). Максимум p и составляет *революционную ситуацию*, когда какое-либо относительно малое возмущение приводит к буре протеста и началу революции. Среди других причин – делегитимизация власти, слабость правительства, нелояльность аппарата принуждения, бюджетный дефицит, ведущий к неспособности правительства выполнять обязательства и основные функции, наличие политической альтернативы (ярких лидеров, организаций и идей), масштабы «горючего материала» революции – отчаявшихся людей, которым нечего терять при сохранении режима. К этим факторам будем обращаться по мере необходимости, но пока считаем достаточной агрегированную переменную – потенциал нестабильности. Полезно также учитывать p_m – средний потенциал нестабильности в данном мировом регионе, где связи между обществами достаточно сильны для возникновения волны. Разумеется, эта величина исторически изменчива, но для простоты будем считать ее константой для периода, в котором назревает, разворачивается и гаснет революционная волна.

Потенциал охвата обществ революционной волной (w – *wideness*) определим как число обществ, еще не испытывавших революцию, но либо достигших революционной ситуации, либо с настолько высоким потенциалом, что интенсивные революционные события в других обществах способны привести к революции в них.

Будем различать также n_i – число вновь вступивших в волну обществ за каждый период i и их сумму n_n – общую численность охваченных волной обществ к периоду i .

Итак, интенсивность революционных событий охватывает все новые общества, отчего растет их сумма, что еще больше увеличивает интенсивность этих событий. Так появляется круг

положительной обратной связи, объясняющий быстрый рост революционной волны. Этот рост был бы бесконечным, если бы не тормозящая связь. В волну могут попасть только «дозревшие до революции» (по К. Марксу) общества, а их потенциал ограничен. Пока он велик (при больших значениях среднего потенциала нестабильности в данном мировом регионе), все новые и новые общества вступают в волну – переживают революционные события. Но с каждым новым участником волны потенциал охвата скудеет. Наконец, уже не остается «дозревших» обществ, сумма числа участников волны также перестает увеличиваться и «подогревать» интенсивность революционных событий. Данная модель представлена как тренд-структура (ориентированный граф, где вершины – переменные, а стрелки – усиливающие и ослабляющие воздействия) на рисунке 1.

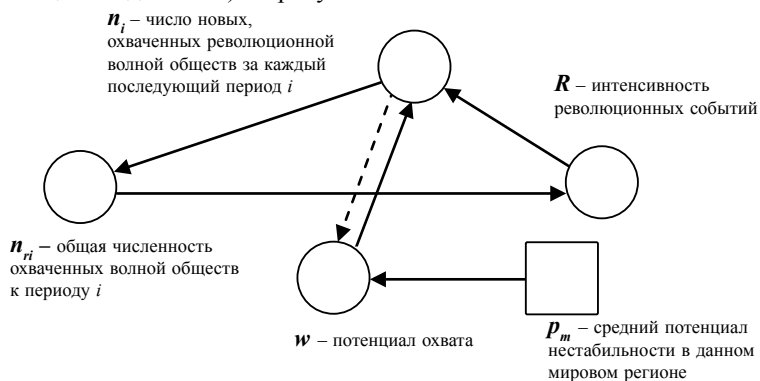

Рис. 1. Модель «Предел горячности»

Примечание: Здесь и далее сплошные стрелки означают усиливающую (положительную) связь, а пунктирные – ослабляющую (отрицательную); круги – это переменные, а квадраты – константы (в рассматриваемый исторический период).

Модель «Розжиг тушителей»

Следующая причинная связь касается уже успешности революций. Во-первых, чем выше потенциальная нестабильность и чем менее силен и легитимен режим, тем больше шансов на успех революции, под которым будем понимать либо захват власти лидерами протеста, либо существенные уступки революционным требованиям со стороны власти. Во-вторых, заразителен для других обществ именно революционный успех, тогда

как провал, скорее, фрустрирует потенциальные силы протеста и вдохновляет режим на сопротивление.

Получаем такую причинную цепь динамики роста и угасания: чем шире распространяется «революционный пожар», тем менее «дозревшие» общества охватываются волной, тем, скорее всего, революции в них будут неуспешными, тем более фрустрирующее влияние они оказывают на остальные общества, тем слабее в них решимость к открытым политическим протестам, что и означает угасание и прекращение революционной волны.

Пока не удастся найти яркие примеры самостоятельного действия этой модели: вероятно, она работает лишь совместно с другими. Подавление революции 1848 г. в Пруссии и других германских государствах, победа Австрии над восставшими итальянцами в Пьемонте, над чехами в Праге и поляками в Галиции явно сыграли свою роль в угасании всей европейской «весны народов». «Арабская весна» 2011 г. началась громкими успехами революций в Тунисе и Египте, но затем также охватила Бахрейн (протесты подавлены при содействии саудовской армии), Ирак, Сомали, Кувейт, Западную Сахару, Ливан, где выступления ни к чему не привели, что, по-видимому, снизило решимость открыто протестовать в других арабских обществах.

Успешность революции *s (success)* понимается как мера выполнения целей протестных движений либо через смену власти, либо через уступки со стороны оставшейся у власти правящей группы. Пик успеха достигается в краткий (1–3 дня) период свержения прежнего режима или объявления уступок, что ведет к умиротворению. Затем успех может снижаться и потому, что новая революционная власть не оправдывает ожиданий, и потому, что уступки сворачиваются. Предположительно главными факторами успеха являются сила, организованность, дееспособность организаций протестного движения, а также готовность государственных институтов к перестройке в соответствии с революционными требованиями. В обоих случаях успеха – смены власти или уступок – это означает эффективное реформирование государственных и классовых структур, тогда как слабость революционных организаций и неготовность государственных институтов к восприятию новых требований ведут к провалам, что может выражаться в победе реакции, перерождении революционной власти, эскалации насилия, чреватой гражданской войной, и в распаде страны.

Привлекательность революции a (*attractiveness*) является прямой функцией от восприятия ее успешности в других обществах. Разумеется, одна и та же революция в разной степени привлекательна для разных обществ, что зависит от близости ее символов и лозунгов к популярным в каждом данном обществе идеям. Резонно предполагать, что чем больше в некотором обществе потенциал нестабильности p , тем выше и привлекательность. Соответственно, в обществах со стабильными и легитимными режимами следует ожидать неприятие чужой революции (низкие, отрицательные значения a) – в полном согласии с формулой К. Маркса, вынесенной в эпиграф. Учитываем также p_r – средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах (рис. 2).

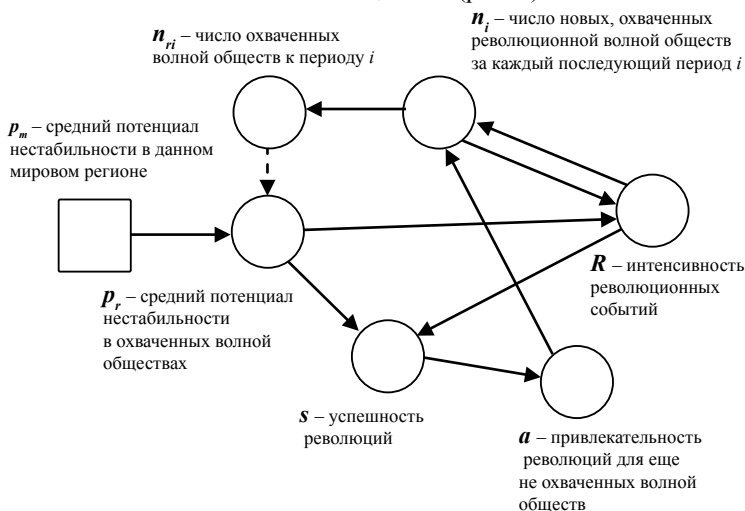

Рис. 2. Модель «Розжиг тушителей»

При разрастании волны (росте ее интенсивности, числа новых вступивших в волну обществ) падает средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах. Именно так работает метафора «розжиг тушителей»: слишком «недозревшие» до революции общества вступили в волну, революция в них закономерно терпит провал, т. е., поддавшись общему пламени революционного подъема, они невольно становятся тушителями этого пламени. Падение среднего потенциала нестабильности снижает успешность революций, а значит, их привлекательность для еще не охваченных волной обществ. Снижение интенсивно-

сти и прекращение пополнения волны новыми обществами ведут к дальнейшим провалам революций, падению их привлекательности, а тем самым – к угасанию волны.

Модель «Послереволюционная фрустрация»

В каждой успешной революции после смены власти или уступок, триумфа и общей эйфории всегда наступают трудные времена, связанные с трансформацией (вплоть до разрушения и упадка) прежних структур и порядков, а также со стремлением новой или старой власти укрепиться за счет подавления конкурентов. Эти процессы выражаются в социально-экономических неурядицах (росте инфляции, экономическом спаде, увольнениях, перебоях в снабжении), а также в политическом насилии вплоть до террора. Такие процессы снижают привлекательность даже успешных революций для других обществ как потенциальных участников волны.

Так, Французская революция 1789 г., русская революция 1917 г., революционные, а затем военные события в Ливии и Сирии (с 2011 г.), которые поначалу вдохновляли протестные движения в других странах, затем стали устрашающими и отталкивающими.

Нам понадобятся следующие переменные: f – сохранность социальных порядков и функций в охваченных волной обществах; d – уровень послереволюционных бедствий.

Рассмотрим также отзывчивость, или сензитивность e (*sensitivity*), означающую уровень влиятельности общества – потенциального донора революции, на общество-реципиент. Она зависит от геокультурной влиятельности, языкового, этнического родства, конфессионального, идеологического сходства, геополитического престижа, географической близости общества-донора по отношению к обществу-реципиенту, а также от силы экономических связей между ними. Отзывчивость является крайне медленно меняющимся фактором, поэтому в модели будет фигурировать в роли коэффициента, сказывающегося на силе воздействия привлекательности революций обществ-доноров на реципиенты, либо в качестве константы, влияющей на привлекательность a (рис. 3).

Каждая волна-цепочка происходит в определенной геополитической ойкумене, то есть совокупности политий, или держав (обществ, способных защищать свою территорию и территорию своих клиентов военной силой), связанных союзными, нейтральными, конфликтными отношениями.

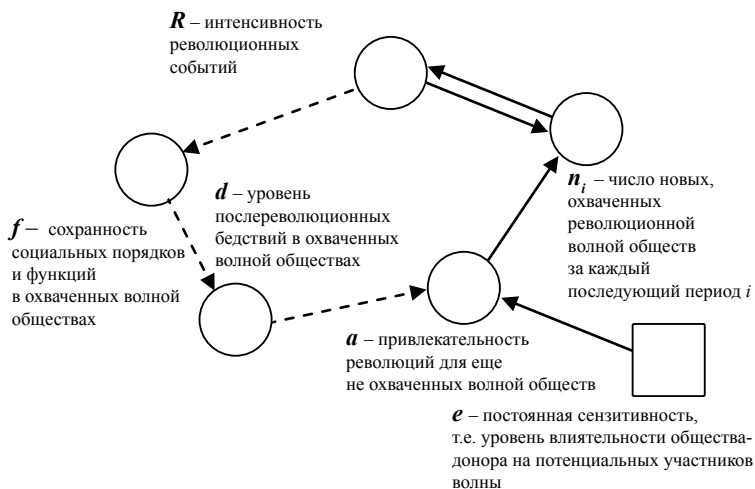

Рис. 3. Модель «Послереволюционная фрустрация»

Модель «Порядок извне под вопросом»

Неконфликтная ойкумена характеризуется либо наличием единого лидера, либо альянсом великих держав, из которых ни одна не заинтересована в том, чтобы в другой происходили революции, смены режима и/или государственный распад. Очевидно, что в этой ситуации начавшаяся революционная волна вызывает тревогу, а рост волны ведет к сплоченности держав и их решимости к подавлению революций. Если «революционный пожар» сильнее совокупной мощи альянса великих держав, то начинается эпоха масштабного насилия, подчиняющаяся уже военной динамике; таковы Тридцатилетняя война после мятежей Реформации XVI в., революционные и наполеоновские войны после Великой французской революции, вторая мировая война после волны фашистских переворотов 1920–1930 гг.

Если же союз контрреволюционных держав или держав-гегемон достаточно сильны, то слабые протестные движения подавляются, остальные потенциальные революции купировываются (случай революций 1830 г.).

Немало революционных волн оказываются успешными: Реформация в Северной Европе, атлантические революции, боливарианские в Южной Америке, исламские революции 1970–1980 гг.

не были подавлены, хотя каждый раз такие попытки со стороны могущественных сил имели место.

Внешняя поддержка революции u (*support*) означает уровень помощи, от моральной и идейной до финансовой, организационной и военной, со стороны режимов других обществ. Для таких ситуаций можно было бы ввести дополнительную переменную, но пока довольствуемся одной, считая положительные значения u поддержкой революции, а отрицательные – активностью по поддержке старого режима и подавлению революции.

В модели участвуют следующие переменные: x (*anxiety*) – тревога коалиции держав, доминирующей в данной геополитической ойкумене; c (*consolidation*) – сплочение коалиции и решимость к «восстановлению порядка»; h (*inhibition*) – успех в подавлении революций извне; r_c (*resources of coalition predominance*) – ресурсное преимущество антиреволюционной коалиции по сравнению с силами революции, причем значимы не только силовые, но и финансовые, символические, производственные, организационные ресурсы (рис. 4).

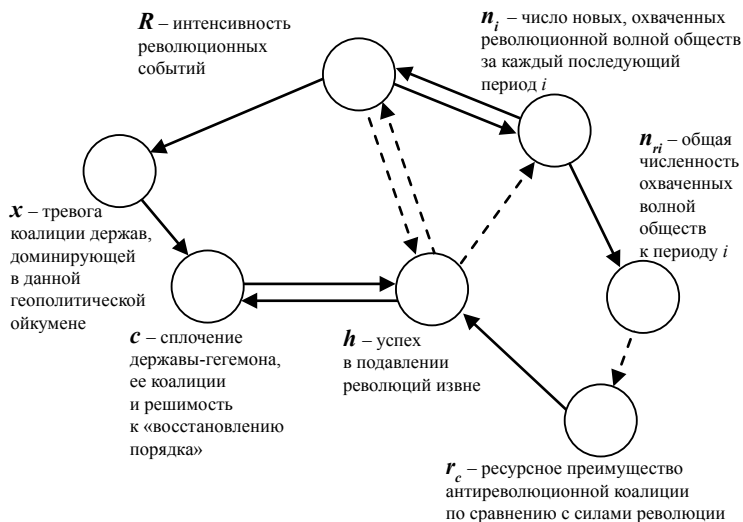

Рис. 4. Модель «Порядок извне под вопросом»

Модель имеет два главных контура. Контур подавления ($n_i \rightarrow R \rightarrow x \rightarrow h \rightarrow R$) описан в начале раздела. Поскольку успех внешней антиреволюционной коалиции не предопределен, в игру

вступает новый контур динамики. Успех подавления зависит не только от сплоченности и решимости коалиции, но также и от преимущества в ресурсах. Но это преимущество сходит на нет при разрастании волны – увеличении числа охваченных ею обществ. Иными словами, если волна быстро охватывает критическую часть обществ со значимыми для борьбы ресурсами, то ресурсное преимущество подавляющей коалиции падает, соответственно, вместо успеха она терпит провал, что всегда угнетающе действует на сплоченность и решимость такой коалиции.

Модель «Уязвимость зависимых режимов»

Бывает так, что в геополитической ойкумене есть два или более конфликтующих лидера, великие державы расколоты и враждуют между собой настолько сильно, что каждый лагерь заинтересован в кризисе и упадке держав из другого лагеря, соответственно, склонен поддерживать революции в нем. Эта внешняя поддержка со стороны одного лагеря (от моральной до финансовой и военной) играет существенную роль в росте революционной волны в другом лагере (так, Россией поддерживались балканские антитурецкие мятежи в 1870-х гг., Советским Союзом – прокоммунистические и антиколониальные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1989 г., Западной Европой и США – сепаратистские движения в Югославии, «цветные революции» и «арабская весна»). Если держава-гегемон и ее коалиция, поддерживающие старые режимы, ослаблены, то революции побеждают, но только там, где старые режимы в большой мере зависели от этой державы-гегемона, а при снижении ее помощи утратили контроль и решимость защищаться.

Сами революции возникают в условиях падения легитимности не только власти и режима отдельного общества, но также охватывающей его коалиции и державы-гегемона. Поддержка этих революций со стороны конфликтующей коалиции, помимо «идеалистических» мотивов и лозунгов (свободы, справедливости, демократии, прав человека, избавления от эксплуатации и т. д.), всегда имеет «политреалистскую» подоплеку – ослабление противника. Поэтому поддержка направлена на революции в обществах, наиболее тесно связанных, зависимых в военном, экономическом и идеологическом аспектах от этого противника – державы-гегемона. Ослабление

последней, утрата его ресурсного преимущества наиболее болезненны именно для зависимых режимов, тогда как режимы с военной, экономической и идеологической автономией оказываются в данной ситуации более устойчивы, они блокируют или успешно подавляют протестные поползновения в своих обществах.

Успех поддержанных СССР антиколониальных движений, революций в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и Мозамбике связан с послевоенной делегитимизацией колониализма, капитализма, ослаблением метрополий Западной Европы, когда США были вынуждены обороняться (стратегия сдерживания во вне, маккартизм внутри) и только нащупывали свою новую роль в мире, допуская большие ошибки (наиболее яркая – Вьетнамская война). В странах, самостоятельно и быстро развивавшихся (ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия), антикапиталистические, прокоммунистические движения либо трансформировались, либо вовсе заглохли, несмотря на массивную поддержку со стороны Москвы.

Сходная ситуация сложилась с антикоммунистическими революциями в Центральной Европе в 1989 г. Они были успешны в странах, режимы которых в наибольшей степени зависели от переживавшего перестройку СССР, стимулировавшую дискредитацию коммунизма (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Румыния). А опирающиеся на собственную военную силу и идеологию режимы в Китае, Албании, КНДР, на Кубе остались практически неуязвимыми.

Кажется, что драматический распад Югославии нарушает эту закономерность, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он только подкрепляет ее. Здесь в роли державы-гегемона выступала Сербия, тогда как в большинстве зависимых от нее обществ (республик с титульной нацией) – Словении, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Косово, Македонии – побеждали национально-освободительные (сепаратистские, если угодно) тенденции при явной и сильной поддержке со стороны Западной Европы, а позже и США.

Для построения модели нам понадобятся новые переменные: t (*support*) – поддержка революций конфликтующей державой или коалицией; b_n (*stability, independent*) – устойчивость режимов, независимых от державы-гегемона и b_d (*stability, dependent*) – устойчивость режимов, зависимых от нее (рис. 5).

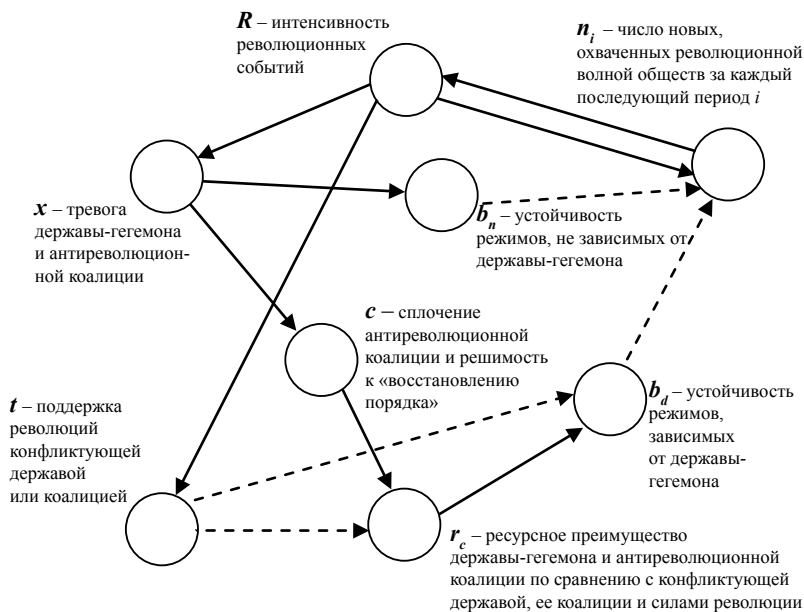

Рис. 5. Модель «Уязвимость зависимых режимов»

Модель включает малый контур $R \rightarrow x \rightarrow b_n \rightarrow n_i \rightarrow R$, объясняющий устойчивость автономных режимов в отношении революций, а также большой контур (вся нижняя часть схемы), где устойчивость режимов, зависящих от державы-гегемона, зависит от соотношения ресурсов между антиреволюционной коалицией (во главе с державой-гегемоном) и конфликтующей с ней коалицией.

Модель «Истощение ресурсов борьбы»

Если волна не расширяется (ни в каких новых обществах уже не возникают революции), это не означает угасания самой волны, поскольку революционные события могут продолжаться длительное время, однако рано или поздно устанавливается какая-то стабильность. Главная причина видится в «усталости», точнее, – в истощении революционных ресурсов у основных сторон конфликта (или хотя бы у проигрывающей): эмоциональных (решимости бороться), социальных (уже не удастся никого привлечь на свою сторону), финансовых, силовых, символических.

Типовая динамика угасания конфликта дополняется эффектами волны: победа и замирение в каждой революции служат примерами для остальных революций той же волны. Вероятно, евразийские крестьянские войны 1595–1608 гг., славянские бунты 1648–1650 гг., антиимперские восточнославянские восстания 1703–1709 гг. соответствуют этому паттерну. Послереволюционные гражданские войны (нередко с участием внешних сил) заканчиваются либо победой одной из сторон (в России – в 1918–1920 гг., в Ливии – в 2011 г.), либо разделом территории (Корея в 1953 г.). Многолетние гражданские войны объясняются либо малой интенсивностью, тлеющим характером (Афганистан с 1990-х гг., государства Центральной Африки, Колумбия), либо постоянной ресурсной подпиткой извне (сегодняшняя Сирия).

В затянувшихся революционных кризисах паритетность ресурсов борьбы в каждом обществе высокая при одновременно значительном потенциале нестабильности (иначе режим легко побеждает протестующих) и сильных факторах, препятствующих успешности революции. Паритетность ведет либо к компромиссам, либо к эскалации конфликта, переходящего в гражданскую войну (часто с элементами международной войны) (рис. 6).

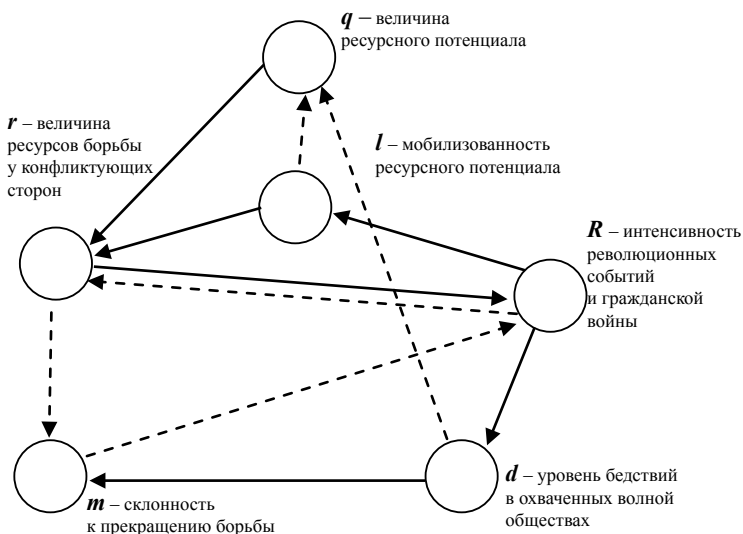

Рис. 6. Модель «Истощение ресурсов борьбы»

Многое в данной динамике зависит от общей величины ресурсного потенциала (населения и богатства, способных конвертироваться в военную силу), мобилизованности этого потенциала и актуальной величины ресурсов борьбы у конфликтующих сторон. Мобилизация увеличивает ресурсы, но истощает общий потенциал. Сама интенсивность революционных событий и гражданской войны расходует ресурсы борьбы и увеличивает бедствия, которые сокращают ресурсный потенциал (и население, и богатство, и решимость умирать и убивать). Чем больше бедствий и чем меньше ресурсов борьбы у конфликтующих сторон, тем выше у них склонность к прекращению борьбы (соглашению или сдаче в зависимости от соотношения побед и поражений), что и ведет к замирению, угасанию конфликта.

Россия в контексте революционных волн в прошлом и будущем

Наша страна на протяжении долгой истории (Московия – Российская империя – СССР – РФ) даже по сугубо формальному критерию занимает важное место в волнах революций за последние пять столетий. Если принять за основу 27 волн, то в семи из них Россия прямо участвовала, еще в семи играла важную роль (и как защитник старых режимов, и как спонсор революций). Здесь есть пересечение – в волне антикоммунистических революций 1989–1991 гг. СССР присутствовал в обеих ипостасях, – поэтому получаем 13 случаев. Почти половина из всех 27 революционных волн – это очень много для одной страны. Более того, в реставрации монархии после Великой французской революции, в обеих «красных» волнах, в послевоенных коммунистических, антиколониальных, арабских, антикоммунистических волнах революций Россия играла одну из ключевых, а иногда и главную роль. Все это позволяет с уверенностью утверждать, что Россия не останется вне того или иного участия и в неминуемых будущих революциях, и в революционных волнах.

Для научного прогнозирования необходимы не только модели, уточняющие их теории, но и большие объемы данных, причем релевантных моделям и теориям. Кроме того, представленные модели помогают осмыслить, объяснять уже начавшиеся волны революций, прогнозировать их динамику, но непригодны для предсказания волн, пока они не начались. Поэтому удовлетво-

ритель законный интерес читателя к «нашим палестинам» можно лишь в очень малом объеме – через сопоставление некоторых элементов моделей с внешне- и внутривнутриполитическим российским контекстом.

Потенциал стабильности нынешнего режима представляется пока достаточно высоким, несмотря на явный экономический спад и известные трудности, растущую изоляцию России на внешней арене. В плане *пределов горючести* трудно представить настолько мощную волну успешных революций в референтных для России обществах, которая вовлекла бы и ее.

Механизм *рождения тушителей* в какой-то мере сыграл роль, если учесть воздействие бурных событий «арабской весны» и движения «Оккупай» на «болотные» протесты и «Оккупай-Абай» в России в 2011–2012 гг., которые были жестко и весьма эффективно подавлены. Если бы потенциал стабильности режима был гораздо ниже, а «горючесть» – выше (вплоть до «революционной ситуации»), то события в России, несомненно, повлекли бы за собой целую революционную цепочку на постсоветском пространстве. Но «разожжен» был именно «тушитель» – общество, не созревшее к революции и показавшее драматический провал массовых протестов.

Успех Евромайдана в Украине и опасность распространения волны были весьма оперативно купированы Кремлем через присоединение Крыма, то есть через активизацию эффекта *послеволюционной фрустрации*. К слову сказать, режим В. Януковича в полной мере испытал *уязвимость зависимости* от той же России, когда для критической массы населения и элит присоединение к Европейскому союзу стало доминирующим настроением.

Порядок извне – угасающий паттерн в современном мире, вероятно, из-за отсутствия настолько широкой, сплоченной и решительной коалиции, которая была бы готова посылать войска и восстанавливать старые режимы, свергнутые в революциях. Кроме того, большинство современных революций происходит в авторитарных государствах под лозунгами демократии, что делает еще более затруднительной реставрацию извне. События на Донбассе, в Ливии, Сирии, Ираке, Афганистане, странах Центральной Африки показывают, скорее, удручающие провалы, чем успехи в «наведении порядка».

Хуже того, попытки восстановления порядка извне ставят конфликты в переживших революционные события странах в центр внимания, что ведет к притоку туда и добровольцев, и денег, и оружия, и войск. А это сводит на нет эффект *истощения ресурсов*: подпитываемые извне войны растягиваются на многие годы и десятилетия.

В самой России в обозримом будущем не просматривается рисков революции или включения в революционную волну. Скорее, политика Кремля будет состоять в купировании революционных попыток в государствах-сателлитах (членах СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности), особенно протестных движений с демократической и западнической направленностью. Такая политика не отменяет подспудных внутренних процессов в самой России, способных в будущем подорвать стабильность режима. Но это уже – предмет особого разговора.

Литература

1. *Голдстоун Дж. А.* Революции. Очень краткое введение /Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. *Коллинз Р.* Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015.
3. *Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.
4. *Розов Н. С.* Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009.
5. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011.
6. *Veck C. J.* The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. – 2011. – Vol. 35 (2). – P. 167–207.
7. *Цирель С. В.* Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*. – 2011. – Вып.8. – С. 174–209.

Оттолкнуть корабль от причала

В.А. КРЮКОВ, член-корреспондент РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

Статья-раздумья о сделанном в науке выдающимся советским и российским ученым академиком А. Г. Гранбергом. Задолго до современного «бума» «новой экономической географии» им был разработан инструментарий анализа и количественной оценки межрегиональных взаимодействий. Научные исследования А. Г. Гранберг стремился сочетать с практическим применением разработанных подходов. Особое внимание в 1990–2000-е гг. им уделялось изучению развития арктических территорий страны. В 2000 г. была организована крупномасштабная экспедиция на судне «Михаил Сомов» по трассе Севморпути, результаты и материалы которой подготовили научную основу многих современных документов и решений по развитию данного региона.

Ключевые слова: А. Г. Гранберг, межрегиональные взаимодействия, исследование Арктики

След, который каждый оставляет в жизни, запечатлен в его делах. Из эпизодов, которые запечатлевают наша память, формируется представление о человеке, о том, что он сделал и к чему стремился. Сделать это тем сложнее, чем более активной и разносторонней была его деятельность. Особенно по прошествии времени – ведь оценки меняются, на многое из того, чему был свидетелем, смотришь уже по-другому.

Наверное, в этом и заключался «секрет успеха» Александра Григорьевича Гранберга – сделать то, что можешь, так, чтобы не было чувства неловкости и ощущения плохо сделанной работы. Его всегда отличали целеустремленность, организованность, самоотдача. Эти черты личности проявлялись во всем: от науки и занятий спортом до руководства большими научными коллективами и реализации крупных проектов. Мне кажется, в полной мере они раскрылись как в создании, развитии и продвижении нового научного направления, так и в стремлении Александра Григорьевича, особенно в 1990–2000-е гг., усилить практическую направленность той работы, которой он посвятил многие годы, и сформировать научные основы такой экономической политики развития России, которая учитывала бы особенности ее пространства и адекватно отражала бы его роль.

Сферой научных исследований А. Г. Гранберга было изучение влияния фактора пространства (с учетом различий отдельных территорий) на экономическое развитие, которое не сводится к региональной экономике в ее классическом понимании (как науки о факторах и условиях функционирования в рамках определенной замкнутой территории). К сожалению, в последние годы в связи с тем, что в органах исполнительной власти произошла кардинальная смена кадрового состава – место практиков и людей, знающих конкретные вещи, заняли «менеджеры», ориентированные на технологии управления в их самом общем виде, всплеск внимания к пространственной экономике, наблюдавшийся в 1980-е и в 1990-е гг. (не без влияния Александра Григорьевича – в тот период он был советником Президента РФ по региональной политике, а затем было даже создано профильное министерство), сменился забвением.

В настоящее время значительная часть профессионального сообщества в своих выступлениях и исследованиях оперирует растиражированными положениями «новой экономической географии» (кластеры, агломерации, «неизбежность сжатия пространства»¹ и т. д.).

Подход А. Г. Гранберга был принципиально иным: «преодоление» пространства за счет развития инфраструктуры и усовершенствования тех направлений деятельности, которые обеспечивают в каждом конкретном месте наибольшую социально-экономическую отдачу. При таком взгляде на пространственное развитие есть место и агломерациям, но не только они определяют экономическую динамику в исторических условиях, сложившихся в России.

Фактически Александр Григорьевич получил результат, близкий к тому, который только совсем недавно в явном виде представлен в работе Р. Коуза и Н. Вана [2]: «Повторные и дублирующие инвестиции неизбежны и являются важной частью процесса. Они привели к ослаблению эффекта масштаба из-за недоиспользования капитала, но значительно ускорили и распространили индустриализацию по всей стране... **Потери во “внутренней экономике”, говоря словами Альфреда Маршалла, были с лихвой компенсированы “внешней экономией”.**

¹ См., например [1].

В этом кроется секрет необычайно высоких темпов рыночных преобразований в Китае в 1990-х годах и далее».

Развитие пространства в противовес его неизбежному «сжатию» и усилению центробежных тенденций и централизации могли (и все еще могут) сформировать модель экономического развития, которая в большей степени отвечает специфике и особенностям России. Вместе с тем разработка и практическая реализация такой модели предполагают экономическую активность на местах, невозможную без прав и полномочий в решении долгосрочных экономических и социальных задач. Увы, пока понимание роли и места управления пространством не стало отличительной особенностью модели функционирования экономики и социальной сферы России.

Не случайно важнейшей составляющей деятельности Александра Григорьевича в 1990–2000-е гг. стала работа над крупными региональными проектами – прежде всего, по развитию территории Российской Арктики, в том числе Республики Саха (Якутия) и Полярного Урала. А.Г. Гранберг во многом стоял у истоков современного изучения экономики арктических регионов России.

Многие высказанные им идеи еще ждут своего часа. Среди причин их невостребованности – инерция и боязнь реализации новых подходов, основанных на расширении роли территорий в реализации долгосрочной социально-экономической стратегии. Это сказалось, например, в приостановке проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный», в весьма медленном и противоречивом развитии Северного морского пути и в целом Российской Арктики² (например, за коротким всплеском активности судоходства в начале 2010-х гг. последовал значительный спад). Причины связаны и со сложностью данных проектов, и со ставшей традиционной склонностью к использованию простых и проверенных временем решений (увы, созданных для других экономических условий), а также с нехваткой кадров, которые могли бы эффективно и по-современному действовать в нынешней ситуации.

Имеет значение и та новая экономическая реальность, с которой столкнулась Россия – прежде всего, в части решения проблем

² См., например [3].

развития пространства в условиях быстро и противоречиво реформируемой экономики. Как известно, началу реформ и переходу на иные принципы взаимодействий между хозяйствующими субъектами сопутствовало понимание необходимости повышения роли регионов (реальные экономические процессы происходят, как известно, «на местах»). Но через 5–7 лет «движения по пути реформ» экономическая деятельность была монополизирована под эгидой крупных трансрегиональных структур. Поэтому многие новации управления экономикой страны, связанные с усилением роли регионов, очень скоро отошли на дальний план или даже выпали из «повестки дня». Более того, на экономику пространства стали оказывать искажающее влияние внутриэкономические процедуры на уровне крупных корпораций, которые очень сильно деформировали представления о реальной роли пространственных факторов в развитии России.

В частности, еще в 1997 г. мы обсуждали с А. Г. Гранбергом влияние разных систем учета на уровне крупных вертикально интегрированных корпораций на состояние бюджетной сферы сырьевых регионов (тогда в схемах «оптимизации» налоговых выплат активно применялась такая категория, как «скважинная жидкость», в чем особенно преуспела нефтяная компания «ЮКОС»).

Отличительной особенностью Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения Академии наук в 1970–1980-х годах была активная экспедиционная деятельность. Всеми нами владело стремление приблизить свои научные изыскания к реальной хозяйственной практике, знать и понимать, что и почему происходит на местах (не только в Арктике или Якутии, но и в сибирских селах и городах, на предприятиях).

Одна из таких широкомасштабных экспедиций (в которой довелось участвовать автору этих строк вместе с Александром Григорьевичем) проводилась в июне-июле 1982 г. на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (от Томска до Тюмени и Ямбурга). Следующая подобная по масштабу и продолжительности экспедиция по трассе Северного морского пути – от Архангельска до порта Тикси – состоялась только в июле-августе 2000 г. (автор прошел путь от Архангельска до Салехарда).

Между этими «эпохальными» экспедициями было совместное участие в уникальном исследовательском суперпроекте в течение 1993–1999 гг. по проблемам освоения трассы Северного морского пути – ИНСРОП (INSROP – International Northern Sea Route Programme)³.

Данный проект (вспомните «лихие 90-е»!) был основан, в первую очередь, на оптимизме и вере в то, что освоение пространства России, развитие транспортной инфраструктуры на севере страны дадут сильный импульс развитию и этих территорий, и экономики всей страны, а также окажут значительное влияние на интеграцию ее в систему мирохозяйственных связей. В проекте участвовали исследователи из многих стран – Японии, Норвегии и США (прежде всего, из Университета штата Аляска). Основную финансовую нагрузку несли научные фонды Аляски, Хоккайдо и Норвегии.

У Александра Григорьевича установились очень теплые и дружеские отношения с профессором Университета штата Аляска Виком Фишером (Vick Fisher), одним из отцов-основателей штата и участников группы по написанию его конституции (он провел детские годы в Москве, так как его отец, Л. Фишер, до войны работал американским корреспондентом в Берлине и Москве; он даже ходил в ту же школу, что и впоследствии Александр Григорьевич [4]). Очень близкие отношения были и с директором Института Фритьофа Нансена Вилли Остренгом (Willy Ostreng, ныне президент Норвежской научной академии полярных исследований [5]).

От России в данном проекте основную нагрузку по согласованию и отстаиванию позиции страны и ее научного сообщества взял на себя А. Г. Гранберг. В этом ему активно помогали сотрудники ЦНИИМФ – Центрального института морского флота в Санкт-Петербурге, а директор института профессор В. И. Пересыпкин был хорошо знаком Александру Григорьевичу еще по экспедиции Института экономики и организации

³ Программа ИНСРОП продолжалась в течение шести лет – с марта 1993 г. по март 1999 г. Одним из ведущих организаторов проекта был академик А. Г. Гранберг. По ее результатам был собран, обобщен и подготовлен уникальный массив научных данных по различным аспектам развития Арктики (167 рабочих отчетов). Значительная часть материалов находится в открытом доступе (URL: <http://www.fni.no/insrop/>).

промышленного производства СО РАН по трассе Севморпути на рубеже 1970–1980-х гг. В рамках проекта летом 1995 г. был совершен уникальный трансарктический рейс сухогруза ледового класса «Кандалакша» по маршруту Йокогама (Япония) – Киркенес (Норвегия) по арктической трассе, без захода в наши порты и вообще без особых контактов с российским побережьем. Основная цель (судно было зафрахтовано Японским фондом изучения океана и судоходства) состояла в проверке особенностей мореплавания в высоких арктических широтах. Поэтому судно было «обвешано» различной аппаратурой и в российские воды не заходило из-за опасений быть задержанным и обследованным «с пристрастием» (о чем нам позднее поведал капитан во время экспедиции 2000 г.).

Данный рейс, например, подтвердил, что зарубежный грузоотправитель, используя СМП в летнюю навигацию, может ускорить доставку груза на 15 суток по сравнению с южным путем через Суэцкий канал.

А. Г. Гранберг времен экспедиций по Западной Сибири (1982 г.) и по Севморпути (2000 г.) – это одновременно и очень похожие, и очень разные люди. В начале 1980-х годов это больше академический ученый, которого друзья-коллеги прозвали в шутку «трюмным исследователем» по той причине, что он много времени проводил в каюте, в трюмной части корабля, дописывая учебник по моделированию экономики. К 1986 г. ИЭОПП получил статус головной организации РАН по выполнению темы «Комплексный прогноз использования природных ресурсов развития производительных сил зоны Севера СССР на 1991–2015 гг.» под научным руководством академика А. Г. Гранберга (он к тому времени стал директором института).

В экспедиции 2000 г. Александр Григорьевич, набравший колоссальный опыт работы в Верховном Совете РСФСР и в качестве советника Президента РФ по региональной политике, – «деятельный наблюдатель», в поле зрения которого – все вопросы, от формирования графика встреч на местах до очень заинтересованного участия в обсуждениях с коллегами по экспедиции всего увиденного и услышанного.

Снарядить и отправить экспедицию на Север (да еще по трассе Севморпути) никогда не было легким делом: выход судна на трассу требует более 50 подписей – от медицинских до эколо-

гических и прочих надзорных органов. Александру Григорьевичу удалось сначала получить в распоряжение экспедиции судно «Михаил Сомов», а затем и реально осуществить ее. Последнее оказалось весьма непростым: пока суд да дело, кто-то «реализовал на сторону» машинное масло, необходимое для уникальных дизель-генераторных установок судна. Установки финские, масло к ним поставляла Финляндия, и из-за его отсутствия отправка судна была задержана (до Архангельска срочно отправили бензовоз, благо, что это всего около 1000 км, и график его движения отслеживали сотрудники областной администрации).

Почти десять дней ожиданий и переживаний увенчались успехом – в один из августовских дней 2000 г. к «Михаилу Сомову» подошел маленький (особенно если смотришь с палубы океанского судна) портовый буксир-тудяга и принялся, пыхтя и испуская клубы выхлопного дыма, выводить корабль на чистую воду, подальше от причала.

А перед этим «Михаил Сомов» был торжественно отправлен в рейс с главного рейда Архангельска в День Военно-Морского Флота. Но из-за вышеупомянутых трудностей корабль отправили «с глаз долой» – в бухту Экономия в 20 км ниже по течению Северной Двины. Вынужденное ничегонеделание Александр Григорьевич, со свойственной ему целеустремленностью, сумел обратить во благо задачам экспедиции. Были объявлены семинары (после короткого обсуждения программы), что способствовало сплочению участников и выработке близких взглядов на непростые проблемы освоения Севера и пространственную экономику в целом у представителей разных организаций и научных школ.

Экспедиция и ее результаты опередили время: только через десять с лишним лет Россия вновь обратила взор на Арктику – начали разрабатываться совместные (экономическое развитие территорий Арктики и инфраструктуры Северного морского пути) стратегии и программы, приниматься необходимые документы.

Нельзя не отметить, что Александр Григорьевич собрал в составе экспедиции уникальных людей и специалистов – М.К. Бандмана, А.А. Арбатова, Л.Г. Цоя, А.Н. Евдокимова, В.Я. Плаксия и многих других исследователей, посвятивших не один год изучению Севера и Арктики [6]. Александр Григорьевич своим трудом и настойчивостью в достижении поставленной цели «оттолкнул от причала» не только судно «Михаил Сомов»,

рейс которого продвинул нас далеко вперед в понимании проблем Северного морского пути, но и чрезвычайно важное и очень востребованное практикой научное направление – исследование пространственных факторов экономического развития России. Сейчас вполне очевидно, что вне этого направления у нашей страны нет и не может быть не только собственной модели экономического развития, но и своего места в системе мирохозяйственных связей и отношений.

С уходом Александра Григорьевича Гранберга отечественная экономическая наука страны лишилась лидера и активного «движителя» этого важнейшего направления современной науки и практики.

Литература

1. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. – Всемирный банк: Вашингтон, 2010. – 33 с.
2. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2016. – С. 264 (Библиотека свободы).
3. План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденный Правительством РФ 30.08.2016 г. URL: <http://government.ru/media/files/ObB3ODIP9rOAwfYbgWrOzHlxaHTla8s1.pdf>
4. Fischer V. To Russia With Love. An Alaskan's Journey. – Wohlforth, Charles. 2012. – 400 p. URL: <http://www.alaska.edu/uapress/browse/detail/index.xml?id=462>
5. URL: http://www.polar-academy.com/pages/documents/CV_WillyOstreng_07.02.2013.pdf
6. Проблемы Северного морского пути/ Совет по изучению производительных сил РАН. (Отв. ред. – А. Г. Гранберг); Центр. научн. – исслед. и проектно-конструкторский институт морского флота (ЦНИИМФ). – М.: Наука, 2006. – 581 с.

Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов

Д.А. ИЗОТОВ, кандидат экономических наук, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск. E-mail: izotov@ecrin.ru

Оценка либерализации торговли России с КНР и со странами Транстихоокеанского партнерства в первоначальном и расширенном форматах показала наличие положительных эффектов: общее благосостояние и взаимный товарооборот увеличатся. К издержкам от либерализации торговли для российской стороны можно отнести опережающее увеличение импорта по сравнению с российским экспортом, что приведет к уменьшению тарифной выручки, поступающей в бюджет России. Определены долгосрочные вызовы и возможности для российской экономики от либерализации торговли с КНР и странами Транстихоокеанского партнерства. Полученные оценки позволяют предположить, что в условиях либерализации глобальной торговли для значимого перераспределения товарных потоков необходимо нивелирование нетарифных ограничений.

Ключевые слова: экспорт, импорт, импортная пошлина, тарифные меры, нетарифные ограничения, торговые эффекты, зона свободной торговли, Россия, АТР, КНР, Транстихоокеанское партнерство

Форматы регионального сотрудничества

После глобального кризиса второй половины 1990-х гг. в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стали активно обсуждаться различные планы расширения региональной интеграции с целью создания условий для долгосрочного поступательного экономического роста и развития. Однако, в отличие от традиционной модели интеграции, предполагающей переход от зоны свободной торговли (ЗСТ) к таможенному союзу, общему рынку и далее к экономическому объединению стран, в АТР наблюдается только расширение формата ЗСТ до ЗСТ⁺¹ в рамках интеграционной модели «нового регионализма» [1]. Конкуренция интеграционных объединений способна вызвать в торговле региона еще большее снижение тарифных и нетарифных ограничений.

Экономическое развитие КНР оказывает непосредственное воздействие на страны региона, особенно в последние годы.

¹ Формат ЗСТ⁺, помимо либерализации торговли товарами, предполагает снижение барьеров для движения прямых инвестиций, а также установление определенных стандартов на рынке.

Китай стал крупнейшим торговым партнером и источником прямых инвестиций для всех стран АТР. На фоне экономико-политического соперничества между США и Китаем в Тихом океане, несмотря на достигнутые успехи в смягчении торговых ограничений, проявляющихся в наращивании торговли между странами АТР, за последнее десятилетие стало обнаруживаться разделение стран региона по признаку готовности к существенному снижению нетарифных барьеров, препятствующих более тесному сближению их экономик. Речь идет о значительной либерализации на рынках труда, капитала и интеллектуальной собственности в привязке к стандартам американской экономики. Китайское правительство по объективным причинам не может решиться на подобные трансформации. В итоге в АТР стали формироваться два взаимоисключающих с точки зрения совместного участия КНР и США [2] крупнейших региональных интеграционных объединения формата ЗСТ+: Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

Соглашение о создании ТТП было заключено в начале 2016 г. В ТТП вошли следующие страны АТР: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония. Соглашение предполагает поэтапную значительную либерализацию торговли (особенно в сельском хозяйстве, легкой и автомобильной промышленности) и инвестиций, устанавливая стандарты для защиты прав интеллектуальной собственности и наемных работников, соблюдение экологических норм, режима недискриминационного доступа к национальному рынку, четкие правила участия во внешней торговле государственных предприятий и их субсидирования.

Согласно оценкам [3], долгосрочные выгоды получают все страны-участники ТТП. Безусловным лидером интеграционного объединения являются США. Можно предположить, что в перспективе к ТТП присоединятся страны, объявившие о своей заинтересованности, – Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины. В настоящее время ведутся переговоры по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, которое способно стать связующим звеном дальнейшей экономической интеграции между странами ТТП и Европейским союзом.

Соглашение о создании ВРЭП находится в статусе разработки с точки зрения согласования интересов потенциальных участников: стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины), Австралии, Индии, КНР, Новой Зеландии, Республики Корея и Японии. Условия присоединения к ВРЭП не являются такими комплексными, как в случае ТТП. США не проявляют к этому объединению особого интереса. Вероятно, основной движущей силой ВРЭП станет Китай. По целому ряду причин [2], связанных с неготовностью китайской стороны как осуществлять структурные и институциональные преобразования, так и снижать ряд нетарифных барьеров в торговле, Китай в обозримой перспективе не сможет присоединиться к ТТП, но продолжит осуществлять торговую интеграцию на двух- и многосторонней основе со странами региона и мира. В связи с этим эксперты указывают на нарастание издержек для китайской экономики в перспективе.

На протяжении нескольких десятилетий Россия осуществляет общую либерализацию внешнеторгового регулирования вследствие объективной необходимости в географической диверсификации торговых связей. С одной стороны, Россия инициирует интеграционные процессы с рядом стран постсоветского пространства, с другой – проявляет интерес к либерализации внешней торговли со странами АТР: подписано соглашение о создании ЗСТ с Вьетнамом, ведутся переговоры о заключении аналогичного соглашения с другими странами АСЕАН, изучается вопрос о создании ЗСТ с Китаем. Представители США предложили российской стороне присоединиться к ТТП [4], при условии соблюдения формата соглашения. Можно сделать вывод, что Россия будет в дальнейшем распространять режим торговой либерализации на страны АТР.

Российская сторона, вероятно, может быть поставлена перед выбором относительно направления интеграции со странами АТР. Поскольку создание ВРЭП – дело отдаленного будущего, в обозримой перспективе в условиях нарастающего соперничества между американской и китайской экономикой в регионе для России возможны два направления – заключение преференциальных торговых соглашений со странами ТТП или с Китаем. Поскольку либерализация торговли в условиях преференций генерирует

как положительные, так и отрицательные эффекты, попытаемся оценить их последствия.

Оценке последствий интеграционных процессов в АТР за последние два десятилетия посвящено значительное число исследований [5]. При этом соотношение оценок эффектов торговой либерализации России с КНР и странами ТТП в рамках отдельного исследования не осуществлялось, хотя торгово-экономические взаимодействия между ними значительно увеличились. Ввиду того, что модель частичного равновесия позволяет получить более подробные оценки эффектов торговой либерализации на уровне конкретных товарных групп, это обстоятельство определило выбор модели для оценки торговой либерализации. Поскольку возможно расширение ТТП, эффекты от возможной либерализации торговли России с данным объединением стран будут рассмотрены в двух вариантах: в первоначальном² (ТТП₁) и расширенном³ (ТТП₂) форматах. Основываясь на теоретических предпосылках [6], можно предположить, что либерализация торговли России с КНР и странами ТТП первоначального и расширенного форматов приведет к генерированию положительных торговых эффектов; потенциальному увеличению стоимостных объемов российского экспорта и созданию новых товарных ниш; различию в направлениях дополнительных объемов экспорта и импорта между Россией и рассматриваемыми торговыми партнерами; изменению географической и товарной структуры двусторонней торговли.

Динамика, структура и ограничения торговли России с КНР и странами ТТП

За последние три десятилетия АТР превратился в крупнейший глобальный экономический центр: доля стран региона в мировом ВВП увеличилась с 35,0% до 58,1% [7], в товарообороте – с 39,2% до 49,3% [8]. К АТР относятся разнообразные по специализации и структуре экономики мира, в том числе три крупнейших: США, Китай и Япония. В регионе снижаются

² По состоянию на начало 2016 г.: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония.

³ К ТТП в расширенном формате относятся страны, вошедшие в первоначальный формат ТТП, а также Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины.

взаимные торговые барьеры за счет преференциальных торговых соглашений, формирования региональных сетей двусторонних и многосторонних соглашений и зон свободной торговли (ЗСТ) [9]. Основной движущей силой торговой либерализации в АТР являются крупные региональные и глобальные корпоративные структуры, осуществляющие производственный процесс в рамках вертикальной торговли для последующего экспорта готовой продукции по всему миру. Рост отдачи от масштаба производства достигается за счет создания сборочных производств в развивающихся странах с избыточной рабочей силой в рамках кластерных структур в условиях снижения торговых издержек. Данный процесс стал причиной значительного роста выпуска высокотехнологичной продукции в экспорте стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Благодаря высоким темпам экономического роста, с 1990 г. реальные доходы населения в большинстве стран региона значительно выросли, что способствовало увеличению емкости их рынков [10,11].

В целом масштабы торговли России с ключевыми экономиками АТР, к которым относятся КНР и ТТП, растут: с Китаем – с 39,33 млрд долл. в 2007 г. до 88,27 млрд в 2014 г.; со странами ТТП в первоначальном формате – с 43,86 до 78,26 млрд, в расширенном – с 61,47 до 113,67 млрд долл. Такая тенденция объясняется емкими рынками данных стран и их ведущим положением в производстве продукции обрабатывающей промышленности. На КНР и страны ТТП приходится до четверти товарооборота России с внешним миром. Китай и страны ТТП для России являются сопоставимыми по масштабу торговыми партнерами (табл. 1).

За последнее десятилетие доля Китая и стран ТТП в российском экспорте увеличилась почти вдвое. К 2014 г. сальдо торгового баланса России со странами ТТП стало характеризоваться положительными значениями, а с Китаем с 2007 г. имеет отрицательное сальдо по причине роста поставок на российский рынок как собственно китайской продукции, так и предприятий глобального бизнеса, осуществляющих производственную деятельность на территории КНР [12]. Тенденция роста экспорта и импорта России со странами, входящими в ТПП, вероятно, является устойчивой. По некоторым оценкам [13], по мере расширения экономических связей российской экономики с Китаем

и другими странами АТР европейские страны могут утратить роль главного торгового партнера для России.

Таблица 1. Географическая структура торговли и сальдо торгового баланса России в 2007–2014 гг.

Страна/группа стран	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Экспорт, %</i>								
КНР	4,31	4,52	5,52	4,98	6,71	6,82	6,76	7,52
ТПП ₁	4,97	6,06	6,67	7,40	6,83	6,33	7,12	8,09
ТПП ₂	6,92	8,19	8,95	10,80	10,19	9,77	10,71	12,52
<i>Импорт, %</i>								
КНР	12,22	13,02	13,38	17,02	15,69	16,37	16,88	17,74
ТПП ₁	13,63	14,79	12,56	11,31	11,69	12,84	12,55	13,25
ТПП ₂	19,02	19,70	16,49	15,73	16,78	17,63	17,22	17,92
<i>Товарооборот, %</i>								
КНР	7,17	7,61	8,36	9,38	10,05	10,41	10,54	11,25
ТПП ₁	8,10	9,23	8,80	8,83	8,63	8,78	9,15	9,98
ТПП ₂	11,30	12,37	11,68	12,60	12,64	12,73	13,15	14,49
<i>Сальдо, млрд долл.</i>								
КНР	-9,24	-13,62	-6,19	-19,18	-13,35	-16,00	-17,55	-13,44
ТПП ₁	-9,70	-11,12	-1,31	3,50	-0,48	-7,39	-1,96	2,28
ТПП ₂	-13,60	-14,31	-1,16	6,85	1,30	-4,48	2,25	10,95
Всего	152,54	200,94	130,97	168,16	210,90	208,57	212,32	211,18

Примечание: ТПП₁ – в первоначальном, ТПП₂ – в расширенном форматах.

Источник табл. 1–3: рассчитано по: [8].

Как показывает статистика двусторонней торговли, к 2014 г. в структуре экспорта России в КНР и страны ТПП основная доля приходилась на две укрупненные товарные группы. Доминирующей товарной группой и для КНР, и для ТПП были минеральные продукты, с тенденцией к увеличению доли в экспорте. Это связано с ростом цен на сырую нефть и другие топливно-энергетические ресурсы и продукцию их переработки, а также физических объемов экспорта ввиду выхода на проектную мощность проектов и расширения экспортной инфраструктуры на востоке России. Вторая по значимости товарная группа российского экспорта: для КНР – древесина и изделия из нее; для стран ТПП – недрагоценные металлы (в основном продукция черной металлургии), что связано с ограничениями для доступа российской продукции на рынки рассматриваемых стран.

Хотя в структуре экспорта доминировали две укрупненные товарные группы (почти 90,0% российских поставок), можно

выделить небольшие по доле, но имеющие потенциал к увеличению группы российского экспорта: для КНР – продукты растительного происхождения (в основном зерновые культуры), готовые пищевые продукты, драгоценные камни и металлы, транспортные средства; для стран ТТП – продукты растительного происхождения, а также пластмассы, каучук, резина и изделия из них (табл. 2)

Таблица 2. Товарная структура экспорта России в 2007–2014 гг., %

Продукция	КНР			ТТП ₁			ТТП ₂		
	2007	2010	2014	2007	2010	2014	2007	2010	2014
Живые животные и продукты животного происхождения	1,20	4,53	2,50	0,77	0,75	0,55	0,80	2,41	2,05
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	0,12	0,03	0,19	0,15	0,08	0,56	0,19	0,17	0,67
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	0,02	0,24	0,23	0,32	0,21	0,21	0,24	0,19	0,17
Минеральные продукты	47,13	57,13	77,19	47,43	65,82	72,30	54,68	66,85	75,82
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	13,34	10,59	3,93	6,76	9,64	4,19	5,81	7,71	3,42
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	2,72	3,78	1,11	0,43	0,75	0,95	0,78	0,62	0,69
Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них	0,05	0,03	0,03	0,05	0,03	0,02	0,04	0,02	0,01
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	22,60	14,63	8,87	5,90	2,13	1,86	5,24	2,01	1,70
Текстильные материалы и изделия	0,15	0,08	0,02	0,06	0,02	0,02	0,05	0,02	0,02
Обувь, головные уборы, зонты	0,01	0,00	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	0,02	0,04	0,15	4,45	1,37	2,79	3,19	0,97	2,00
Недрагоценные металлы и изделия из них	5,46	3,46	0,91	30,34	15,34	14,30	26,18	15,09	11,58
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	6,05	4,96	3,88	1,65	1,36	1,33	1,40	1,08	1,00
Транспортные средства	0,33	0,12	0,68	1,13	1,59	0,32	0,95	2,07	0,42
Разнообразные промышленные товары	0,79	0,36	0,32	0,55	0,89	0,58	0,45	0,76	0,44

Примечание к табл. 2–3: агрегирование товарных групп по двоичному коду в разделы произведено согласно [14]. ТТП₁ – в первоначальном, ТТП₂ – в расширенном форматах.

Импорт в Россию из КНР и стран ТТП характеризуется большим товарным разнообразием и меньшей концентрацией стоимостных объемов в рамках отдельных товарных групп. Основу

импорта в Россию составляют товары обрабатывающей промышленности, при этом продукция из стран ТТП, поставляемая на российский рынок, более диверсифицирована, чем из КНР (табл. 3).

Таблица 3. Товарная структура импорта России в 2007–2014 гг., %

Продукция	КНР			ТПП ₁			ТПП ₂		
	2007	2010	2014	2007	2010	2014	2007	2010	2014
Живые животные и продукты животного происхождения	0,74	0,51	0,68	6,04	6,66	4,67	4,41	4,92	3,56
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	2,28	1,70	1,84	2,18	3,48	3,01	2,56	4,17	3,99
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	1,50	1,22	1,26	2,26	2,81	2,72	2,31	3,00	2,78
Минеральные продукты	1,02	0,59	0,21	0,71	1,15	0,58	0,76	1,07	0,69
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	2,46	3,12	3,76	6,45	9,15	7,66	4,96	7,33	6,45
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	4,21	4,17	5,16	2,91	4,93	4,32	4,42	6,18	5,84
Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них	1,24	1,77	1,40	0,10	0,12	0,14	0,09	0,13	0,16
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	1,21	1,26	1,50	0,46	0,77	1,00	0,50	0,80	0,93
Текстильные материалы и изделия	8,06	10,57	9,67	0,76	1,31	1,69	1,20	1,76	1,90
Обувь, головные уборы, зонты	6,51	7,79	4,47	0,31	0,53	0,78	0,36	0,67	0,89
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	3,16	2,55	2,58	0,30	0,44	0,49	0,35	0,55	0,82
Недрагоценные металлы и изделия из них	8,59	8,60	7,78	2,52	4,12	2,91	2,52	4,22	3,59
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	44,78	44,97	46,13	26,29	30,62	25,33	29,64	32,71	27,67
Транспортные средства	7,00	2,95	4,84	41,45	26,16	37,87	39,71	25,83	34,38
Разнообразные промышленные товары	7,25	8,25	8,74	7,25	7,74	6,85	6,20	6,66	6,36

В связи с введением Россией режима контрсанкций по отношению к сельскохозяйственной продукции ряда западных стран, в 2014 г. объем и доля живых животных и продуктов животного и растительного происхождения из ряда стран ТТП (США, Канада и Австралия) сократились, при некотором увеличении поставок из КНР. В целом, несмотря на некоторые расхождения⁴,

⁴ В частности, для транспортных средств, сельскохозяйственной продукции, черной металлургии, а также продукции легкой промышленности.

происходит переход от комплементарного заполнения товарных ниш на российском рынке к прямой конкуренции на нем продукции из Китая и стран ТТП.

Последствия торговой либерализации традиционно оцениваются на основе реакции взаимных товаропотоков на изменение тарифных мер. Общепринято, что ее результативность определяется превышением эффекта создания над эффектом отклонения торговли [6]. Эффект создания торговли отражает смещение предпочтений потребителей с менее качественного отечественного товара на более эффективный импортный, а эффект отклонения – переориентацию потребителей с покупки импорта из третьих стран на импорт торгового партнера. Это способствует специализации национальной экономики в производстве более эффективных товаров, в результате чего объемы торговли возрастают, а страны получают общий выигрыш. Сумма эффектов создания и отклонения торговли формирует общий торговый эффект интеграционного объединения. Сокращение общей тарифной выручки бюджета компенсируется увеличением эффективного импорта, экспорта и возникновением эффекта благосостояния.

Либерализация торговли предполагает как минимум снижение тарифных мер и отмену нетарифных ограничений, которые следует рассматривать как часть торговых барьеров, на которые зачастую мало влияют действия регуляторов. В данном исследовании торговые эффекты для России, КНР и стран ТТП оцениваются в зависимости от снижения только тарифных мер и ряда нетарифных ограничений, которые суммарно определяются как *полная импортная пошлина*.

Тарифные меры в торговле состоят из адвалорных пошлин, а также адвалорных эквивалентов неадвалорных пошлин, отраженных в таможенных тарифах. Нетарифные ограничения, не отраженные в таможенном тарифе, включают меры со стороны таможенных органов, которые представляют собой дополнительную нагрузку на импортера. Для оценки эффектов торговли основой информационной базы выступает статистика торговли ООН по товарным группам гармонизированной системы (HS 2012) [8], тарифных мер и нетарифных ограничений – ВТО [15].

Для определения полной импортной пошлины на начальном этапе были произведены уточнение размера импортных пошлин в таможенных тарифах, а также расчет адвалорных эквивалентов неадвалорных пошлин [16] по товарным группам. Далее были получены адвалорные эквиваленты нетарифных ограничений, к которым отнесены запреты, связанные с режимом контрсанкций, процедуры антидемпинга применительно к рассматриваемым странам, квотирование поставок тех или иных товаров.

Перевод нетарифных ограничений в адвалорный эквивалент был осуществлен с использованием имеющихся процедур оценки, основывающихся на эмпирических доказательствах, исходя из следующей процедуры взвешивания: антидемпинг – 0,25; квотирование – 0,6; запрет – 2,0 [17].

В большинстве случаев запрет на импорт какой-либо продукции означает прекращение ее поставки на рынок какой-либо страны, соответственно, запрещенная к поставке продукция не отражается в статистике торговли. Поскольку в качестве базового года для расчетов был принят 2014 г., то наличие статистики импорта по первому полугодю данного года на некоторые ограниченные к ввозу товары позволяет оценить последствия от их запрета. Либерализацию торговли между Россией, КНР и странами ТПП возможно рассматривать как первоначальный вариант функционирования ЗСТ, предполагающий торговлю товарами без импортных тарифов и количественных ограничений, за исключением строго определенных случаев, когда они могут вводиться.

Расчет средневзвешенной полной импортной пошлины России показал общую тенденцию к либерализации торговли с китайской экономикой и рост нетарифных ограничений на поставку продукции из стран ТПП. Это выглядит довольно логичным, поскольку высокие значения тарифных мер и нетарифных ограничений России касаются сельскохозяйственной продукции и продукции автомобилестроения, доля которых в импорте из стран ТПП больше, чем из Китая. Импорт из КНР и прочих стран мира облагается меньшей полной импортной пошлиной, чем из стран ТПП (табл. 4).

Таблица 4. Средневзвешенная полная импортная пошлина России в 2007–2014 гг., %

Торговый партнер России	Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Все страны мира	Тарифные меры	12,53	12,43	12,55	11,97	11,38	10,99	10,89	10,14
	Нетарифные ограничения	1,38	1,38	1,39	1,39	1,38	1,37	1,36	7,05
КНР	Тарифные меры	9,88	9,80	9,81	9,20	8,66	9,17	9,19	7,40
	Нетарифные ограничения	0,00	0,05	0,07	0,09	0,18	0,65	0,87	0,81
ТПП ₁	Тарифные меры	12,91	12,93	13,03	12,77	11,94	11,48	11,43	12,58
	Нетарифные ограничения	0,96	1,29	1,27	1,24	1,29	1,29	1,31	10,57
ТПП ₂	Тарифные меры	12,94	12,91	13,03	12,68	11,85	11,42	11,38	11,45
	Нетарифные ограничения	0,71	0,96	0,94	0,91	0,95	0,95	0,97	7,56

Примечание к табл. 4–8: средневзвешенная полная импортная пошлина представляет собой сумму средневзвешенных тарифных мер и нетарифных ограничений. ТПП₁ – в первоначальном, ТПП₂ – в расширенном форматах.

Источник табл. 4–8: расчеты автора.

Страны ТТП, в отличие от Китая, практически не облагают пошлинами импорт минеральных продуктов, являющихся основной поставок России на рынок данного объединения. Нагрузка со стороны тарифных мер Китая и стран ТТП на российскую продукцию выше, чем в среднем со всеми странами мира (табл. 5).

Таблица 5. Средневзвешенная полная импортная пошлина КНР и стран ТТП в 2007–2014 гг., %

Страна/ группа стран	Тор- говый партнер	Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
КНР	Все страны мира	Тарифные меры	10,04	9,80	9,54	9,47	9,35	8,98	8,60	7,90
		Нетарифные ограничения	0,84	0,84	0,84	0,84	0,84	0,85	0,85	0,85
	Россия	Тарифные меры	7,48	7,54	7,47	7,56	7,96	7,02	5,96	7,94
		Нетарифные ограничения	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,14	0,16	0,29
ТПП ₁	Все страны мира	Тарифные меры	4,34	4,30	4,22	4,42	4,90	4,83	4,73	2,74
		Нетарифные ограничения	2,07	2,05	2,01	2,11	2,33	2,30	2,25	1,30
	Россия	Тарифные меры	2,30	2,01	2,01	1,95	2,45	3,11	3,26	2,81
		Нетарифные ограничения	1,09	0,96	0,96	0,93	1,22	1,56	1,40	1,27
ТПП ₂	Все страны мира	Тарифные меры	5,01	4,98	4,99	5,22	5,49	5,44	5,37	3,36
		Нетарифные ограничения	1,75	1,60	1,59	1,55	1,42	1,31	1,11	1,11
	Россия	Тарифные меры	3,38	2,86	3,11	3,13	3,37	3,88	4,15	4,40
		Нетарифные ограничения	0,84	0,71	0,78	0,78	0,84	0,97	1,04	0,91

Китай и некоторые страны ТТП применяют к определенным российским товарам (недрагоценные металлы и изделия из них, продукция химической и связанных с ней отраслей) нетарифные ограничения (процедуры антидемпинга и квотирования), размер которых в адвалорном эквиваленте, установленном по отношению к российской продукции, от стран ТТП выше, чем со стороны Китая, но по причине более высоких тарифных ставок, полная импортная пошлина КНР на российскую продукцию выше, чем у стран ТТП.

Корпоративные структуры КНР и стран ТТП заинтересованы в массовых поставках своей продукции на российский рынок, при этом наблюдаются многочисленные нетарифные ограничения со стороны данных государств на продукцию российского экспорта. Вероятно, либерализация торговли России с рассматриваемыми странами будет способствовать дальнейшей конкуренции

импортной продукции на российском рынке, а для российских производителей появится возможность диверсифицировать структуру экспорта на рынок стран региона.

Эффекты торговой либерализации России с КНР и странами ТТП

В настоящем исследовании применена модель частичного равновесия [18], которая позволяет оценить последствия снижения полной импортной пошлины на национальную экономику в рамках отдельных товарных рынков.

Применяемая модель имеет следующие допущения: страны принимают цены глобального рынка; эластичность замещения между одинаковыми товарными группами из разных стран в модели является несовершенной; в случае проявления эффекта отклонения увеличение объемов торговли с одной страной приводит к сокращению объемов с третьими странами. Изменение значений эластичностей замещения в рамках диапазона, рекомендованного разработчиками прикладной модели, показало несущественные колебания полученных оценок, что указывает на их устойчивость. Используя рассчитанные значения полной импортной пошлины для каждой товарной группы по шестизначному коду в рамках модели частичного равновесия, были получены следующие оценки: эффекта создания торговли, эффекта отклонения торговли, эффекта благосостояния и определены потери тарифной выручки в случае существенной либерализации торговли России, КНР и стран ТТП. Базовым годом для расчетов является 2014 г.

В соответствии с расчетами, при взаимной либерализации России с КНР и странами ТТП эффект создания торговли превысит эффект отклонения, а также общий торговый эффект (сумма эффекта создания и эффекта отклонения) будет выше потерь тарифной выручки, что указывает на ее возможную результативность (табл. 6).

Для России либерализация торговли со странами ТТП первоначального и расширенного формата характеризуется наибольшими значениями эффекта создания (7,25 млрд долл. и 10,65 млрд) и эффекта отклонения торговли (5,36 млрд и 7,25 млрд долл. соответственно); с КНР – наименьшими значениями эффекта создания торговли (5,17 млрд) и эффекта отклонения торговли (2,21 млрд долл.). В свою очередь для КНР либерализация торговли с Россией способна сгенерировать наибольший эффект создания (2,72 млрд долл.) и минимальный эффект отклонения (0,57 млрд) торговли; наименьший эффект создания торговли (2,84 млрд и 3,03 млрд) и наибольший эф-

факт отклонения (2,19 млрд и 2,32 млрд долл. соответственно) с российской экономикой могут быть сгенерированы для стран ТТП в первоначальном и расширенном форматах.

Таблица 6. **Результаты расчетов для России, КНР и стран ТТП, млрд долл.**

Показатель		КНР	ТПП ₁	ТПП ₂
Эффект создания торговли	Для России	5,17	7,25	10,65
	Для партнера	2,72	2,84	3,03
Эффект отклонения торговли	Для России	2,21	5,36	7,25
	Для партнера	0,57	2,19	2,32
Эффект благосостояния	Для России	0,37	2,82	3,28
	Для партнера	0,21	0,12	0,29
излишек потребителя	Для России	0,25	1,78	2,21
	Для партнера	0,11	0,08	0,12
излишек производителя	Для России	0,12	1,04	1,07
	Для партнера	0,10	0,04	0,17
Потери тарифной выручки	Для России	3,42	8,65	10,04
	Для партнера	0,62	2,04	2,25
Увеличение объемов двусторонней торговли для России, %	Импорт	14,50	33,18	34,84
	Экспорт	8,79	12,51	8,57
Увеличение объемов общей торговли для России, %	Импорт	1,80	2,53	3,71
	Экспорт	0,66	1,01	1,07
Увеличение объемов общей торговли для партнера, %	Импорт	0,18	0,10	0,09
	Экспорт	0,31	0,30	0,34

Расчеты показали, что российская сторона и рассматриваемые торговые партнеры получают эффекты благосостояния (Россия с КНР – 0,37 млрд долл., с ТПП в первоначальном формате – 2,82 млрд; с ТПП в расширенном формате – 3,28 млрд; Китай с Россией – 0,21 млрд, ТПП, в зависимости от формата – от 0,12 до 0,29 млрд долл.). Излишек потребителя и производителя для России выше, чем для КНР и ТПП. Наибольшее значение излишка потребителя и производителя для России может быть сгенерировано импортом из стран ТПП, превышая почти на порядок излишки от китайского импорта.

Максимальное увеличение объемов импорта и экспорта в целом для России будет характерно для торговли со странами ТТП, а не с Китаем. Общий торговый эффект от либерализации импорта для России со странами ТТП может быть выше, чем с Китаем: в 1,7 раза – для первоначального, в 2,4 раза –

для расширенного формата ТТП. Максимальное увеличение объемов импорта и экспорта для России будет характерно для торговли со странами ТТП. Можно предположить, что от Китая следует ожидать большей заинтересованности в наращивании поставок российской продукции на внутренний рынок, чем от стран ТТП.

Потери тарифной выручки для российской стороны будут выше, чем для Китая и стран ТТП. Самые высокие потери тарифной выручки для России вызовет массовый импорт продукции из стран ТТП, особенно в расширенном формате. Эти потери могут быть впоследствии частично компенсированы за счет увеличения сборов экспортной пошлины, от которой российская сторона вряд ли откажется.

Либерализация торговли может вызвать некоторые изменения в товарной структуре российского экспорта, но они не будут кардинальными. В экспорте из России в КНР произойдет незначительное (до 1,0 п. п.) увеличение доли продукции пищевой и химической промышленности, а также драгоценных и недрагоценных металлов. В товарной структуре российского экспорта в страны ТТП обоих форматов можно ожидать увеличения доли продуктов животного и растительного происхождения, древесины и товаров легкой промышленности. Для первоначального формата ТТП можно ожидать роста доли экспорта минеральных продуктов, для расширенного – пластмассы, каучука, резины и изделий из них. В целом, в случае либерализации торговли, будет происходить наращивание в российском экспорте доли пищевых продуктов, при сокращении долей промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью. Возможно, произойдет смещение акцентов российского экспорта с поставок на рынок региона невозобновляемых ресурсов к продукции химической, нефтехимической и пищевой отраслей, а также сельского хозяйства и рыболовства (табл. 7).

В товарной структуре импорта в Россию из КНР возможно значительное (более 1,0 п. п.) сокращение доли машин, оборудования, механизмов и электротехнического оборудования, при незначительном увеличении транспортных средств, недрагоценных металлов, изделий из камня и стекла, пластмасс, изделий из древесины, продукции легкой промышленности, продуктов животного происхождения и т. д. В импорте из стран ТТП пред-

полагается значительное увеличение доли транспортных средств и продуктов животного происхождения; незначительное – недрагоценных металлов и изделий из них, минеральных продуктов, изделий из камня и стекла.

Таблица 7. Изменение товарной структуры торговли России с КНР и ТТП к 2014 г., п. п.

Продукция	Экспорт			Импорт		
	КНР	ТТП ₁	ТТП ₂	КНР	ТТП ₁	ТТП ₂
Живые животные и продукты животного происхождения	0,13	0,29	0,46	0,06	2,11	1,23
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	0,05	0,20	0,23	-0,09	0,14	-0,20
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	0,03	0,01	0,04	-0,04	0,03	-0,18
Минеральные продукты	-0,03	0,58	-0,09	0,01	0,12	0,21
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	0,34	-0,18	-0,08	-0,04	-0,51	-0,51
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	0,13	-0,01	0,01	0,33	-0,29	-0,52
Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них	0,05	0,00	0,00	0,16	0,01	0,05
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	-0,63	0,01	0,02	0,23	-0,01	-0,01
Текстильные материалы и изделия	0,00	0,00	0,01	0,01	-0,49	-0,20
Обувь, головные уборы, зонты	0,00	0,00	0,00	-0,38	-0,14	-0,16
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	0,06	-0,14	-0,09	0,47	0,01	0,02
Недрагоценные металлы и изделия из них	0,07	-0,67	-0,45	0,64	0,49	0,13
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	-0,17	-0,05	-0,03	-2,16	-3,04	-3,32
Транспортные средства	-0,05	-0,01	-0,01	0,67	2,15	4,16
Разнообразные промышленные товары	0,00	-0,03	-0,01	0,09	-0,57	-0,71

Согласно оценкам, импорт из КНР и стран ТТП может увеличиться по широкому спектру товарных групп, как потребительского, так и инвестиционного назначения⁵, при этом из-за снижения высоких тарифных мер и нетарифных ограничений могут существенно увеличиться поставки транспортных средств, преимущественно автомобилей из США и Японии, а также при расширенном формате ТТП – из Республики Корея. Соответственно, при снятии запрета на поставку товаров, на которые Россией был распространен режим контрсанкций, их доля в импорте также может заметно увеличиться. Воздействие на торговлю прочих макроэкономических и конъюнктурных фак-

⁵ Определенная часть импортных товаров является продукцией переработки российского сырья.

торов, согласованные меры по либерализации торговли между Россией, КНР и странами ТПП могут привести к опережающему росту импорта конечной потребительской продукции с высокой добавленной стоимостью.

Либерализация торговли с КНР и странами ТПП может привести к некоторому изменению географической структуры торговли России, главным образом за счет смещения импортных потоков. При обнулении полной импортной пошлины доля КНР в структуре товарооборота России может вырасти на 1,23 п.п.; стран ТПП в первоначальном формате – на 2,04 п. п., в расширенном – на 2,55 п. п. Заметные изменения в географической структуре российского экспорта могут произойти только в случае создания ЗСТ России со странами ТПП в расширенном формате (до 1,00 п. п.). В структуре импорта России могут произойти следующие изменения: доля Китая увеличится на 2,18 п. п.; стран ТПП первоначального формата – на 3,74 п.п., расширенного – на 4,98 п.п. (табл. 8).

Таблица 8. Изменение географической структуры торговли и сальдо торгового баланса России, п.п.

Показатель	КНР	ТПП ₁	ТПП ₂	Остальные страны
<i>Либерализация торговли с КНР</i>				
Товарооборот	1,23	-0,13	-0,19	-1,03*; -0,96**
Экспорт	0,62	-0,04	-0,07	-0,46*; -0,43**
Импорт	2,18	-0,33	-0,46	-1,87*; -1,72**
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	-4,08	0,21	0,33	1,58*; 1,40**
<i>Либерализация торговли с ТПП₁</i>				
Товарооборот	-0,22	2,04	–	-1,54
Экспорт	-0,04	0,96	–	-0,48
Импорт	-0,73	3,74	–	-3,02
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	0,21	-7,57	–	1,37
<i>Либерализация торговли с ТПП₂</i>				
Товарооборот	-0,31	–	2,55	-1,95
Экспорт	-0,05	–	1,00	-0,48
Импорт	-1,06	–	4,98	-3,92
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	0,41	–	-12,55	1,74

Примечание: по отношению к 2014 г. * – остальные страны без России, КНР и стран ТПП в первоначальном формате; ** – страны мира без России, КНР и стран ТПП в расширенном формате.

При либерализации торговли только с КНР положительное сальдо торгового баланса для России сократится

на 4,08 млрд долл.; при этом ожидается дополнительное увеличение положительного сальдо на 1,73–1,79 млрд долл. В случае либерализации торговли только со странами ТТП двух форматов следует ожидать сокращение сальдо торгового баланса на 7,57 и 12,55 млрд долл. соответственно, с другими странами – увеличение на 1,58–2,15 млрд долл. В случае создания ЗСТ только с китайской экономикой доля импорта в Россию из КНР будет увеличиваться главным образом за счет остальных стран, не относящихся к ТТП; со странами ТТП – доля их импорта возрастет за счет остальных стран и Китая. В любом из рассмотренных конкурентных вариантов либерализации торговли Россия сохраняет положительное сальдо торгового баланса.

Заключение

Торгово-экономические отношения между странами АТР и Россией за последние два десятилетия значительно укрепились, на фоне процесса нарастающей конкуренции в регионе между Китаем и группой экономик, объединенных в ТТП, в которой лидируют США. Тенденция роста товарооборота России со странами АТР, вероятно, является устойчивой, способствуя географической диверсификации экономических взаимосвязей отечественной экономики, постепенно снижая роль европейских рынков.

Проведенное исследование подтвердило предположение о наличии положительных торговых эффектов в результате либерализации торговли России с КНР и со странами ТТП: эффекты создания торговли превысят эффекты ее отклонения; общее благосостояние и взаимный товарооборот увеличатся. Эффект благосостояния для российской экономики в наибольшей мере проявится в торговле со странами ТТП.

К издержкам от либерализации торговли для российской стороны можно отнести опережающее увеличение импорта по сравнению с российским экспортом, что приведет к изменению тарифной выручки, потери которой для бюджета России будут выше, чем для КНР и стран ТТП. Самые значительные потери тарифной выручки будут генерированы импортом продукции из стран ТТП.

Исследование последствий изменения торговой либерализации России подтвердило предположение об увеличении объемов

российского экспорта. Оценка показала, что дополнительные объемы экспорта из России в страны ТТП будут больше, чем в КНР. При этом увеличение российского экспорта в страны ТТП произойдет вследствие смещения товаропотоков прочих стран в пользу продукции из России, т. е. за счет эффекта отклонения торговли. В рамках конкретных товарных ниш оценка показала, что Россия имеет возможность развить свой экспортный потенциал в КНР и страны ТТП только за счет продукции химической, нефтехимической и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства и рыболовства.

Импорт из КНР и стран ТТП может увеличиться по широкому спектру товарных групп, причем изменение товарной структуры будет наблюдаться только при отказе от нетарифных ограничений. Общий торговый эффект от сближения России со странами ТТП может быть выше, чем с Китаем. Максимальное увеличение объемов импорта и экспорта для России также будет характерно для торговли со странами ТТП. Причины существенного увеличения импорта товаров из стран ТТП – предпочтение, которое российские потребители отдают данной продукции по сравнению с товарами из прочих стран, ввиду ее более высоких качественных характеристик. Общий положительный торговый эффект от импорта из Китая или из стран ТТП для России может быть дополнен увеличением объемов экспорта, а проявление эффектов благосостояния будет означать увеличение масштабов производства и потребления в национальной экономике.

Либерализация торговли с КНР и странами ТТП может привести к определенному изменению географической структуры торговли России, главным образом за счет смещения импортных потоков. Заметные изменения в географической структуре российского экспорта могут произойти только в случае создания ЗСТ со странами ТТП в расширенном формате. Для получения максимальных значений эффекта благосостояния, излишков потребителей и производителей, эффекта создания торговли, для российской экономики предпочтительнее либерализация торговли со странами ТТП. Но для целей пропорционального наращивания объемов экспорта и импорта для России выгоднее торговая интеграция с КНР, на которую не распространен режим контрсанкций. Кроме того, как показывают оценки, от Китая следует ожидать большей заинтересованности в наращивании поставок

российской продукции на свой внутренний рынок, чем от стран ТТП. При этом необходимо осознавать, что на территории КНР размещаются предприятия корпоративного сектора из развитых стран ТТП, которые при снижении ограничений могут нарастить поставки своей продукции в Россию, оставив ее в положении потребителя конечной продукции.

Существующие тенденции экономического сближения России и Китая, особенно в условиях текущего режима санкций со стороны западных стран, позволяют предположить, что в перспективе более вероятна интеграция российской экономики с сохраняющей высокие темпы роста китайской. В этом случае, помимо увеличения двустороннего товарооборота и, в последующем, импорта капитала из Китая, российская экономика рискует сохранить инерционную структуру торговых взаимодействий, более масштабно реагируя на негативные эффекты от монополии, связанной с привязкой к китайскому рынку, а также от последующего замедления китайской экономики. В расчете на тесное технологическое сотрудничество с КНР для России существует риск закрепления технологической отсталости ввиду того, что рынок интеллектуальной собственности Китая находится в первичном становлении, а китайская сторона, как правило, предпочитает выдавать связанные кредиты под поставку готовой продукции.

Сближение российской экономики со странами ТТП, с одной стороны, будет рассматриваться как политический выбор, подразумевающий отказ от части суверенитета, с другой – способно выступить в качестве мощного экзогенного фактора трансформации российской экономики в соответствии со стандартами развитых стран. Ввиду того, что в ТТП входит двенадцать экономик, отрицательный эффект от привязки к одному рынку не будет настолько выраженным, как с КНР. Россия на первоначальном этапе может столкнуться с издержками, связанными с сокращением выпуска импортозамещающих производств, доходов бюджета и увеличением импорта. Долгосрочные последствия для российской экономики будут складываться в зависимости от того, какое место она сможет занять в экономических взаимосвязях со странами ТТП.

Оценка показала, что для кардинальной диверсификации структуры торговли снижения только тарифных мер и некоторых

нетарифных ограничений явно недостаточно. Вероятно, необходимы дальнейшие шаги для сокращения институциональных и инфраструктурных барьеров, которые могут быть связаны с созданием общего технического регламента и правил происхождения товаров, с включением в глобальные и региональные производственные связи отечественного бизнеса, созданием совместной транспортной инфраструктуры, способствующей интенсификации двусторонних взаимодействий, интеграцией на рынках труда и капитала. Поскольку в данном исследовании оценка воздействия нетарифных ограничений не является исчерпывающей, для определения эффектов от снятия различного рода институциональных барьеров для российской экономики требуется более детальная оценка.

Если смотреть на проблему выбора оптимального варианта сближения России со странами АТР более широко, то необходимо подчеркнуть, что либерализация торговли не является универсальным способом решения структурных и прочих проблем национальной экономики; это – всего лишь один из способов создания условий для возникновения более рациональной структуры национальной экономики в рамках наблюдающихся процессов глобализации и регионализации. Либерализация торговли со странами региона может способствовать развитию российской экономики. Наличие у российской экономики потенциала для наращивания производства различной продукции, а также крупномасштабного рынка, может быть использовано для целей более результативного встраивания в интеграционные процессы в АТР и в мире.

Литература

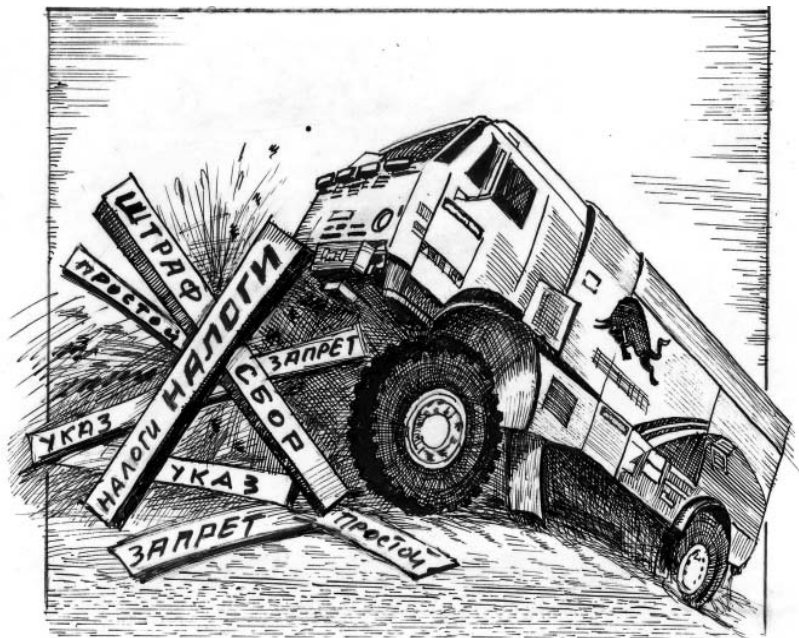
1. *Афонцев С. А.* Политические рынки и экономическая политика. – М.: Комкнига, 2010. – 384 с.
2. *Williams B. R.* The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications // Congressional Research Service. – 2016. – 3 Febr. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf>
3. *Itakura K., Lee H.* Welfare Changes and Sectoral Adjustments of Asia-Pacific Countries under Alternative Sequencings of Free Trade Agreements. – 2012. – 1 March. URL: https://faculty.washington.edu/karyiu/confer/sea12/papers/Lee_h.pdf
4. США приглашают Россию и Китай присоединиться к ТТП. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/11/02/n_7841087.shtml

5. *Cheong D.* Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2010. – Vol. 52. URL: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP52_Ex_Ante_Economic_Evaluation.pdf
6. *Viner J.* The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. – 256 p.
7. World Economic Outlook Database. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx>
8. UN Comtrade. International trade statistics database. URL: <http://comtrade.un.org/>
9. *Williams B. R.* Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis // CRS Report for Congress. – 2013. – 10 June. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf>
10. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 2016. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/EconomicandSocialSurveyofAsiaandthePacific02016_0.pdf
11. *Thorbecke W.* Enjoying the Fruits of their Labor: Redirecting exports to Asian consumers // RIETI Discussion Paper Series 15-E-016. – 2015. – Febr. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf>
12. *Whalley J., Xin X.* China's FDI and Non-FDI Economies and the Sustainability of Future High Chinese Growth // China Economic Review. – 2010. – Vol. 21. – P. 123–135.
13. CIS Trade Outlook. Gravitating eastwards. HSBC Global Research, CEEMEA Economics. – 2013. – 8 July. URL: <http://www.about.hsbc.ru/~media/russia/en/news-and-media/trade-outlook-eng.pdf?la=en-gb>.
14. Harmonized System Codes (HS Code). URL: <https://www.foreign-trade.com/reference/hscode.htm>
15. I-TIP Goods: Integrated Analysis and Retrieval of Notified Non-Tariff Measures. URL: <http://i-tip.wto.org/goods/default.aspx?language=en>
16. *Stawowy W.* Calculation of Ad Valorem Equivalents of Non-Ad Valorem Tariffs – Methodology Notes. – UNCTAD, 2001. – 11 Oct. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/docs/AVEmeth.doc>.
17. *Allen M.* Review of the IMF's Trade Restrictiveness Index (Background Paper to the Review of Fund Work on Trade). Prepared by the Policy Development and Review Department. – 2005. – 14 Febr. – 20 p. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2005/021405r.pdf>
18. *Amjadi A., Schuler P., Kuwahara H., Quadros S.* World Integrated Trade Solution // User's Manual. – 2011. – 230 p. URL: http://wits.worldbank.org/data/public/WITS_User_Manual.pdf

Автомобильные перевозки России: ухабы на дороге во внешний мир

Х.А. ФАХИЕВ, доктор технических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уфимский государственный авиационный технический университет. E-mail: faskhiev@mail.ru

Проведен анализ состояния международных автомобильных перевозок России. Основной проблемой для российских перевозчиков на данном рынке остается их низкая конкурентоспособность, обусловленная неблагоприятными условиями хозяйствования. Отмечено, что рост объема международных перевозок будет зависеть от того, насколько успешно российские предприятия используют шанс девальвации рубля для наращивания экспорта своей продукции. *Ключевые слова:* международные автомобильные перевозки, подвижной состав, груз, перевозчик, транспортная услуга, конкуренция

Несмотря на то, что в доставке международных грузов основными игроками являются морской (доля в общем объеме перевозок – 62%) и железнодорожный транспорт (16%), в континентальных перевозках особая роль отводится автомобильному транспорту (8%). Кроме того, практически ни одна смешанная перевозка не обходится без использования автотранспорта. Он незаменим при перевозке мелкопартионных малотоннажных и тарно-штучных грузов, в том числе в международном сообщении, а также при необходимости срочной доставки. Гибкость автотранспорта в отношении выбора альтернативного маршрута перевозки дает ему дополнительные конкурентные преимущества.

Международные грузоперевозки в России

Автомобильный транспорт в России обеспечивает четверть объема перевозок внешнеторговых грузов, а в импорте из стран ЕС – более 60%. В общем объеме экспорта транспортных услуг доля автотранспорта составила в 2013 г. 11% (после водного – 19%, железнодорожного – 29% и воздушного – 41%). По стоимости перевозимых внешнеторговых грузов доля автотранспорта составляет 30%. Россия заключила с 45 странами двусторонние соглашения по международным автомобильным перевозкам.

Международные автомобильные перевозки вносят ежегодно в бюджет страны около 8 млрд руб., хотя, по мнению экспертов, их объем мог бы превысить 7 млрд долл. Глубокая интеграция автотранспорта в международные логистические цепочки поставок существенно повышает его привлекательность для субъектов малого и среднего бизнеса, которые заинтересованы в мелкопартионных отправках продукции на внешние рынки.

На этом рынке активно функционируют более 7,5 тыс. российских автотранспортных предприятий с 200 тыс. работников и общим парком подвижного состава свыше 53 тыс. грузовых автомобилей. Более 65% перевозчиков являются членами Ассоциации международных автомобильных перевозчиков (АСМАП), на них приходится около 85% объема российских автомобильных сообщений. Большая часть из них – это предприятия малого и среднего бизнеса, 50% из которых имеют в парке не более десяти автомобилей. Опросы ВЦИОМ показывают,

что число работников у 84% участников Ассоциации – менее 50 чел., лишь у 2% – более 500 чел. [1]. Компании, осуществляющие международные автоперевозки, в основном сосредоточены в Северо-Западном (52% от общего числа), Центральном (26%) и Приволжском (10%) федеральных округах; 36% из них на этом рынке уже более 10 лет, 26% – 6–10 лет и 25% – 3–5 лет.

Относительное постоянство участников международных автоперевозок обусловлено сложностью организации и управления в этой сфере, высокими требованиями к участникам рынка, особым порядком допуска перевозчиков в соответствии с «Таможенной конвенцией о международной перевозке с применением книжки МДП». В настоящее время эти перевозки регламентируются и регулируются более чем 20 международными конвенциями, более 40 правительственных и неправительственных организаций занимаются вопросами управления, урегулирования различных аспектов работы автотранспорта.

Для российских перевозчиков всегда было проблемой приобретение подвижного состава, соответствующего жестким требованиям стран ЕС по экологичности и безопасности. Российский автопром не поспевает за международными требованиями к автотранспортным средствам, и российские перевозчики вынуждены покупать импортные тягачи мировых автомобильных концернов, что сразу ставит их в неравное положение с зарубежными конкурентами по причине удорожания подвижного состава. Доля транспортных средств, соответствующих по вредным выбросам в составе отработавших газов нормам «Евро-4» и «Евро-5», в парке отечественных перевозчиков – меньше 50%. Требования «Евро-5» в странах ЕС действуют уже с 2012 г., тогда как в России они все еще не внедрены. У 52% опрошенных участников международных автоперевозок в парке не было автомобилей, соответствующих требованиям «Евро-5».

Объем автомобильных перевозок в международном сообщении России с начала экономических реформ интенсивно рос вплоть до 2008 г. В последние три года в связи с кризисными явлениями в экономике и обострением политических отношений России со странами ЕС наблюдается устойчивая тенденция снижения объемов перевозок: в 2015 г. – до 29,6 млн т (уровень 2004 г.) [2].

По данным Федеральной таможенной службы, в 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. сократился экспорт целого ряда важнейших товаров. Так, поставки черных металлов на внешние рынки упали на 8,8%, целлюлозы – на 9,5%, железной руды и концентратов – на 3,7%. Экспорт сырой нефти сократился на 2,5%, удобрений – на 6%. Выросшие объемы экспорта угля и нефтепродуктов [2] не отразились на грузоперевозках, так как эти грузы не перевозятся автотранспортом.

Для российского автотранспорта наиболее привлекательны рынки стран ЕС. Доля автотранспорта в импорте продовольствия из ЕС превышает 54% (4 млн т в 2013 г.). Девальвация рубля, экономические санкции против России, «антисанкции» (запрет на ввоз в РФ продовольствия из ЕС, США и ряда других стран) в 2014–2015 гг. привели к существенному падению объемов внешней торговли (особенно импорта) из стран Евросоюза, сокращению рынка автомобильного транспорта. Импорт из стран дальнего зарубежья в 2014 г. снизился на 4,9%, а внешнеторговый оборот со странами СНГ – почти на 40%.

Больше всего это коснулось северо-западного сегмента рынка, ориентированного на международные перевозки. Например, поток контейнерных грузов из портов Финляндии, по данным Росстата, сократился на 40%. Как следствие, объем международных автомобильных перевозок в 2014 г. упал на 8%, в том числе по импорту – на 12,5%. Высокая инфляция и повыше- ние стоимости кредитов подстегнули рост эксплуатационных расходов. К тому же клиенты из-за ухудшения своего финансового состояния массово стали требовать отсрочек по оплате перевозок. Все это резко ухудшило финансовое положение отечественных автотранспортных компаний, рентабельность которых снизилась до 5%. Ряд мелких фирм ушли с рынка, часть переключилась на внутренние перевозки. Почти на 5% сократился парк международных автоперевозчиков.

Несмотря на то, что экспорт России в 2015 г. упал на 34,5%, российским транспортникам удалось увеличить объемы перевозок экспортных грузов на 16%, было приобретено около 2 тыс. новых тягачей. Российские перевозчики достигли прироста объемов перевозок в Австрию, Турцию, Латвию, Эстонию, Венгрию и Словакию, в полтора раза увеличился экспорт в Италию [3].

Автомобильный транспорт как барометр – чувствителен к любым изменениям экономики и внутри страны, и за ее пределами. Так, после снижения внешнеторгового оборота России за январь-февраль 2016 г. на 29,5% у российских автоперевозчиков остались не востребованными 6639 разрешений на въезд по выделенным на тот период квотам.

Объемы международных перевозок автомобильным транспортом зависят, прежде всего, от активности российских предприятий во внешнеторговом обороте. Автотранспортом из России экспортируют в основном сырье и полуфабрикаты (деловая древесина, пиломатериалы, продукция целлюлозно-бумажной, пищевой, легкой, химической промышленности, металлопрокат и металлоконструкции и т. д.). Так, в 2013 г. в экспортных автоперевозках в стоимостном выражении наибольшая доля приходилась на металлоизделия и драгоценные камни (40%), продукцию химической промышленности – 22% (рис. 1). Причем экспортные грузы в общем объеме сокращаются, и их доля не превышает 30% (в 2012 г. – 28%, в 2000 г. – 39,7%), что приводит к неэффективному использованию подвижного состава.

В 2013 г., например, российские перевозчики выполнили 1,4 млн рейсов, из них 850 тыс. рейсов производились с загрузкой, т. е. коэффициент использования пробега в целом составил 61% (загрузка одного автопоезда в среднем – 15,7 т) [4]. Недостаточные объемы экспортных грузов – одна из основных проблем российских перевозчиков. Например, в Калининградской области экспортные грузы составляют в перевозках всего 9%, и наблюдается снижение их объемов ежегодно на одну треть.

Структура экспортных грузов России в торговле со странами ЕС несущественно отличается от общей структуры.

Что касается импортных товаров, то здесь на первом месте машины и оборудование – 53%, на втором – продукция химической промышленности – 16% [3]. Доля импортных товаров в общем объеме перевозок автотранспортом превышает 70%, что дает конкурентное преимущество иностранным перевозчикам в оказании транспортных услуг.

Российскими автоперевозчиками совершаются регулярные рейсы более чем в 40 стран. Преобладающую часть российского рынка международных автоперевозок формируют перевозки с четырьмя группами стран (рис. 1).

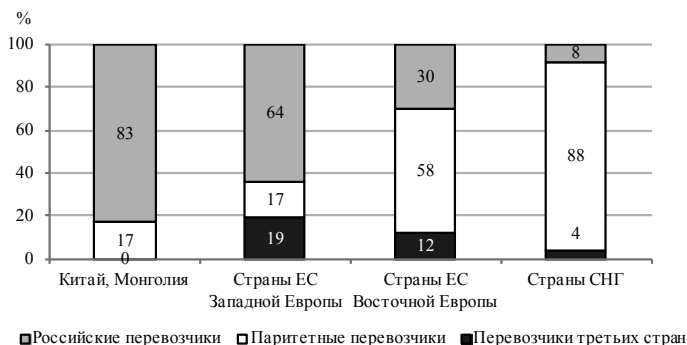

Рис. 1. Распределение российского рынка международных автомобильных перевозок в 2013 г. по основным группам стран, %

Рассмотрим эти направления подробнее.

Китай и Монголия. В этой группе российские перевозчики занимают доминирующую долю.

Страны Западной Европы, входящие в ЕС. Перевозки с государствами из этой группы до последнего времени являлись наиболее привлекательными для российского транспорта. После многолетних усилий отечественные перевозчики смогли добиться здесь лидирующих позиций (64% в 2013 г.).

В странах *Восточной Европы,* присоединившихся к ЕС после 2004 г., преобладают перевозчики этих стран (58% в 2013 г.). При этом польские, литовские, латвийские и эстонские перевозчики являются основными конкурентами российских.

Страны СНГ. Здесь российская доля не превышает 30%, почти все объемы выполняются коллегами из союзных государств. Но потенциал российских перевозчиков постепенно наращивается: с 2007 г. объемы перевозок возросли более чем вдвое [4].

Кроме этих групп, благодаря усилиям перевозчиков Республики Дагестан, удалось достигнуть 77%-й доли на иранском рынке. За прошедшие годы увеличилась до 18% доля российских перевозчиков и на турецком рынке. Весьма перспективным могло бы стать направление Западный Китай – Россия – Западная Европа. Однако запрет китайской стороны на въезд на территорию КНР со стороны Казахстана сдерживает рост объемов перевозок в данном направлении.

Большим резервом для отечественных перевозчиков является недоиспользованный экспортный потенциал России. Пока доля наших компаний в экспортных отправлениях очень низка, что связано с сырьевой направленностью экспорта: доля минеральных ресурсов в нем превышает 70%, а эти грузы автомобильным транспортом перевозятся в небольших объемах.

Основными направлениями российских международных автоперевозок в течение последнего десятилетия являются Финляндия, Польша, Литва, Украина, Германия, Латвия, Китай, Италия и Нидерланды (рис. 2). Лидерство Финляндии в перевозках связано с тем, что грузовой поток (продукты питания, мебель, автомобили, бытовая техника) из Европы и Азии в Россию поступает через финские порты. Наблюдается тенденция доставки грузов из стран Западной Европы с использованием терминальных комплексов Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. Так, в 2012 г. 46% грузов из вышеназванных стран поступили в Россию после переоформления и хранения их в терминальных комплексах этих стран [5]. По этой причине удельный вес перевозчиков Польши и стран Прибалтики на рынке международных автоперевозок России стабильно растет в течение последнего десятилетия, за счет использования типовых двусторонних разрешений сокращаются паритетные перевозки между грузообразующими странами.

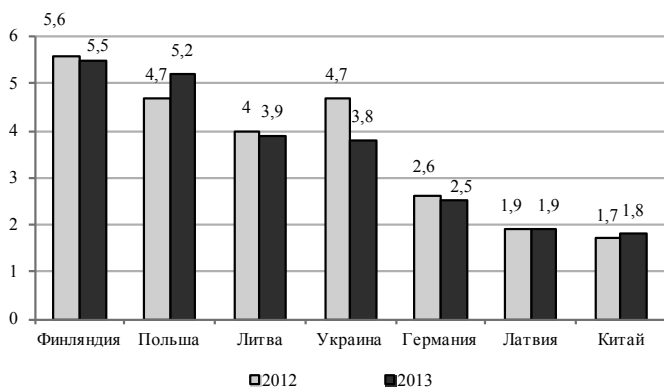

Рис. 2. Распределение рынка международных автомобильных перевозок грузов России по основным направлениям в 2012–2013 гг., млн т

Из-за принятых странами ЕС санкций в 2014–2015 гг. наблюдается снижение внешнеторгового оборота России с Германией, Финляндией, Нидерландами, Бельгией, Швецией. Произошло сокращение объемов в торговле со странами СНГ и Таможенного союза. В результате перевозки импортных грузов в целом в 2015 г. упали на 6%. Российским транспортным компаниям удалось существенно увеличить объемы перевозок в сообщении с Ираном, Нидерландами (с 0,2 до 1,5 млн т), Финляндией (с 2,35 до 2,52 млн т), Польшей (с 0,88 до 1,15 млн т), Литвой (с 0,32 до 0,4 млн т), Латвией (с 0,19 до 0,25 млн т), Францией и Болгарией. Наблюдается снижение внешнеторгового оборота России с Германией и Австрией. Значительно упали объемы перевозок в Бельгию и Венгрию (на 57% и 81% соответственно).

Проблемы развития

На сегодняшний день количество предложений перевозчиков на выполнение транспортных услуг явно превышает спрос на них, идет жесткая конкуренция российских перевозчиков с конкурентами из третьих стран. В середине 1990-х годов по причине нехватки подвижного состава, недостаточного внимания государства к регулированию в данной сфере российские перевозчики практически отдали этот сегмент на откуп иностранцам, доля которых в 1997 г. дошла до 73%. К 2010 г. неимоверными усилиями, прежде всего, со стороны АСМАП, удалось поднять долю российских перевозчиков до 40%, но им вполне по силам обеспечить 50% объема перевозок в/из России.

Сегодня в среднем 12–13% российского рынка международных автоперевозок приходится на перевозчиков из третьих стран (Беларусь, Украина, Литва, Латвия, Польша, Эстония), в которых благодаря созданным правительствами этих стран благоприятным инвестиционным условиям сформирован значительный парк современного подвижного состава. Использование современной техники обеспечивает высокую оборачиваемость подвижного состава, существенную экономию топлива. В результате наши основные конкуренты зарабатывают около 10–12 тыс. евро в месяц (российские – 7–8 тыс.), годовой пробег транспортного средства европейской компании составляет в среднем 140 тыс. км (у российских – не превышает 100 тыс. км).

По ряду причин российские перевозчики ущемлены по сравнению со своими зарубежными конкурентами. Так, перевозчик из Польши имеет возможность выполнять рейс из Европы в Россию на 400–600 евро дешевле, чем российский. Возможность снижения тарифов достигается за счет низкого процента по лизингу, кредиту, меньшей цены подвижного состава, быстрого возврата НДС и поддержки бизнеса со стороны государства. Даже партнеры по Таможенному союзу находятся в гораздо лучшем положении, чем российские. Например, в Казахстане с владельца грузовика транспортный налог не взимается вовсе, в Беларуси его размер в пересчете на российские рубли – 3,2 тыс. (в России – 34 тыс. руб. на тягач мощностью 400 л. с.).

Тяжелым бременем на плечи перевозчиков легло введение утилизационного сбора на новые транспортные средства полной массой свыше 20 т – 425 тыс. руб., а на автомобили старше трех лет – 1,77 млн руб. В то время как в Республике Беларусь с 2012 г. действует указ президента, который предоставляет коммерческим организациям значительные налоговые льготы на семь лет с момента регистрации, а некоммерческие освобождаются от ввозных таможенных пошлин. В России же таможенный платеж за грузовики – 5% и НДС – 18%. Кроме того, в России запрещен ввоз автомобилей экологического класса ниже «Евро-3», хотя наш парк класса «Евро-0» беспрепятственно эксплуатируется во внутренних перевозках.

С формированием Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, с созданием Единого экономического пространства существенно изменились условия работы российских международных перевозчиков. В первую очередь это связано со снятием контроля, проводимого на внутренних границах между тремя странами, и переносом этого контроля на внешнюю границу. Устранению административных барьеров и простоев на российско-белорусской границе сопутствовало существенное увеличение числа нарушений иностранными перевозчиками требований российской разрешительной системы.

В 2011–2012 гг. Ространснадзор совместно с перевозчиками организовал проверки на трассах, которые показали, что каждое четвертое иностранное транспортное средство въезжает в РФ без российского разрешения, хотя ни в одной стране Европы

такое невозможно. Под видом двусторонних иностранные перевозчики везут грузы из третьих стран. В Польше, странах Балтии, на Украине организованы пункты, где происходит замена товаросопроводительных документов, в результате чего российские перевозчики теряют конкурентоспособность по сравнению с иностранными компаниями. Только за 2012 г., по экспертной оценке, упущенная выгода российских международных перевозчиков составила 120 млн евро.

В целях защиты интересов российских перевозчиков по инициативе АСМАП в ноябре 2014 г. был принят федеральный закон № 362, направленный на ужесточение порядка применения разрешительных и товаросопроводительных документов при перевозке грузов из третьих стран, а также на создание условий для усиления контроля за соблюдением иностранными перевозчиками разрешительной системы. Закон, который увеличивал размеры штрафов, налагаемых на иностранных водителей, оказался весьма эффективным средством наведения порядка на российском рынке международных автоперевозок. Его введение вызвало недовольство со стороны иностранных перевозчиков: Польша в начале 2016 г. даже отказала в обмене с Россией разрешениями на въезд. Министерству транспорта России в ходе переговоров проблему удалось решить – в конце марта принято решение по обмену 170 тыс. разрешениями с Польшей на 2016 г.

Ситуация в феврале 2016 г. обострилась с остановкой радикальными силами российских транспортных средств на территории Украины. Россия была вынуждена принять ответное решение, что дало положительный результат – международные автоперевозки между Россией и Украиной были восстановлены.

На финансовое состояние перевозчиков негативно повлияло введение с 15 ноября 2015 г. в России системы «Платон» – платы за проезд автомобилей с полной массой более 12 т по федеральным трассам в размере 1,53 руб./км, вызвавшее недовольство среди транспортных компаний. Для облегчения ситуации в апреле 2016 г. Правительство приняло постановление, согласно которому перевозчики, зарегистрированные в системе «Платон», освобождаются от уплаты транспортного налога (25–45 тыс. руб. на тягач). Правда, при этом сумма, уплаченная в течение года

за проезд по системе «Платон», должна превышать величину подлежащего к уплате транспортного налога. Постановление предусматривает повышение платы за проезд по российским дорогам для иностранных перевозчиков с 385 до 850 руб. в сутки, с 60 до 120 тыс. руб. в год. Практически во всех европейских странах предусмотрена оплата проезда для иностранцев. Тариф при этом колеблется в пределах от 11 до 22 евроцентов за километр, т. е. не менее 8 руб. Как видим, по сравнению со странами Европы плата за проезд по федеральным трассам в России умеренная. Собранные системой «Платон» средства будут направлены в Дорожный фонд, а значит, на реализацию проектов развития дорожной сети страны.

Опрос 600 участников международных перевозок, проведенный в 2012 г. ВЦИОМ, показал, что 34% из них оценили ситуацию в этой сфере как очень плохую, 28% – скорее плохую, а 31% считают, что ее сложно однозначно оценить, есть положительные и отрицательные моменты. И только 7% считают положение скорее хорошим, а очень хорошим его не назвал никто. Заметим, что в 2012 г. был относительно благополучным для отрасли, сейчас ситуация изменилась в худшую сторону [3].

Серьезным испытанием для российских автоперевозчиков в 2013 г. стало решение Федеральной таможенной службы о прекращении оформления перевозки автомобильных грузов по книжкам международного договора по перевозкам (МДП). Система МДП работает на основе Таможенной конвенции ООН о международной перевозке грузов от 1975 г. Книжки МДП гарантируют уплату таможенных платежей и позволяют проходить пограничные процедуры в упрощенном режиме. В России книжки перевозчикам продает АСМАП. Федеральная таможенная служба (ФТС) России в сентябре 2013 г. ограничила действие книжек МДП и хотела расторгнуть соответствующее соглашение с АСМАП, потребовав с перевозчиков дополнительных гарантий для грузов, перевозимых под прикрытием книжки МДП. В качестве причины данного решения была названа большая задолженность по уплате таможенных платежей за нарушение таможенного законодательства перевозчиками-членами АСМАП (20,8 млрд руб.). С декабря 2013 г. ФТС применила в отношении перевозчиков, использующих МДП,

ограничительные меры: без требования дополнительных гарантий их стали принимать лишь в восьми из 107 международных пунктов пропуска.

Осложнение таможенных процедур в России негативно отразилось на деятельности не только российских, но и иностранных перевозчиков. В феврале 2015 г. Президент РФ издал перечень поручений по обеспечению беспрепятственного действия международной конвенции МДП на территории России, позднее Евразийский межправительственный совет принял распоряжение с тем же самым смыслом: книжка МДП должна работать на территории всего ЕАЭС. К сожалению, обе рекомендации не были полностью приняты: ФТС в июне 2015 г. определила 34 пункта пропуска через российскую границу, где у перевозчиков в качестве обеспечения таможенного транзита могут вновь приниматься книжки МДП, т. е. книжка МДП по-прежнему не является достаточным основанием для осуществления транзитной перевозки через все автомобильные пограничные переходы России.

Приведем факторы, снижающие конкурентные позиции отечественных международных автоперевозчиков:

- длительные простои при прохождении российской границы;
- высокий уровень кредитных и лизинговых ставок;
- значительные налоговые платежи;
- недобросовестная конкуренция со стороны определенной части иностранных перевозчиков;
- сложность получения и нехватка разрешений по отдельным направлениям перевозки;
- отмена льгот на импорт транспортных средств;
- введение с 2012 г. утилизационного сбора на подвижной состав;
- чрезмерные административные меры со стороны ФТС;
- непрерывный рост стоимости топлива;
- введение дорожных сборов с транспортных средств, имеющих разрешенную массу свыше 12 т;
- перегруженность федеральных трасс и побои на дороге;
- несоответствие дорожных условий международных автомагистралей РФ параметрам современных транспортно-технологических систем;
- недостаточное развитие российского рынка экспедиторских и логистических услуг.

По данным ВЦИОМ, в сфере международных автоперевозок основными проблемами являются длительные простои при пересечении государственной границы РФ (77% участников опроса) и при таможенном оформлении грузов (64%) высокие налоговые платежи (71%) и ставки лизинговых платежей (57%), а также недобросовестная конкуренция среди иностранных (55%) и российских перевозчиков (46%) [1].

Создание Таможенного союза привело к сокращению количества пограничных переходов, что способствовало снижению общего времени прохождения таможенных процедур за рейс. Но на таможенные операции иногда уходит до 72 часов. По инициативе международных автомобильных перевозчиков для ускорения процедур таможенного контроля ФТС России введено электронное декларирование и информирование, которое с 2012 г. стало обязательным на автомобильном транспорте. Кроме перевозчиков, передавать предварительную информацию могут таможенные представители, экспедиторы, грузовладельцы.

Одна из причин задержки транспорта на границе – избыточное количество документов, требуемых таможенными органами. Согласно принятой дорожной карте таможенного администрирования к 2018 г. количество необходимых для таможенного контроля документов должно быть сокращено с десяти до четырех, а временные затраты должны быть ограничены двумя часами.

К внешним факторам, негативно влияющим на конкурентоспособность российских перевозчиков, можно отнести высокую налоговую нагрузку и невыгодные условия приобретения подвижного состава. В европейских странах кредитные ставки в три-четыре раза ниже, чем в России, следовательно, стоимость импортного подвижного состава в России намного выше. Средний срок физической службы автопоезда на международных перевозках – пять лет, после чего машина либо морально устаревает, либо физически изнашивается. Повышение ставок по кредитам и лизингу до 20–30%, введение утилизационного сбора (12–15 тыс. евро плюс к цене автомобиля), сводят до минимума возможность обновления подвижного состава. На данный момент 5%-я рентабельность при международных

перевозках считается неплохим результатом. При средней ставке в 65 тыс. руб. типичного рейса Котка – Москва прибыль, которую можно отложить на покупку подвижного состава, составляет около 3 тыс. руб. Для покупки одного тягача стоимостью в 6–8 млн руб. нужно выполнить 2 тыс. таких рейсов. Получается, для покупки одного автомобиля необходимо работать 50 лет!

Однако для обозначенной проблемы виден свет в конце туннеля. В октябре 2013 г. ПАО «КАМАЗ» начал серийно выпускать седельный тягач «КАМАЗ-5490», который спроектирован по европейским стандартам. В тягаче использованы агрегаты и технологии одного из мировых лидеров грузового автостроения – Daimler Trucks. В новом «КАМАЗе» установлен проверенный временем двигатель OM457 LA от тягача Mercedes Ахог с мощностью 428 л. с. «КАМАЗ-5490», соответствующий требованиям «Евро-5», может смело выезжать за границу. Заявленный ресурс на двигатель составляет более 1 млн км, а межсервисный интервал – от 80000 км. Расход топлива – 29–34 л/100 км, что вполне приемлемо. Правда, большое количество импортных комплектующих в конструкции оборачивается большими эксплуатационными затратами у потребителя, но по многим технико-эксплуатационным показателям, оснащенности тягач мало в чем уступает зарубежным аналогам, а по приспособленности к российским условиям эксплуатации, экономичности превосходит их. Ключевое преимущество «КАМАЗ-5490» – его цена, в начале 2016 г. – в среднем 4,2 млн руб. (у зарубежных аналогов – не менее 6 млн руб.).

К негативным моментам, повышающим затраты перевозчиков, надо добавить введение в 2012 г. утилизационного сбора, в ноябре 2015 г. – системы оплаты за проезд по федеральным магистралям, существенное увеличение в январе и апреле 2016 г. акцизов на дизельное топливо. При сокращении объемов перевозок увеличение инвестиционных и эксплуатационных затрат транспортных компаний ухудшает их финансовое состояние, ослабляет конкурентные позиции на мировом рынке транспортных услуг.

В данный момент одна из важнейших целей – выдержать конкуренцию со стороны иностранных перевозчиков. Особый

интерес представляет развитие высокоэффективных международных транспортных систем именно в направлении запад – восток, способствующее реализации транзитного потенциала страны. В 2014–2015 гг. усилия России во внешнеэкономической деятельности были направлены на страны Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона, Ближнего Востока. Однако макроэкономическая нестабильность в мире негативно повлияла и на экономику Китая, в том числе на торговые отношения наших стран. По данным «РосБизнесКонсалтинга», в 2015 г. товарооборот между Россией и Китаем сократился на 27,8% – до 64,2 млрд долл.

Несмотря на замедление роста китайской экономики в 2015 г., товарооборот между Китаем и Европой растет. Предполагается, что строящийся международный транспортный коридор «Европа – Западный Китай» значительно увеличит долю автомобильных перевозок на этом маршруте. Призванная улучшить транспортные связи между Северной Европой и Западным Китаем автомагистраль Санкт-Петербург – Ляньюнган (Китай) длиной 8160 км проходит через территорию Казахстана, России и Китая. При организации перевозок по методу «тяговых плеч» этот маршрут можно реально преодолеть за шесть суток, тогда как грузы морем через Суэцкий канал из Китая в Скандинавские страны доходят за 35 суток. Строительство транспортного коридора будет способствовать не только появлению новых предприятий, но и даст возможности для развития и расширения существующих, что в свою очередь обеспечит появление новых рабочих мест, повышение доходов регионального и местного бюджета, увеличение международного и межрегионального товарооборота.

В конце 2014 г. было подписано Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которое предусматривает предоставление российским перевозчикам права проезда по маршрутам между Китаем и Россией по территории Казахстана (не позднее 2020 г.). По просьбе АСМАП Минтранс России провел трехсторонние переговоры с представителями транспортных ведомств Китая и Казахстана о начале таких перевозок по временной схеме ранее указанного срока.

Перспективы развития рынка за пределами 2016 г. будут во многом зависеть от темпов развития мировой экономики, а также внешнеэкономической деятельности субъектов бизнеса Российской Федерации. В первую очередь индикаторами здесь будут состояние внешней торговли со странами ЕС, СНГ и Китаем; возможности производства в нашей стране высокотехнологичной продукции, пользующейся спросом на международном рынке; расширение экономического сотрудничества с зарубежными странами и, в немалой степени, конъюнктура внешних товарных рынков, а также международных рынков транспортных услуг.

Девальвация рубля открывает перед российскими производителями широкие возможности для экспорта отечественных товаров. По некоторым товарным позициям уже наблюдается оживление: так, в 2015 г. Россия экспортировала вагонов в пять раз больше, чем годом ранее, компания Nokian Tyres во Всеволожске экспортирует уже 60% выпускаемых шин. Растет спрос на российские автомобили за рубежом. В России сейчас созданы производственные мощности по выпуску 3 млн автомобилей в год (объем внутреннего рынка – вдвое меньше). Для поддержки экспорта автомобилей Правительство РФ в 2016 г. выделило 3,3 млрд руб.; из них основная часть предназначена именно для возмещения производителям расходов на транспортировку товарных автомобилей за рубеж. Если учесть, что легковые автомобили перевозят преимущественно автотранспортом, а тариф составляет 70 руб./км, при средней дальности перевозок 3 тыс. км емкость рынка доставки автомобилей составит около 4 млрд руб. Этот пример показывает, что с оживлением экономики страны будет расти и рынок международных автоперевозок, причем экспортные грузы преимущественно будут доставляться российскими перевозчиками.

В случае, если после 2016 г. сохранится стабильность на мировых товарных рынках, в перспективе можно прогнозировать некоторый рост международных автомобильных перевозок грузов между Россией и зарубежными странами. В результате объем перевозок грузов международным автомобильным транспортом в 2020 г. может возрасти до 45 млн т. Не очень высокие темпы роста объемов международных автоперевозок России прогнозируются

при сохранении в ближайшие годы сложившейся структуры ее экономики – как поставщика минеральных энергоресурсов и сырья первичной переработки, что не позволяет существенно поднять объемы экспорта выше 2% в год в 2016–2020 гг.

* * *

Таким образом, с 2013 г. в России наблюдается затяжная тенденция сокращения международных автомобильных перевозок, связанная со снижением деловой активности хозяйствующих субъектов как в России, так и в мире. Сырьевая направленность экономики России не способствует развитию международных перевозок, особенно экспортных. Основной грузопоток российских международных автоперевозок приходится на Финляндию, Нидерланды, Германию и Польшу. Причем большую часть всего объема перевозок составляют импортные товары, в экспортном направлении российские перевозчики испытывают нехватку грузов, что приводит к низкому коэффициенту использования пробега подвижного состава, снижению эффективности перевозок. Развитие отрасли в ближайшие годы будет во многом зависеть от конкурентной позиции российских автотранспортных компаний, совершенствования нормативно-правовых актов, регулирующих международные перевозки, снижения налоговой нагрузки на реальный бизнес в стране, модернизации автомобильного парка современной безопасной и экологичной техникой.

Литература

1. Международные грузовые автоперевозки: проблемы и решения. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.umniylogist.ru/articles/20130930105703-6583.html> (дата обращения: 08.04.2016).
2. РБК [Эл. ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru> (дата обращения: 10.02.2016).
3. Статистика интернет-торговли в странах мира: основные тенденции и показатели. [Эл. ресурс]. URL: <http://провэд.рф> <http://провэд.рф/analytics/16849-statistika-intepnet-topgovli-v-stpanahmipa-osnovnyetendentsii-i-pokazateli.html> (дата обращения: 06.04.2016).
4. Новичкова А. Б. МАП в России: уроки выживания // Международные автомобильные перевозки. – 2014. – № 3. – С. 32–38.
5. Холотов К. В., Забоев А. И. Российский рынок международных автомобильных перевозок грузов: тенденции и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 7. – С. 97–103.

Где взять деньги на рециклинг?*

Л.П. КОРОЛЕВА, кандидат экономических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск. E-mail: korol.l@mail.ru

В статье обосновываются ограниченность действующего в России механизма финансирования рециклинга отходов, базирующегося на предварительных утилизационных сборах, и необходимость его реформирования в соответствии с опытом зарубежных стран. Предложено в рамках утилизационного сбора ввести возвратный механизм финансирования, опережающее субсидирование проектов развития индустрии рециклинга, а также зависимость суммы сбора от факторов, оказывающих влияние на ликвидационную стоимость транспортного средства. Экологический сбор рекомендовано сделать «видимым» для потребителей. Определены альтернативы распределения финансовой ответственности за сбор отходов, а также принципы фискального регулирования рециклинга.

Ключевые слова: рециклинг, утилизационный сбор, экологический сбор, финансирование, отходы, утилизация

В современной России активное реформирование государственной политики в сфере обращения отходов сопровождается введением фискальных инструментов, предназначенных для финансирования развития индустрии рециклинга. С 1 сентября 2012 г. введены обязанности по уплате утилизационного сбора в отношении импортируемого автотранспорта. С 2014 г. по причине международных судебных разбирательств они распространены и на транспортные средства (шасси) и прицепы к ним отечественного производства. С 1 января 2016 г. введен утилизационный сбор в отношении самоходных машин и прицепов к ним, а также экологический сбор на товары (включая упаковку), подлежащие утилизации после утраты ими потребительских свойств. В работах ряда отечественных ученых рассмотрен порядок исчисления и уплаты утилизационного сбора по колесным транспортным средствам, подчеркивается близость его правовой природы к налогу, нецелевой характер собираемых средств, доминирование протекционистской и фискальной функций [1, 2, 3, 4]. Ведется дискуссия по поводу альтернативных вариантов расчета базовых ставок утилизационного сбора [5, 6]. Обсуждаются правовые изъяны экологического сбора [7, 8, 9].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-02-00394.

В статье делается попытка проверить гипотезу о том, что действующий механизм финансирования утилизации отходов посредством утилизационного и экологического сборов деструктивно влияет на организацию рециклинга, и предложить пути его реформирования, стимулирующие становление рециркуляционного воспроизводства.

Механизмы финансирования рециклинга

В нормативно-правовых актах, регулирующих сферу обращения отходов в РФ, используется противоречивая трактовка термина «рециклинг». Так, «ГОСТ 30772–2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения» (введен Постановлением Госстандарта России от 28.12.2001 № 607-ст) определяет его как процесс возвращения отходов, сбросов и выбросов в процессы техногенеза. И выделяет два возможных варианта рециклинга отходов – повторное их использование по тому же назначению (например, стеклянных бутылок после обработки и маркировки) и возврат после обработки в производственный цикл (например, жестяных банок – в производство стали, макулатуры – бумаги и картона).

В данном межгосударственном нормативном акте операцию рециклинга для совокупности отходов и сбросов называют рекуперацией, для сбросов и порошкообразных, пастообразных отходов – регенерацией, для сбросов и выбросов – рециркуляцией.

А «ГОСТ Р 53692–2009. Национальный стандарт РФ. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Этапы технологического цикла отходов» (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 1092-ст) дает более узкое определение рециклинга как этапа утилизации, в результате которого объект используется повторно (например, стеклопосуда, поддоны). А в качестве этапов ликвидации отходов выделяются рекуперация, регенерация и повторное использование реагентов, применяемых для дезактивации (или промывки) баков, трубопроводов и иных элементов объектов, содержащих химически активные вещества.

Видимо, это стало причиной для разделения данных понятий в ряде нормативно-правовых актов РФ. Так, Комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в РФ (утверждена Приказом Минприроды России от 14.08.2013 № 298) содержит следующее определение: утилизация

(использование) отходов – применение отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг, включая повторное использование, а также повторное использование по прямому назначению (рециклинг), возврат после соответствующей подготовки в производственный цикл (регенерация), извлечение ценных компонентов для их повторного использования (рекуперация). Это же определение включено в составе поправок, вступивших в действие с 1 января 2015 г., в федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

Однако в зарубежных странах рециклинг определяется в широком смысле слова как процесс преобразования отходов в повторно используемые материалы для предотвращения потерь потенциально полезных материалов, снижения расходов первичного сырья и энергии, загрязнения воздуха, воды и почвы в результате сокращения объема утилизации отходов обычными способами (сжигание, захоронение). В этом смысле он используется в международной инициативе 3 R: Reduce (сокращение объемов образования отходов), Reuse (повторное использование отходов), Recycle (использование отходов в качестве вторичного сырья).

Существует определенное различие между процессами повторного использования отходов (Reuse) и рециклинга (Recycle). Повторное использование исходит из определения отходов как «вещества или предметов, от которых владелец хочет или должен избавиться» (ГОСТ Р ИСО 14050–2009, ст. 3.12), совсем не обязательно полностью изношенных физически и морально. В этом случае предмет без доработки может повторно использоваться по прямому назначению другим субъектом хозяйствования, например, списанные предприятиями компьютеры могут передаваться в учебные заведения и другие организации на условиях благотворительности. Рециклинг же предполагает в обязательном порядке обработку и (или) переработку отходов для повторного их вовлечения в производственный процесс, получение вторичных материальных и энергетических ресурсов. Процессы рециклинга характеризуются большей замкнутостью, в идеальном варианте – безотходностью, полной утилизацией всех компонентов неограниченное количество раз.

Развитие рециклинга в национальных масштабах требует формирования механизма его финансирования, особенности которого зависят от выбора лица, несущего ответственность

за безопасную утилизацию и захоронение отходов. Финансовая ответственность за деятельность в сфере обращения с отходами либо за ее отдельные стадии может возлагаться на:

– покупателей, путем включения утилизационного сбора в стоимость продукции в виде косвенного налога, перечисляемого в бюджет или специальные внебюджетные фонды предприятиями сферы обмена (торговли) и направляемого на финансирование утилизации данного вида продукции;

– государство в лице государственных (муниципальных) предприятий, финансируемых частично за счет оплаты их услуг собственниками отходов, частично за счет иных бюджетных доходов;

– производителей, либо самостоятельно организующих процесс сбора и утилизации продукции собственного производства, либо оплачивающих утилизационный сбор, перераспределяемый государством на поддержку развития индустрии рециклинга;

– дистрибьюторов и предприятия розничной торговли как за организацию возврата отслужившей продукции, так и за утилизацию отходов, возникающих на этапе торговли, например, упаковочные материалы.

Полная финансовая ответственность государства идет вразрез с основным принципом организации эффективной системы управления отходами – «загрязнитель платит» [10], в связи с чем все реже используется на практике. Наибольшее распространение в развитых странах получила концепция расширенной ответственности производителя за улучшение экологических характеристик продукции на всех этапах ее жизненного цикла и, особенно, на стадии утилизации и захоронения отходов, финансируемая за счет средств потребителя продукции. В этом случае и производитель, и покупатель заинтересованы в сокращении ликвидационной стоимости продукции за счет совершенствования ее материального состава, организации безотходного производства, развития рециклинга.

Финансирование рециклинга за счет утилизационных сборов

В настоящее время российское законодательство в этой сфере предусматривает обязанность производителей уплачивать в бюджет утилизационный и экологический сборы и продолжает

активно реформироваться путем введения подзаконных нормативно-правовых актов, приказов уполномоченных органов и разъяснений для производителей и потребителей продукции, попавшей в соответствующие перечни. Оба сбора отнесены к неналоговым доходам бюджета и предназначены для субсидирования расходов производителей, а также иных лиц, принимающих на себя ответственность от имени или вместо производителей, по утилизации продукции после утраты ею потребительских свойств.

Сравнение утилизационного и экологического сборов, взимаемых в РФ, свидетельствует о том, что основные различия порядка исчисления и уплаты этих сборов носят объективный характер и обусловлены особенностями жизненного цикла продукции, для финансирования утилизации которой они предназначены. Однако следует отметить и ряд различий, которые законодатель не учитывал при проектировании анализируемых платежей.

Как утилизационный, так и экологический сборы в качестве дополнительных расходов производителей должны включаться в первоначальную стоимость продукции. Прямое или опосредованное влияние сборов на цену оказывает соответствующее воздействие и на спрос на продукцию: чем выше эластичность спроса по цене и ниже платежеспособность покупателя, тем больше он сокращается. В случае, если цель введения утилизационного сбора – это сокращение образования отходов вследствие снижения объемов потребления продукции (например, полиэтиленовых пакетов и другой упаковки), ожидаемый эффект оказывается позитивным. Если же сокращение потребления продукции нежелательно, введение утилизационного сбора может иметь негативные последствия как для ее производителя, так и потребителя. Например, утилизационный сбор на средства производства (машины и оборудование) может в конечном итоге привести к снижению нормы накопления, особенно при невысокой рентабельности бизнеса у потребителя.

Именно такой негативный эффект оказывает утилизационный сбор, распространенный на самоходные машины и (или) прицепы к ним, взимаемый формально с 01.01.2016 г., а фактически, из-за задержки в принятии обеспечивающих подзаконных актов, – со дня вступления в силу Постановления Правительства РФ от 06.02.2016 г. № 81, то есть с 10.02.2016 г. Для его плательщиков – импортеров, производителей и покупателей данной катего-

рии транспортных средств, сложилась трудная ситуация, чреватая полной заморозкой ввоза, отгрузки и покупки этой продукции.

Во-первых, сумма утилизационного сбора увеличивает стоимость товара. Во-вторых, она включается в базу по налогу на добавленную стоимость, т. е. возрастает еще на 18%. Так, к примеру, если стоимость прицепной техники с НДС равна 133 тыс. руб., то добавление утилизационного сбора (с НДС) в размере 389,4 тыс. руб. ($150 \text{ тыс. руб.} \cdot 2,2 \cdot 1,18$) увеличит ее до 522,4 тыс. руб., или на 393%.

Таким образом, цена самоходной техники и прицепов к ней возрастает в 2–3 раза. Причем прогрессия прироста цены прицепов обратно пропорциональна их изначальной стоимости: самая большая наценка – на самый дешевый прицеп. Увеличение отпускной цены в разы, безусловно, негативно скажется на темпах модернизации агропромышленной и строительной отраслей.

Осознавая возможные негативные последствия, Минпромторг России проводит общественное обсуждение и доработку механизмов субсидирования производителей самоходной и прицепной техники. В частности, готовятся проекты постановлений Правительства РФ об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским производителям на компенсацию части затрат, во-первых, на использование энергоресурсов энергоемкими предприятиями, во-вторых, на содержание рабочих мест, в-третьих, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств в отношении высокопроизводительной самоходной и прицепной техники.

Данные субсидии будут выплачиваться организациям, признанным в соответствии с критериями приказа Минпромторга России от 18 февраля 2016 г. № 406 крупнейшими производителями соответствующих видов и категорий самоходных машин и прицепов ежеквартально, тремя днями ранее сроков, установленных для перечисления в бюджет утилизационных сборов.

Таким образом, планируется в 2016 г. собрать в федеральный бюджет утилизационный сбор за самоходную и прицепную технику, произведенную в России, в объеме 9,45 млрд руб., за ввезенную – 22 млрд руб. И субсидировать российских производителей самоходной и прицепной техники в объеме 12,8 млрд руб. (Письмо Минпромторга России от 04.03.2016 № МА-12952/20). И хотя Минпромторг России ссылается на то, что крупнейшие

отраслевые ассоциации (Российская ассоциация производителей сельхозтехники «Росагромаш», СПО НП «Спецавтопром»), объединяющие свыше 80% отечественных производителей самоходных машин и прицепов, якобы обещали не увеличивать отпускные цены в связи с введением утилизационного сбора, вероятность такого развития события вполне реальна.

Существенным недостатком является отсутствие целевого характера собираемых средств. В соответствии с действующим законодательством они будут востребованы в полном объеме только по истечении длительного жизненного цикла автотранспорта. То есть автомобильная промышленность, отвлекая средства из оборота для уплаты сборов, субсидирует расходы государства на текущие нужды.

При этом, согласно Постановлению Правительства РФ от 20.06.2013 г. № 520, отказать организации (индивидуальному предпринимателю) в предоставлении субсидии государство может на основании недостатка бюджетных ассигнований, предусмотренных федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период, и лимитов бюджетных обязательств, утвержденных в установленном порядке Министерству промышленности и торговли РФ на эти цели. В этом случае заявитель имеет право повторно обратиться за получением субсидии «в случае, если основание для принятия указанного решения об отказе в предоставлении субсидии отпало» (п.16 вышеуказанного постановления Правительства РФ).

То есть государство в одностороннем порядке оставляет за собой право задерживать на неопределенный срок выплату средств, полученных ранее от плательщиков утилизационных сборов. При этом обязанности извещать заявителя о том, что основание для отказа в субсидии «отпало», Минпромторг РФ на себя не возложил.

Соответственно ни о каком фискальном стимулировании развития индустрии рециклинга речи не идет. Утилизационный сбор в России остается исключительно инструментом протекционистской таможенной политики, создающим дополнительные издержки как для производителей, так и для бюджета в связи с необходимостью организации встречных, взаимно компенсирующих потоков денежных средств.

Изменения, касающиеся введения экологического сбора, были внесены в федеральный закон «Об отходах производства и потребления» с 01.01.2015 г. Однако на 2015 г., в связи с обязательствами государства не увеличивать фискальную нагрузку на бизнес, установлены нулевые нормативы утилизации отходов от использования товаров, что фактически означает освобождение от уплаты экологического сбора, до сих пор Федеральной службой по надзору в сфере природопользования не утверждена форма расчета суммы экологического сбора. Не приняты и многочисленные подзаконные акты, касающиеся построения системы финансирования региональных программ в области обращения с отходами.

Существенным отличием экологического сбора от утилизационного является наличие у плательщика права выбора: уплатить предварительный сбор или использовать возвратный механизм и обеспечить утилизацию собственной продукции в соответствии с установленными Правительством РФ нормативами. В связи с этим **экологический сбор самим фактом своего существования стимулирует предприятия к созданию замкнутого цикла производства**, малоотходного, включающего процессы рециклинга на базе собственных мощностей или по договору со специальным оператором. В этом случае государство исключается из финансовых отношений, а натуральные и денежные потоки напрямую распределяются между производителем, потребителем и, при трехсторонней схеме, специальным оператором.

Если же производитель не выполняет нормативы по утилизации продукции, потерявшей потребительские свойства, государство берет на себя обязанности по перераспределению доходов от уплаты экологического сбора, в том числе на инвестиционные цели: строительство, реконструкцию, техническое перевооружение, модернизацию производственно-технических комплексов, осуществляющих обращение с отходами; разработку и внедрение промышленного оборудования российского производства в целях утилизации и обезвреживания отходов и др.

Собранные доходы от экологического сбора сначала поступают в федеральный бюджет, а потом распределяются в форме субсидий, исчисленных пропорционально численности населения, проживающего на территориях субъектов РФ, при условии наличия региональной программы и территориальной схемы

в области обращения с отходами. Таким образом, эффективность их использования будет зависеть от качества региональной нормативно-правовой базы, работа над которой в настоящее время находится на начальном этапе. Учитывая, что в идеале поступления экологического сбора в бюджет будут ежегодно сокращаться вследствие модернизации производственных процессов выпуска и утилизации продукции, **существуют риски недостатка собственных средств субъектов РФ на софинансирование инвестиционных проектов**, они преимущественно будут использоваться на покрытие текущих расходов по обращению с отходами производства и потребления.

Совершенствование фискальных инструментов финансирования рециклинга

Построение механизма финансирования должно осуществляться в рамках комплексной государственной политики по развитию новой индустрии рециклинга в России.

В первую очередь необходимо стимулировать производителей к использованию возвратного механизма финансирования утилизации своей продукции, поскольку стратегическая цель государственного регулирования – это предотвращение появления отходов путем модернизации производств на принципах безотходности и рециркуляции ресурсов. Отделение рециклинга от основных технологических процессов производства продукции не только увеличивает стоимость вторичных сырья, ресурсов и энергии за счет добавления прибыли посредников на промежуточном переделе, но и может способствовать в долгосрочном периоде нарастанию конфликта интересов между производителями и операторами-переработчиками.

Как свидетельствует зарубежный опыт, если возвратный механизм находится в ведении отдельных компаний (что наиболее вероятно в случае крупной легко идентифицируемой продукции, например бытовой техники или транспортных средств), то он создает один из самых сильных стимулов для производителей разрабатывать продукцию, которая проще утилизируется. Если оператором возвратного механизма является коллективная организация, то подобный механизм с гораздо меньшей вероятностью приводит к экологической оптимизации продукции на этапе ее разработки [11. С. 59]. В связи с этим приоритетной формой

организации индустрии рециклинга являются вертикально-интегрированные цепочки добавленной стоимости в рамках одного предприятия-производителя (холдинга) или в рамках промышленных кластеров, объединяющих вокруг якорных предприятий совокупность средних и малых фирм, осуществляющих сбор, транспортировку, обработку и переработку продукции, закончившую свой жизненный цикл.

Предоставление альтернативного права использования возвратного механизма производителям транспортных средств, как отечественным, так и зарубежным, является объективной необходимостью на пути преобразования утилизационного сбора из инструмента протекционистской политики в инструмент фискального стимулирования развития индустрии рециклинга. При этом следует создать максимально комфортные условия, в том числе фискальные, для развертывания производителями транспортных средств площадей по авторециклингу на территории РФ.

Другой альтернативой может быть введение права производителю получать субсидии на инвестиционные проекты по модернизации производственных процессов и расширению утилизационных мощностей за счет и в пределах уплаченного предварительного утилизационного сбора за транспортные средства, жизненный цикл которых еще не истек, при условии принятия обязательств по их безвозмездной утилизации в будущем. Это придаст стимулирующий характер встречным финансовым потокам между бюджетом и отечественным автопромом, который не присущ разрабатываемым в настоящее время программам по субсидированию текущих затрат производителей самоходных машин и прицепов к ним. Опережающее развитие мощностей по авторециклингу будет способствовать утилизации транспортных средств, выпущенных производителем до момента введения утилизационного сбора, так как собственник будет стремиться к их полной загрузке и выходу на безубыточный уровень, не дожидаясь физического износа автомобилей, в отношении которых утилизационный сбор был уплачен.

Должен быть изменен, по нашему мнению, и порядок исчисления утилизационного сбора. Необходимо отказаться от зависимости его величины от возраста и объема двигателя автомобиля, что не просто устранил конфликтную ситуацию со странами ВТО, но и позволит уменьшить его искажающее влияние

на автомобильную промышленность. Величина утилизационного сбора должна зависеть от факторов, влияющих на стоимость безопасной для окружающей среды утилизации: к примеру, материального состава утилизируемого объекта, рентабельности переработки того или иного вида отходов. Возможной альтернативой является установление единой величины утилизационного сбора для всех транспортных средств одной категории.

В настоящее время и утилизационный, и экологический сбор имеют скрытый характер для потребителя. И если в отношении утилизационного сбора, направленного, прежде всего, на сокращение отходов на этапе производства, замены технологий производства на малоотходные, это вполне оправданно, то по ряду категорий продукции, отходы от потребления которой призван ограничить экологический сбор, открытая форма платежа будет более эффективна. Это в первую очередь продукция ежедневного одноразового потребления, создающая самые большие потоки бытовых (коммунальных) отходов (гофрированные бумага и картон, бумажная и картонная тара, хозяйственные и санитарно-гигиенические изделия, бумажные канцелярские принадлежности, прочие изделия из бумаги и картона, пластмассовая упаковка и прочие пластмассовые изделия, легкая металлическая тара, полое стекло, газеты).

Для этого достаточно обязать производителя исчислять и указывать в сопроводительной документации либо непосредственно на продукции (газетах, журналах, пакетах) сумму утилизационного сбора в себестоимости единицы продукции, а предприятия торговли – доносить эту информацию до покупателя, выделяя ее в чеке, как по каждому отдельному наименованию продукции, так и в итоговой сумме. Желание сэкономить способно изменить объём и структуру потребления, а вслед за ним – спрос и предложение.

Незаинтересованность потребителя в сокращении отходов может стать существенным деструктивным фактором в развитии рециклинга. Притом, что основная нагрузка от утилизационных платежей так или иначе ложится на покупателя, в России он в большинстве случаев ни материально, ни морально неощущается за участие в процессах обращения отходов. В связи с этим производителям следует обратить внимание и на **залоговый механизм финансирования**. К примеру, акция «новая

техника в обмен на старую» предполагает скидку покупателю от стоимости новой продукции, являющуюся для производителя одновременно и платой за сбор частично или полностью изношенной продукции, и инструментом стимулирования сбыта. Повышение рентабельности индустрии рециклинга позволит расширить практику выплаты вознаграждения за возврат отходов, которая сейчас в России используется в отношении лома металлов, макулатуры, стеклотары, и будет способствовать расширению сети специальных пунктов приема.

К сбору электрической и электронной бытовой техники, сотовых телефонов вполне разумно привлечь крупные розничные торговые сети, специализирующиеся на их продаже. Во-первых, они имеют свою часть дохода от воспроизводственного цикла продукции, а следовательно, должны нести и часть финансовой ответственности. Во-вторых, торговля выполняет роль посредника при движении товарных потоков от производителя к покупателю, поэтому может обслуживать и их перемещение в обратном направлении. Торговые сети имеют квалифицированный персонал, складские помещения, службы доставки, которые могут осуществлять вывоз закончившей жизненный цикл продукции.

Альтернативу «потребитель платит» путем организации пунктов приема, взимающих плату за сдаваемую на утилизацию продукцию, рационально использовать только в отношении той, за которую не уплачивается предварительный утилизационный сбор. При этом плата должна быть меньше по величине, чем материальная ответственность (санкции) за незаконное захоронение.

Механизм финансирования рециклинга отходов посредством экологического сбора требует доработки в целях стимулирования конкуренции в данной сфере. Предусмотренная в настоящее время концентрация финансовых ресурсов на субсидировании региональных программ в сфере обращения с отходами и деятельности крупных региональных операторов не соответствует конкуренции на данном рынке. Необходим прозрачный порядок субсидирования инициатив по организации новых промышленных предприятий по рециклингу, альтернативой которому может стать и система налоговых льгот в рамках прямого налогообложения имущества и прибыли.

Важно сформировать комплексную систему регулирования, включающую ограничение нерационального и стимулирование

рационального поведения субъектов хозяйственной деятельности, создающих отходы. Фискальная нагрузка на переработку, восстановление и повторное использование отходов должна быть в разы меньше, чем на их захоронение на свалках и на территории предприятий. Достичь этого можно, поднимая тарифы на захоронение отходов либо стимулируя спрос на вторичные сырье, ресурсы и энергию. Например, в зарубежных странах активно применяется механизм налогового кредита как вычета из налогового оклада по налогу на прибыль организаций в случае приобретения оборудования, предполагающего производство готовой продукции из переработанного (вторичного) сырья и материалов. В России аналогичных стимулов не существует.

Необходима централизация финансовых средств, собранных посредством утилизационного, экологического сборов и иных подобных экологических платежей, во внебюджетном фонде, предназначенном не столько для компенсации текущих затрат региональным операторам и отдельным производителям, сколько для проектного финансирования развития индустрии рециклинга. И, как показал опыт со страховыми взносами в социальные внебюджетные фонды, наиболее эффективным администратором как налоговых, так и неналоговых платежей является ФНС России.

Для эффективного целевого использования средств, предназначенных для природоохранных мероприятий, совсем не обязательно наделять Росприроднадзор РФ, на то уполномоченный, еще и обязанностями по администрированию сборов. К тому же инициатива по консолидации ФНС и ФТС России вместе с другими агентствами в единую службу в настоящее время обсуждается на высшем уровне [12. С. 21].

* * *

Утилизационный и экологический сборы имеют единое функциональное предназначение – финансирование утилизации отходов, а, следовательно, должны быть согласованы и объединены в целостный механизм финансирования, выполняющий, прежде всего, стимулирующую функцию в отношении рециклинга. Финансовую ответственность за утилизацию должны нести все участники воспроизводственного цикла продукции таким образом, чтобы иметь возможность уменьшать ее объ-

ем, оптимизируя зону своей функциональной ответственности (производитель – производство, продавец – обмен, покупатель – потребление) и способствуя тем самым становлению в России рециркуляционного воспроизводства и новой сырьевой базы, в которой отходы – ценный ресурс.

Фискальное регулирование рециклинга должно соответствовать принципам распределения финансовой ответственности, комплексности механизма регулирования, централизации ресурсов, разделения полномочий по собираемости средств и распоряжению ими.

Литература

1. *Багратуни С. А.* Утилизационный сбор – как мера протекционизма, обеспечивающая национальную экономическую безопасность РФ // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 1–2 (66–2). – С. 212–217.
2. *Гинзбург Ю. В.* Утилизационный сбор в Евразийском экономическом союзе: сравнительно-правовой анализ // Реформы и право. – 2014. – № 3. – С. 3–6.
3. *Карпенко С. В., Ордынская М. Е., Силина Т. А.* К вопросу об утилизационном сборе в Российской Федерации // Научные труды SWorld. – 2014. – Т. 25. – № 4. – С. 6–9.
4. *Реут А. В.* Фискальная и регулирующие функции утилизационного сбора // Финансовое право. – 2013. – № 3. – С. 17–20.
5. *Герасимов В. С., Соловьев С. А., Игнатов В. И.* Утилизационный сбор – важнейший фактор обеспечения эффективной утилизации сельскохозяйственной техники // Техника и оборудование для села. – 2014. – № 10 (208). – С. 37–39.
6. *Кузьмин Д. В.* Экономическое обоснование оптимального размера утилизационного сбора с легковых автомобилей в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 5. – С. 10–14.
7. *Зарипов В. М., Захарова Ю. С.* Правовые изъязы экологического сбора // Налоговед. – 2015. – № 4. – С. 12–19.
8. *Пономарева Н. В., Голубцова Е. В.* О введении экологического сбора // Финансы. – 2015. – № 12. – С. 29–32.
9. *Шингаркина В. С., Волков В. И.* Законодательное обеспечение утилизации твердых коммунальных отходов // Евразийское Научное Объединение. – 2015. – Т. 1. – № 3 (3). – С. 95–96.
10. *Зиновкин Н. С.* Принцип «загрязнитель платит»: история, интерпретации, имплементация в отечественное законодательство // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3 (82). – С. 147–151.
11. *Эллок С., Лифтинг А., Тсуи А., Ютли Т., Сноу У.* Кто оплатит утилизацию? О расширенной ответственности производителей // Твердые бытовые отходы. – 2011. – № 8. – С. 56–59.
12. Коллегия ФНС подвела итоги 2015 года. Сфера ответственности и полномочия Службы расширяются // Финансы. – 2016. – № 3. – С. 18–21.

Социальный бюджет России: каким ему быть в XXI веке?

В.Д. РОИК, доктор экономических наук, НИИ труда и социального страхования Минтруда России, Москва. E-mail: vdroik@niitss.ru

Финансирование социальной защиты населения – основа для удовлетворения базовых жизненных потребностей людей. Важнейшим инструментом такого финансирования является социальный бюджет. В зависимости от своих возможностей страны перераспределяют с помощью социального бюджета от 10 до 30% ВВП, что является самой крупной статьей расходов. Вопросы становления социального бюджета в России сталкиваются с рядом сложных вызовов, которые требуют своего решения.

Ключевые слова: социальные бюджет, социальное страхование и социальное обеспечение, социальная сфера

Роль социального бюджета в современном обществе

Как отмечал известный экономист XX столетия Василий Леонтьев, значение проблем распределения доходов возрастает. В будущем значительную часть доходов люди будут получать через систему социального обеспечения. Огромную роль при этом будут играть государство, и те экономисты, которые пытаются сейчас минимизировать его роль, демонстрируют поверхностное понимание того, как работает экономическая система [1. С. 69].

На протяжении всего XX в. в большинстве экономически развитых стран расширились социальные функции государства, для чего формировались бюджетные механизмы институтов социального обеспечения и страхования, которые сегодня выполняют широкий круг публично значимых функций. Например, фонды социального страхования (пенсионного, медицинского и др.) стали ответственны за организацию сбора страховых взносов, выплату пенсий, пособий и оплату больничных листов, а также за предоставление социального обслуживания и медицинской помощи. Наряду с системой государственного социального обеспечения они сегодня перераспределяют самые значимые по объему финансовые ресурсы в большинстве развитых стран.

Кроме того, во всех успешных государствах системы социального обеспечения и социального страхования играют важнейшую роль в борьбе с бедностью и обеспечивают экономическую стабильность, помогая гражданам справляться с жизненными рисками и быстро адаптироваться к происходящим экономическим, политическим, демографическим и социальным переменам.

Масштабное расширение социальной сферы в промышленно развитых странах в XX в. привело к формированию и развитию такого финансового инструмента, как бюджетирование социальной сферы. Стабильный рост государственных расходов на социальную сферу был отражением ряда происходивших цивилизационных процессов: повышения экономических возможностей национальных государств и возрастания для широких масс населения доступа к качественным системам здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Отечественный ученый К. В. Арановский считает, что в период после Второй мировой войны общепризнанным взглядом на роль государства в социальной жизни общества стал такой, при котором оно не только политически, но и юридически стало обязано предоставлять гражданам некоторую сумму материальных благ и услуг независимо от финансовых возможностей самого государства, за каждым человеком признается право на минимальный «достойный» уровень благосостояния, обеспечивающий не просто физическую, но именно социальную безопасность личности [2. С. 103].

Становление социально ориентированных государств в странах Западной Европы после Второй мировой войны характеризовалось расширением социальных услуг населению в сфере государственного социального обеспечения и социального страхования под влиянием политических изменений и демократизации общественной жизни, стремления обеспечить поддержку электората, подверженного социальным рискам, и устойчивого роста на протяжении последних 150 лет общих государственных расходов, прежде всего социальных, и налоговой базы [3. С. 542–543].

В результате практически во всех экономически развитых странах на протяжении всего XX в., особенно второй его половины, государство существенно расширило круг выполняемых

им социальных функций, привлекая для этого значительные объемы бюджетных средств. Если еще в конце XIX в. расходы на социальные цели составляли не более 1,5–3,0% ВВП, то к концу первого десятилетия XXI в. они составили около 25–30% ВВП (табл. 1).

Таблица 1. Динамика социальных расходов в отдельных странах Западной Европы в 1980–2012 гг., % ВВП

Страна	1980	1990	2012
Австрия	21,0	24,0	25,5
Великобритания	11,0	13,0	24,0
Германия	23,0	26,0	29,5
Греция	10,0	16,0	21,0
Дания	19,5	21,5	26,5
Италия	17,5	20,0	22,5
Испания	16,0	17,5	21,5
Нидерланды	19,8	25,0	27,5
Польша	15,0	17,0	22,5
Португалия	10,5	13,5	19,5
Чехия	16,0	18,5	23,5
Финляндия	17,0	19,5	24,5
Франция	21,0	25,5	29,4
Швейцария	14,0	17,0	23,5
Швеция	25,0	27,5	31,5

Источник: [3. С. 542].

Во многом перемены в социальной политике были связаны также с ростом продолжительности жизни и увеличением доли лиц старших возрастов, нуждающихся в медицинском обслуживании и длительном уходе, возникновением благодаря этому устойчивого спроса на новые дорогостоящие медицинские и реабилитационные технологии, которые финансируются на основе широкого использования обязательных и добровольных видов медицинского и гериатрического страхования.

В этих условиях возникла потребность не только в совершенствовании технологии управления финансовыми ресурсами в виде традиционных бюджетов, но и в развитии совершенно

нового инструмента – социального бюджета¹, объединяющего усилия государства и всего населения.

Использование категории «социальный бюджет» (объединение под одной рубрикой разнородных по источникам формирования и способам их распределения ресурсов) дает возможность более точно выявить структуру и объемы финансовых средств, которые выделяются на обеспечение социальных функций государства, включает компоненты социальных расходов и доходов отдельных социальных институтов, а также всех уровней правительства. Состав и содержание национального социального бюджета варьируются в зависимости от форм и институтов социальной защиты, а также от их архитектуры [4. С. 4–5]. В то же время существуют и типичные для всех стран основные элементы, которые представлены во всех национальных социальных бюджетах.

Например, в расходную часть социального бюджета включают расходы на социальное страхование, связанные с заработками работающих и предназначенные на пенсионное обеспечение, здравоохранение, пособия по безработице; расходы на социальное обеспечение (семейные пособия, здравоохранение, социальная помощь, налоговые скидки в связи с наличием детей), а также расходы на социальную поддержку за счет частного сектора (на основе коллективных соглашений) (профессиональные пенсии за счет предприятий и иные социальные выплаты).

По нашему мнению, в наиболее общем виде «социальный бюджет» – это виды финансовых ресурсов и комплекс мероприятий (направлений расходования бюджетных средств), предназначенных для решения задач социального характера субъекта бюджетного планирования [5. С. 8–9].

В странах ОЭСР на социально значимые услуги и социальные трансферты населению в 1995 г. стало приходиться более 50% расходов их консолидированных бюджетов (в 1913 г. – 10%). Особенно высока доля государственного бюджета в ВВП в североевропейских странах: от 43% в Норвегии до 59% в Швеции. Расходы на пенсии, пособия, выплаты составляют не менее трети

¹ Социальный бюджет- это не юридический термин, в законах его нет. – Прим. автора.

бюджета, а с учётом совокупных расходов на здравоохранение и образование – большую часть бюджета (60–68%).

Россия, к сожалению, оказывается на «обочине» общечивилизационного развития: достижения советского времени, утрачены, а подходы к преодолению углубляющихся, по сравнению с развитыми странами, различий в уровне и качестве жизни населения пока не сформулированы отечественной политической элитой страны.

Следует отметить, что в 1960-е и 1970-е годы в большинстве западных стран наблюдался быстрый рост количества социальных программ, значительно расширился круг застрахованных лиц, улучшилось качество и увеличился набор услуг по социальному страхованию и обеспечению.

Если в начале 1950-х годов расходы на социальные программы составляли в этих странах около 7% ВВП, то в 1960–1990-е гг. они возрастали более быстрыми темпами (около 8% в год), вдвое превышающими темпы роста ВВП. За 1960–1987 гг. они увеличились (в постоянных ценах 1975 г.) в Великобритании – в 2,75 раза, в США – в 3,73 раза, во Франции – в 4,6 раза, в Швеции – в 5,1 раза и в Японии – в 12,84 раза. К концу первого десятилетия XXI в. на их долю приходилось от 20 до 30% ВВП в большинстве западноевропейских стран (табл. 2) [7. С. 30–32].

Таблица 2. Расходы ряда западноевропейских государств на систему социального обеспечения в 1920–2010 гг., % к ВВП

Год	Австрия	Франция	Великобритания	Нидерланды	Дания	Германия
1920	2,0	2,8	4,1	3,2	2,7	7,5
1940	2,3	5,1	5,3	4,4	4,8	11,1
1960	7,3	8,9	9,6	8,7	7,6	14,9
1975	10,8	9,2	15,0	17,2	24,6	20,8
2010	27,2	29,2	21,3	20,9	27,1	26,7

Источник: [8. С. 182; 9. С. 257–258].

Чтобы измерить реальный доступ населения к системам здравоохранения, обычно пользуются данными о доле охваченных лиц, соотношении наличных и общих расходов, общем уровне расходов на медицину (табл. 3).

Таблица 3. Показатели финансовой обеспеченности различных видов медицинской помощи в европейских странах, США и Японии в 2011 г.

Страна	Доля населения, охваченного различными формами здравоохранения, % к общей численности	Доля наличных платежей, % от общих расходов на здравоохранение	Подушевые общие расходы на здравоохранение, долл. США в год, в пересчете на ППС
Австрия	98	16,6	3545
Беларусь	100	17,3	572
Болгария	100	39,3	741
Венгрия	100	25,3	1382
Германия	100	13,3	3328
Дания	100	14,4	3349
Испания	99	21,0	2388
Италия	100	19,7	2623
Канада	100	14,5	3672
Польша	-	25,6	910
Португалия	100	22,6	2080
Российская Федерация	88	30,0	638
Соединенное Королевство	100	11,6	2784
США	100	12,7	6714
Украина	100	41,1	542
Финляндия	100	17,2	2472
Франция	100	6,7	3554
Чешская Республика	100	11,6	1490
Швеция	100	16,5	3119
Эстония	100	24,0	989
Япония	100	14,7	2514

Источник: [9. С.273–276].

В настоящее время бюджетное финансирование социальной сферы является важнейшей функцией государства, охватывающей обеспечение и управление процессами жизнедеятельности населения, создающей условия для постоянного и непрерывного процесса его воспроизводства.

Незавершенность институционального устройства социального страхования

Финансирование социальной сферы не может быть отнесено исключительно только к функциям государства. Важную роль играют институты обязательного и добровольного социального страхования, а также корпорации. Так, о необходимости создания системных предпосылок для формирования института обязательного пенсионного страхования свидетельствует и опыт развитых стран. На первом этапе становления основных элементов и механизмов пенсионных систем в период индустриализации в 1890–1940-е годы была сформирована социально-приемлемая система «текущей заработной платы» и «резервируемой части оплаты труда» на пенсионное, медицинское и другие виды социального страхования. Тем самым резервирование финансовых средств на компенсацию последствий будущих социальных рисков и распределение их между застрахованными лицами, для которых наступают страховые случаи, стало ядром трудовых и социально-страховых отношений.

В 1950–1970-е гг. произошло институциональное оформление институтов пенсионного страхования и заработной платы, которые стали единым комплексом доходов населения. На эти цели в развитых странах выделяется не менее 40–50% ВВП, что, по нашему мнению, можно назвать **первой социальной революцией доходов населения индустриального общества**.

Дальнейшее развитие и «тонкую настройку» институты пенсионного страхования получили в 1960–1980-е гг., когда произошла гармонизация систем пенсионного страхования, систем заработной платы и налоговой системы за счет дифференцированного подхода при взимании страховых взносов и подоходного налога с работников. С низкой заработной платы страховые взносы и налоги либо не взимаются, либо взимаются в пониженных размерах, и, наоборот, с высокой, – в повышенных размерах. Эти преобразования позволили существенно снизить дифференциацию заработной платы, например, в ФРГ до 1: 6,5 раза (по крайним децилям получателей заработной платы), что является важным условием эффективного функционирования пенсионного страхования, а поэтому они, по своей сути, стали **второй революцией системы доходов населения**.

В 1970–2000-е гг. в большинстве развитых стран существенно расширились экономические возможности «социального государства», что сопровождалось выделением на пенсионное и медицинское страхование значительных финансовых средств – около 20–25% ВВП. Этот этап можно рассматривать как **третью социальную революцию доходов населения**, в результате которой подавляющее большинство населения этих стран получило доступ к качественным системам здравоохранения и пенсионного страхования.

Россия такой путь не прошла. В советский период финансирование пенсионного обеспечения осуществлялось на 2/3, а медицинская помощь полностью за счет государственного бюджета. Поэтому в СССР в 1930–1970 гг., когда формировались механизмы пенсионного обеспечения, произошел «институциональный разрыв» трудовых и социально-страховых отношений. Преобладание бюджетного финансирования социальной сферы страны и неразвитость социально-страховых институтов пенсионного страхования деформировали объективную картину оценки реальных затрат на рабочую силу.

Поэтому **существовавший в СССР порядок автономного функционирования финансовых механизмов институтов заработной платы, пенсионного обеспечения и медицинской помощи в постсоветский период стал непреодолимым препятствием для формирования институтов обязательного пенсионного страхования**. Так, при существовании в стране низкой и средней заработной платы (1–6-й децили) наемные работники практически не имеют возможности финансово участвовать в пенсионном страховании и тем самым накопить на протяжении 35–40 лет достаточный объем средств на пенсии, покупательная способность которых обеспечивала бы не менее 2,0–2,5 прожиточных минимума пенсионера.

Современной пенсионной системе России присущи черты как прежней, советской, так и формирующихся новых страховых институтов. Она уже не «советская государственная система социального обеспечения», но еще и не «страховая». **Ее промежуточный, переходный характер связан с незавершенностью реформ в сфере доходов и занятости населения, а также налоговой системы.**

Охват работающего населения пенсионным страхованием служит одним из важнейших критериев эффективности национальных пенсионных систем. Развитые страны в послевоенный период решили задачу массового охвата пенсионным страхованием работников в формальном секторе экономики (около (80–90%) и приемлемого охвата (40–60%) самозанятого населения в неформальном секторе.

В России эти стандарты не выдерживаются. Большинство экспертов и официальная статистика отмечают, что в формальном секторе системный недостаток организации доходов населения – значительная доля «серой» заработной платы (до 30–40% от общего объема по стране). Кроме того, охват пенсионным страхованием самозанятого населения и занятых в неформальном секторе составляет около 15–20% от общей их величины, что оценивается как крайне неудовлетворительный результат. В итоге на конец 2015 г. пенсионным страхованием в России охвачено не более 65–70% от общей численности экономически активного населения, что свидетельствует о накоплении потенциала кризисных последствий в области пенсионного обеспечения в стране.

Таким образом, отечественная пенсионная система, с позиций как размера пенсий и охвата пенсионным страхованием, так и финансовой стабильности существенно уступает пенсионным системам стран Запада, которые на пенсионное обеспечение расходуют ресурсы, оцениваемые по объему в 14–20% ВВП (в Германии – 16,8% ВВП, во Франции – 17%, в Австрии – 18%, в Италии – 20%). **В России на пенсионное обеспечение тратится не более 10% ВВП.**

При этом в развитых странах институт обязательного социального пенсионного страхования играл, играет и будет в ближайшие 50 лет играть роль основного пенсионного института, поскольку выгодно сочетает в себе сильные стороны личных и коллективных усилий страхователей. Поэтому **формирование условий для его становления в России является важнейшей задачей для государства и социума.**

Во многом это связано и с тем, что уже сегодня явно выражена устойчивая тенденция к быстрому старению населения России. Если в 1960-е годы, на этапе завершения становления советской пенсионной системы, доля пенсионеров составляла

не более 9–10% от общей численности населения, в 2015 г. она приблизилась к 23%, а к 2030 г., по прогнозу, должна достичь 28–29%. Столь высокий удельный вес пожилых граждан вызовет необходимость повышения расходов на их лекарственное обеспечение, медицинские услуги и социальный уход, которые в совокупности потребуют дополнительного ежегодного существенного увеличения совокупных расходов на эти цели в размере 0,3–0,5% ВВП.

Прогнозные оценки состояния пенсионного обеспечения пожилого населения свидетельствуют о том, что даже при росте затрат на эти цели в ВВП в абсолютных размерах оно будет «заморожено» на индивидуальном уровне. Такой парадокс можно назвать «финансовой ловушкой» процесса старения населения и вызываемого им ухудшения возможностей для повышения качества жизни пожилых людей. Уже в 2016 г. предусмотрена усеченная индексация пенсий.

При этом проблема дефицита бюджета Пенсионного фонда России будет все более обостряться. Для решения этой масштабной задачи таких паллиативных мер, как повышение пенсионного возраста, будет недостаточно. Потребуется решать более сложную задачу, связанную с перераспределением ответственности основных субъектов социального страхования (работодателей, государства и работников) по финансированию пенсий. Для этого важно предусмотреть вовлечение в этот процесс самих работников и установление жестких законодательных правил по увязке объема взносов и размеров пенсий. Важно предусмотреть меры по целевому и достаточному по объему финансированию досрочных пенсий и пенсий за выслугу лет, а также пенсионного страхования работающих на малых предприятиях и самозанятых.

Назрел вопрос законодательного введения пенсионного страхования по уходу за одинокими пенсионерами, инвалидами и другими категориями населения, нуждающимися в регулярной и систематической помощи на дому.

Это предопределяет необходимость создавать **специальные механизмы социального страхования по уходу за пожилыми людьми**. Еще десять лет назад такой вид социального страхования сформировался в ФРГ и Японии.

В этой связи возникает безотлагательная потребность перехода от существующей упрощенной универсальной пенсионной системы к специализированным пенсионным институтам, позволяющим страховать доходы различных групп трудящихся и граждан от специфических видов профессиональных, северных и социальных рисков, связанных с долгосрочным уходом за нуждающимися пожилыми людьми.

Важным условием успешной модернизации пенсионной системы является следующий комплекс мер. Во-первых, требуется применение нормативного и договорного регулирования заработной платы у работников с низкими ее уровнями с целью поэтапного повышения МРОТ до 40–50% от средней ее величины, а также выравнивания ее размеров у крайних децильных групп, по крайней мере, до соотношения 1:10. Данная мера позволит улучшить возможности финансового участия работников в пенсионном страховании, что во многом зависит от такого показателя, как соотношение размеров минимальной заработной платы к средней ее величине, которое в большинстве стран Западной Европы составляет 50–60% (в России – 23%).

Во-вторых, требуется разработка государственной программы по вовлечению в трудовую деятельность лиц старших возрастов путем формирования для старших возрастных групп рабочих мест.

В-третьих, весьма актуальна реализация государственной программы формирования страхования лекарственного обеспечения и социального обслуживания пожилого населения.

Роль государства

Тема бюджетного финансирования социальной сферы особо значима для России, в которой в условиях общественных трансформаций последних 25 лет социальная сфера остается второстепенной по отношению к экономике, хотя и признается её приоритетность в обеспечении процессов жизнедеятельности населения и социальном воспроизводстве. Достаточно отметить, что по отдельным сегментам социальной сферы расходы федерального и регионального бюджетов занижены против минимальных социальных стандартов в разы.

Недостаток бюджетного обеспечения социальной сферы отрицательно сказывается на развитии человеческого потенциала и экономики страны. По мнению Председателя Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, одной из причин разрыва между конституционным идеалом социального государства и законодательством является отсутствие у органов власти «окончательной определенности с моделью обеспечения социальных функций государства» [10. С. 313].

Переход России к полноценному экономическому росту и улучшению среды обитания человека объективно требует качественного обновления бюджетной политики государства. Ее основными целями должны стать обеспечение финансовыми ресурсами развития экономики (прежде всего – ее реального сектора) и социальной сферы. В реализации этих целей призвано активно участвовать государство, не препоручая их только на усмотрение субъектов рыночной экономики. Отсутствие адекватного государственного механизма принятия экономических решений, не говоря уже об отрицании его необходимости, противоречит фундаментальным устоям современной рыночной экономики.

В этой ситуации важно конкретизировать социальные обязательства государства на различных уровнях (федеральный, региональный и муниципальный) и рассматривать их и с позиции потребителей социальных услуг. Так, недостаточное бюджетное финансирование социальной сферы отрицательно влияет на развитие человеческого потенциала и экономику страны. Напротив, сбалансированное бюджетное обеспечение социальной политики способствует прогрессу, позволяет достигать социальной стабильности и сплоченности общества, приверженного общечеловеческим ценностям – социальной справедливости, солидарности, заботе об уязвимых слоях населения.

Очень важно обеспечить доступность информации о перечнях социальных услуг населению, стандартах оказания услуг, возможных местах их получения, показателях их качества, а также защиту прав потребителей услуг.

Весьма значительные объемы перераспределения средств в масштабах современных государств (от шестой части до трети ВВП и более) вызвали необходимость существенного увеличения

налогов на работающих и их работодателей. Это выразилось в росте так называемой величины предельной общей налоговой ставки², которая в 2011 г. варьировала в диапазоне от 32% в Японии до 66% в Бельгии (табл. 4).

Таблица 4. Величины налогов, доли социальных расходов в ВВП и продолжительность работы в 2011 г.

Страна	Предельная налоговая ставка, % к средним доходам работника	Доля социальных расходов, % ВВП	Продолжительность работы, час. за год
Бельгия	66	32	1954
Великобритания	41	27	2245
Германия	65	29	2010
Дания	49	37	2220
Ирландия	53	23	2240
Испания	46	25	2146
Италия	53	28	2139
Нидерланды	51	30	2037
США	34	19	2364
Франция	56	33	2003
Япония	32	16	2312

Источник: [11. С. 217].

Примечательно, что величина налогов, как видно из таблицы 4, не увязана с фактическими трудовыми затратами (с величиной отработанного времени в годовом исчислении), хотя доля социальных расходов на общественные блага в ВВП весьма существенна: от 16% ВВП в Японии до 37% в Дании.

В России высокая дифференциация населения по доходам нарастает. Увеличивается дезинтеграция общества, утрачено

²Включает: налоги на физических лиц, страховые отчисления работников и работодателей в системы пенсионного, медицинского и других видов социального страхования, а также налог с продаж. Например, в США подоходный налог с физических лиц прогрессивный: годовой доход до 21 450 долл. включительно облагается по ставке 15% (это минимальная налоговая ставка подоходного налога); от 21 450 до 51 900 долл. – 3217,5 долл. + 28% с суммы, превышающей 21 450 долл.; свыше 51 900 долл. – по ставке 11 743,5 долл. + 31% с суммы, превышающей 51 900 долл. (это максимальная ставка).

Пример. Предположим, молодой американец имеет годовой доход 25 000 долл. В этом случае величина его налогового обязательства такова: $21\,450 \cdot 0,15 + (25\,000 - 21\,450) \cdot 0,28 = 4211,5$ долл., т. е. он заплатил по средней налоговой ставке: $(4211,5 : 25\,000) \cdot 100 = 16,8\%$.

доверие граждан к властям. Поэтому **в стране в целях укрепления доходной базы местных бюджетов необходимо провести ревизию налоговых льгот по налогу на имущество физических лиц.** Дело в том, что в России чистый доход значительной части физических лиц в преобладающей мере связан не столько с заработной платой, сколько с доходами от собственности, облагаемыми по более низкой 9%-й ставке. В России «незарплатные» доходы у наиболее состоятельных граждан страны составляют 65% их общих доходов, а в Москве – 90%.

Например, в Москве насчитывается около 700 человек с доходом более 100 млн руб. в год и 101 – чьи доходы свыше 600 млн руб. Совокупный доход этих 800 московских нуворишей составляет за год 702 млрд руб., соответственно, в день на каждого из них приходится 2 млн 383 тыс. руб. Если к ним применить обложение по справедливой 13%-й ставке, то Москва могла бы получить почти 2 млрд руб. в год дополнительно в свой бюджет.

Поэтому в среде экономистов считается оправданной мерой введение прогрессивной шкалы по налогу на физические лица с наивысшей ставкой 40%, что, по оценкам В. Ивантера, А. Непипелова, О. Богомолова и С. Глазьева, могло бы обеспечить рост доходов бюджета страны на 5 трлн руб. Только обложение 130 долларовых миллиардеров России НДФЛ с такой ставкой увеличит бюджетные доходы на 1,1 трлн руб. [12. С. 10–11].

Существуют и нерешенные вопросы по налогооблагаемой базе имущественных налогов: например, с кадастровой оценкой земель. Не определена стоимость земли, находящейся под объектами, которыми владеют хозяйствующие субъекты. Не разграничены права собственности по многим имущественным объектам.

Все еще не сформированы цивилизованные социальные институты (доходов населения и социальной защиты), которые могли бы служить базой экономического подъема страны.

Отсутствие научно обоснованных и публично одобренных концепций формирования эффективных социальных институтов во многом связано с **преобладанием во взглядах правящей элиты страны узкоэкономических подходов, с отсутствием стратегии с четко определенными целями, отвечающими интересам большинства населения.** При этом речь должна идти не только о формировании общественного уклада,

позволяющего обеспечить сохранение человеческого потенциала страны, но и о его качественно более высоком уровне.

В условиях катастрофически высокой поляризации доходов населения важно, используя опыт западноевропейских стран, сформировать и внедрить рыночные механизмы по выравниванию и перераспределению доходов, отказаться от архаичных среднестатистических методов оценки состояния и динамики доходов населения.

Реформы в области доходов населения являются фундаментом социальных и экономических реформ. Проблема становится не просто гораздо шире, она приобретает характер безальтернативности. Социальные факторы призваны обеспечить геополитическую, экономическую, социальную и демографическую безопасность страны перед лицом глобальных вызовов: глобализацией экономического и финансового пространства Земли, демографическими (старение и уменьшение численности населения) и экологическими изменениями, все более отчетливо переходящими на траектории неуправляемости и критически непоправимого финала.

Переход на новую модель развития возможен только на основе форсированного включения человеческого потенциала, для чего потребуются создать соответствующие социальные, социально-психологические и экономические условия жизнедеятельности для семьи и хозяйственной деятельности. Как свидетельствует опыт экономически развитых стран на протяжении последних 50 лет, вложения «в человека», «в семью», практическая реализация государством и структурами гражданского общества интересов и возможностей широких слоев населения позволяют достигать высоких и динамичных темпов развития, консолидировать общество, преодолеть социальную апатию, сформировать атмосферу доверия между гражданами и структурами государства.

Важнейшее условие функционирования экономических, организационных и правовых механизмов новой социальной и экономической системы – качественно новые роли государства и структур гражданского общества, а также формы их взаимодействия. Государству придется освоить новую более активную роль управляющего субъекта с помощью налогового и бюджетного регулирования экономической и социальной жизни общества,

расширения масштабов бюджетного обеспечения публичных благ и услуг.

Литература

1. *Самуэльсон П.* О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами/Под ред. П. Самуэльсона и У. Баретта; Пер. с англ. – М.: 2009.
2. *Арановский К. В.* Государственное право зарубежных стран. Учебник. – М., 1998.
3. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2-х т. Т. 2: 1870 – наши дни/Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
4. *Scholz W., Cichon M., Hagemeyer K.* Social budgeting. Quantitative Methods in Social Protection Series. International Labour Office. International Social Security Association. Geneva. 2000.
5. *Роик В. Д.* Социальный бюджет России: содержание, структура и методы оценки. – М.: Изд-во РАГС, 2007.
6. Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. Всемирный банк. Изд-во «Прайм-ТАСС», 1997.
7. Социальное страхование и социальная защита. Доклад Генерального директора. Международная Конференция Труда. – Женева, 1993.
8. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг./ пер. с англ. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
9. Социальное обеспечение в мире в 2010–2011 гг. Обеспечение охвата во время и после кризиса/Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2011.
10. *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция в XXI веке. – М., 2008.
11. *Кларк Г.* Прощай нищета! Краткая экономическая история мира/ Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
12. В продолжение разработки альтернативной стратегии социально-экономического развития России учеными секции Отделения общественных наук РАН (предложения В. Ивантера, А. Некипелова, О. Богомолова, С. Глазьева // Российский экономический журнал. – 2014. – № 2.

Handwritten signature

Дело князя М. П. Гагарина: начало российского аудита

П.П. БАРАНОВ, доктор экономических наук. E-mail: bpavel1974@yandex.ru

А.А. ШАПОШНИКОВ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИИХ).
E-mail: shaposhnikov.alexandr@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования отечественных институтов аудиторства и фискалитета в начале XVIII века, а также истоки современного российского аудита бухгалтерской финансовой отчётности.

Ключевые слова: аудиторства, фискалитет, аудит, законодательные акты, функциональные обязанности

Сложности в преодолении затяжного кризиса аудиторской науки и практики [1] во многом обусловлены тем, что поиски вариантов выхода из этого интеллектуального тупика концентрируются главным образом вокруг проблем общественно-профессионального регулирования и стандартизации аудиторской практики при почти полном игнорировании научных исследований в области методологии и истории аудита. При этом налицо подмена научной методологии аудита суррогатным набором положений аудиторских стандартов, приобретающих статус профессионального догмата, весьма редко подвергаемых не то что научному, но даже рациональному осмыслению. Что же касается исторических исследований в области аудита, то они находятся практически на нулевой точке.

Между тем установление достоверности исторических сведений представляется особенно важным именно в области аудита, поскольку его главной целью является оценка достоверности информации. Уже в силу этого, дабы избежать навешивания на аудитора в дополнение к прозвищу «спящего сторожевого пса» [2] ещё одного ярлыка – «сапожника без сапог», неписанные нормы научной этики определяют необходимость развития исторического направления исследований аудита. Одна из попыток проведения исследований подобного рода, предпринятая авторами с целью оценки достоверности «самого известного факта истории российского аудита», предлагается в данном материале.

Первые аудиторы Российской империи: учреждение службы и особенности деятельности

Самый известный факт из истории российского аудита – введение в 1716 г. Петром I звания аудитора в воинском уставе и позиционирование этого звания в Табели о рангах 1722 г. Каковы были предпосылки учреждения аудиторского звания в начале XVIII в., и в чем заключалась сущность работы аудитора петровского времени? И правомерно ли судить о возникновении отечественного аудита в его современной интерпретации (по сути, а не по названию) именно в петровскую эпоху?

Для ответа на эти вопросы обратимся непосредственно к текстам исторических источников – «Устава воинского» 1716 г. [3] и «Табели о рангах» [4] 1722 г. Их анализ свидетельствует, что в деятельности аудитора петровских времён могут быть усмотрены такие «процедурные» атрибуты современного аудита, как документирование, оказание консультационных услуг, поиск, получение и обобщение доказательств, а также формирование, обоснование и засвидетельствование мнения (суждения), выражаемого в заключительном документе.

В Уставе имеются и признаки регламентации взаимодействия аудитора со сторонами судебного разбирательства, вызывающие определённые аналогии с современными нормами коммуникации аудитора с руководством, собственниками и третьими сторонами. Так, заметив в ходе судебного процесса какое-либо отступление от закона или нарушение его с чьей-либо стороны, аудитор был обязан сделать соответствующее представление суду. Если суд оставался при своем мнении, аудитор должен был подать письменный рапорт, по которому от суда требовалось вынести определение о согласии или мотивированном отказе в заявленном аудитором ходатайстве.

Особо интересными представляются попытки обеспечения беспристрастности и неподкупности аудитора. В частности, ему указывалось действовать таким образом, «чтоб каждого, без рассмотрения персон, судили и смотрели не похлебствуя никому, но сущюю правдою в деле поступать» [3]. Если аудитор «в неправедном приговоре похлебствен причинитца, то сверх лишения чина его, надлежит ему еще иное жестокое учинить наказание». Однако гарантий и условий обеспечения его незави-

симости Устав не предусматривал, поскольку ставил аудиторов в непосредственное подчинение военачальникам. Таким образом, «аудитор, проявивший принципиальность во время процесса, после его окончания вполне мог подвергнуться гонениям от командира» [5. С. 120].

Итак, первый законодательный документ, которым была учреждена служба аудитора в Российской Империи, появился в петровскую эпоху. «Должность аудитора совмещала в себе некоторые обязанности делопроизводителя, секретаря и прокурора» [6. С. 10], и порой «аудиторов в России называли присяжными бухгалтерами» [7. С. 7]. Однако отождествлять службу аудитора петровского времени с аудиторской практикой в её современном понимании было бы некорректно. Можно лишь очень осторожно провести аналогии между этими видами деятельности и выявить следующие родственные черты:

- восприятие аудиторских доказательств в качестве важнейшего инструмента установления истинного положения дел (для современного аудитора – в финансовом положении, а для петровской эпохи – в совершённом преступлении);
- нацеленность на обеспечение законности (для современного аудитора – в части соблюдения аудируемым лицом норм бухгалтерского права, а для начала XVIII в. – в отношении соблюдения субъектами военного суда правил следствия и судопроизводства);
- стремление государства к обеспечению независимости аудитора;
- признание высокой значимости документирования процесса получения и исследования доказательств;
- допущение возможности использования профессионального суждения специалиста для принятия решений в условиях неопределённости.

Современный аудит и аудит петровского времени объединяет единство предмета деятельности – установление истины (или же оценка достоверности). Однако объекты указанных аудиторских практик существенно разнятся: для современного аудита таким объектом является информация, содержащаяся в бухгалтерской финансовой отчётности, а для «петровского» – событие и обстоятельства преступления.

Изучение российских законодательных норм и исторических источников XVIII в. позволяет выдвинуть гипотезу о том, что

деятельность, близкая по своей природе и содержанию к современному аудиту, возникла именно при Петре Великом, хотя и именовалась иначе – фискалитетом, или фискалатом. Правда, отметим, что в исторических документах имеются упоминания о российских военных аудиторах еще до времен Петра I, что позволяет сформулировать гипотезу о наличии и более ранних попыток легитимизации службы аудитора и нормативного определения его функциональных обязанностей.

Петровский фискалитет как первый институт государственного финансового контроля

Возникновение органа государственного аудита следует датировать 1711 г., когда в составе созданного Сената была учреждена Ревизион-коллегия, осуществлявшая финансовый контроль. Обеспечению эффективной реализации функций Ревизион-коллегии должна была способствовать деятельность сформированного в этот же период института фискалитета.

Исторические исследования [8, 9, 10] позволяют утверждать, что фискалитет в Российской империи был учреждён Указами Петра I от 2 и 5 марта 1711 г., а первые упоминания фискалов встречаются в документах, датируемых 1710 г. По данным А. Д. Паутова, государь лично назначил в 1711 г. руководителем фискалитета – первым обер-фискалом – старшего дьяка Преображенского приказа Я. Былинского – «...дабы никто от службы не ухоранивался и прочего худа не чинил» [11]. Таким образом, ранее фискалитет возглавлял первый обер-фискал, в подчинении которого находились назначавшиеся Сенатом обер-фискалы, перед которыми несли ответственность провинциал-фискалы (на уровне губерний), руководившие городовыми фискалами, деятельность которых охватывала отдельные города и поселения.

На начальном этапе функционирования фискалитет имел весьма размытые функции и нечёткую организационную структуру, о чём свидетельствует известное обращение в 1711 г. в Сенат (за разъяснениями по десяти пунктам) обер-фискала Я. Былинского, отправленного Петром I в отставку вскоре после этого обращения, не повлекшего за собой конкретизации функций и задач фискалитета. Его преемник – стольник М. В. Желябужский – не обременяя Сенат обращениями и жалобами, самостоятельно

провёл в 1711–1713 гг. колоссальную работу по укомплектованию штата и уточнению функций Фискальской канцелярии.

В указанный период в различных ведомствах и на разных уровнях шло исследование зарубежного опыта организации фискальной службы и готовились законодательные акты, направленные на совершенствование организационных, правовых и методических аспектов функционирования института фискалитета.

Интересно, что, по одной из версий, разделяемой многими историками [12], на решение вопроса об учреждении фискалитета огромное влияние оказал высококлассный немецкий юрист Г. фон Гюйссен, занявший в 1702 г. по приглашению русского правительства должность аудитора (!) и военного консультанта, а впоследствии ставший помощником воспитателя царевича Алексея (при А. Д. Меншикове), личным историографом Петра I и одним из первых российских законодателей.

В числе законопроектов, вышедших из-под пера фон Гюйссена в 1713 г., был документ под названием «Проект одной страны, весьма нуждающейся в фискал-коллегии». Многие из положений этого документа, равно как и положений закона от 23 октября 1713 г., лично написанного Петром I, создали основу для конкретизации правового статуса института фискалов в именном Указе от 17 марта 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии», которым были чётко определены состав фискальной службы, предмет её ведения, а также впервые достаточно полно охарактеризованы ответственность фискалов, порядок ведения дел и система оплаты исполнения служебных обязанностей.

Ключевым аспектом Указа «О фискалах...» было определение предмета ведения фискалитета как «взыскание всех безгласных (т. е. относящихся к категории скрытой преступности) дел»: «всякие взятки и кража казны и прочее, что во вреду государственному интересу быть может, какова б оное имяни ни было» [8].

Фактически с этого момента началось развитие методологии, а также процедурных и методических основ фискальной службы, в природе которых усматривается множество черт, родственных современному аудиту финансовой отчётности. Попробуем выявить и охарактеризовать эти «неслучайные черты» на примере одного из знаменитых исторических прецедентов XVIII в., получившего известность как «дело князя М. П. Гагарина».

Дело князя М. П. Гагарина

Князь Матвей Петрович Гагарин, один из инициаторов и проводников губернской реформы начала XVIII в., первый генерал-губернатор Сибирской губернии, «генеральный президент и Сибирских провинций судья» [13], ближайший друг Петра Великого, был казнён через повешение 16 марта 1721 г. по приговору Сенатской комиссии.

Вина князя в мздоимстве, казнокрадстве и превышении служебных полномочий была единогласно признана доказанной. Гнев императора на одного из «птенцов гнезда Петрова» был настолько сильным, что Пётр не удовлетворился одной лишь казнью князя и последующими кощунственными действиями над его трупом, но и распорядился уничтожить все его изображения и запретил упоминать его имя при дворе.

История жизни князя Гагарина позволяет отнести его личность к числу самых загадочных и неординарных фигур той эпохи. В разные годы Матвей Петрович возглавлял строительство стратегически важного Вышневолоцкого канала, занимал должности начальника Сибирского приказа, главы Оружейной палаты и коменданта Москвы, а в 1708 г. был назначен на должность губернатора Сибирской губернии.

По свидетельствам историков и краеведов, в период губернаторства князя М. П. Гагарина в Сибирской губернии произошли изменения в сфере экономики, региональной политики, образования, науки и культуры, а также во многих других областях общественной жизни. В числе наиболее значимых были следующие:

- завершение строительства в Тобольске каменного кремля, замкнувшего всю композицию строений так называемого Малого города в единый архитектурный ансамбль;
- строительство судоходного канала, соединившего Иртыш и Тобол и остановившего обрушение тобольских берегов;
- строительство церквей (всего 37) и содействие православным христианским миссиям, занимавшимся обращением сибирских иноверцев в православие;
- открытие в Тобольске трёх школ – при архиерейском дворе, цифирной школы (второй по количеству учеников в России в то время) и школы для пленных шведов, в которых, в числе прочих,

преподавал С. Ремезов – автор «Чертёжной книги Сибири», строитель стен и башен тобольского кремля;

- развитие горного дела и разведка залежей золота и серебра (в 1711 г. в Москву из Нерчинска было отправлено 9 пудов 38 фунтов серебра, в 1712 г. – 4 пуда 35 фунтов 59 золотников плавленного серебра);

- раскопки древних курганов, послужившие источником доходов казны и инструментом восстановления исторической памяти человечества;

- установление и расширение дипломатических отношений, в первую очередь с Китаем, киргиз-кайсаками, монголами, Бухарой и Джунгарским ханством.

Исторические свидетельства позволяют констатировать бесспорные успехи князя Гагарина на посту сибирского губернатора: за период его правления территория Российской империи прислала на 500 тыс. км² за счёт освоения южных земель в верховьях Иртыша, а доходы казны от сибирских городов возросли только на начальном этапе его губернаторства более чем в два раза: с 275 382 руб. в 1706 г. до 665 100 руб. в 1709 г.

Трагический финал карьеры и жизни князя М. П. Гагарина во многом спровоцировала деятельность российского фискалитета, набравшего обороты к 1713 г., в лице обер-фискала А. Я. Нестерова.

Будучи назначенным на должность товарища (заместителя) обер-фискала при М. В. Желябужском в 1711 г., один из наиболее деятельных и опытных фискалов, А. Я. Нестеров уже в 1712 г. и 1713 г. доносил в Сенат о расхищении государственной казны князем М. П. Гагариным, однако доносы остались без внимания. По одной из версий [14], руководитель сенатской следственной комиссии князь Я. Долгорукий получил от М. П. Гагарина крупную взятку и не стал давать хода доносам, исходившим из фискалитета. Однако сведения, направленные А. Я. Нестеровым в Сенат в 1715 г., уже после назначения его обер-фискалом, возымели действие, и князь М. П. Гагарин был вызван в сенатскую комиссию под председательством князя В. В. Долгорукова для дачи показаний по факту сокрытия государственных доходов. «Обвинение исходило из того, что оклад 1711 года показан губернатором слишком мал. Следователи сравнивали табель с собственной ведомостью губернатора. Получалось, например,

что сбор ясака за 1710 г. составил 56482 руб., по табели значилось 49685 руб., а в 1705 г. – 100000 руб. Или от железных заводов по табели следовало получить 2293 руб., а получено было 20387 руб. – это тоже ставилось в вину, мол, специально занизил доход по табели, чтобы сборы сверх табели присваивать» [14]. При этом сибирскому губернатору удалось опровергнуть позицию обвинения, что не оставил без внимания обер-фискал, обвинивший уже следственную комиссию в явном покрытии князя: он писал в донесении Сенату, что комиссия В.В. Долгорукова вела дело «... с закрытием, как ему, Гагарину, в том надобно» [15].

В 1715–1717 гг. князь М.П. Гагарин, казалось бы, вернул себе былое реноме успешного государственного деятеля, а также расположение и доверие государя, о чём свидетельствует приглашение его в 1717 г. в Санкт-Петербург и назначение в состав Верховного суда, разбиравшего дело о предательстве царевича Алексея Петровича. Однако в том же 1717 г. А.Я. Нестеров написал донесение лично Петру I, изложив в этом документе сведения о вымогательстве князем М.П. Гагариным крупных взяток, хищении казенных сумм и даже присвоении драгоценностей, купленных для царицы Екатерины в Китае. Аргументы и доказательства, приведённые в донесении обер-фискала, были достаточно убедительны – 9 декабря 1717 г. государь издал именной Указ о производстве следствия по обращению Нестерова, и уже в 1718 г. следствие по делу Гагарина начала вести специальная комиссия Тайной канцелярии, которую возглавил гвардейский майор И.И. Дмитриев-Мамонов.

И.И. Дмитриев-Мамонов организует расследование порученного ему дела на высочайшем методологическом и процедурном уровне, привлекая к сбору доказательств широкую сеть провинциал-фискалов и тайных агентов. По данным Г.В. Шембалдиной [13], «в ходе следствия было собрано огромное количество документов, различных выписок и постановлений. В Санкт-Петербург и Москву из Сибири прислали более сотни расходных книг. Все они прорабатывались и анализировались на основе предъявленных обвинительных пунктов, количество которых быстро достигло трех десятков». В результате проверки и анализа информации из бухгалтерских книг за 1713–1717 гг. князю М.П. Гагарину была предъявлена недоимка по доходам от Сибирской губернии в сумме 305554 руб. [14]. Матвей Пет-

рович подал прошение зачесть на незапланированные расходы по губернии 281085 руб., в том числе 115373 руб. – на расходы по организации поисковой экспедиции подполковника И. Д. Бухгольца «за песошным золотом» и строительство Ямышевской крепости. Разницу в 33926 руб. сибирский губернатор обещал «отдать товарами вскорости».

Однако прошение осталось без удовлетворения, более того, по результатам проведённого «аудита» бухгалтерских книг Сибирской губернии 11 января 1719 г. князь был уволен с должности губернатора и взят под стражу. 18 января для ведения расследования в Сибирь лично Петром I был направлен лейб-гвардии майор И. М. Лихарев, на тот момент герой Северной войны, а впоследствии – основатель г. Усть-Каменогорска и губернатор Архангельской губернии. Лихарев получил от царя достаточно чёткую инструкцию: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем против данного тебе реестру подлинно... Его Царское Величество изволил приказать о нем Гагарине сказывать в городах Сибирской губернии, что он Гагарин плут и недобрый человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на его место иной» [16].

Главной задачей было подтверждение сведений о казнокрадстве и мздоимстве князя Гагарина, изложенных в доносах фискалов, а также проверка гипотезы об открытии Гагариным и Бухгольцем золотоносных месторождений и сокрытии их от государя. Лихареву надлежало «...трудитца всеми мерами освидетельствовать, по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухгольца, о золоте эркецком: подлинно ли оно есть и от кого Гагарин сведал. Тех людей сыскать, также и других ведомцов, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав старатца сколько возможно дойти до Зайсана озера...» [16].

Майор И. М. Лихарев выполнил все инструкции и, судя по результатам исследований отечественных историков, вскрыл ещё одну сторону деятельности сибирского губернатора, которая могла быть квалифицирована как государственная измена, что окончательно поставило крест на карьере и жирную точку на жизненном пути князя М. П. Гагарина.

Учитывая былую благорасположенность, привязанность и высокое доверие царя к князю Матвею, а также известные случаи прощения Петром I примеров гораздо более масштабного казнокрадства со стороны «птенцов его гнезда», можно было бы предположить, что и факты гагаринских хищений могли бы быть прощены царём, если бы похищенное имущество просто присваивалось губернатором Сибири.

Однако из факта, что князь М.П. Гагарин финансировал из казённых средств содержание более 2000 пленных шведских солдат, сосланных в Тобольск в 1710–1713 гг., выросла довольно популярная конспирологическая версия о том, что Гагарин вынашивал идею создания собственной высокопрофессиональной сибирской армии. С помощью которой якобы он хотел отделить Сибирь от Российской империи и основать автономное Сибирское королевство. Видимо, именно эта версия, истинность которой признал под пытками сам несостоявшийся «сибирский король», и определила судьбу Гагарина, одной из знаковых фигур петровской эпохи.

Как показывает изучение источников и материалов исторических исследований, ассоциировать институт военных аудиторов петровского времени и современный институт аудита финансовой отчётности совершенно некорректно. Гораздо более вескими представляются основания для проведения аналогий между современным аудитом и петровским фискалитетом, просуществовавшим вплоть до 1729 г. и пережившим всего на пять лет своего самого известного руководителя, одиозного обер-фискала А. Нестерова, по иронии судьбы казнённого в январе 1724 г. по обвинению в казнокрадстве и взяточничестве.

В качестве главной заслуги российского фискалитета перед аудиторской практикой и даже научной теорией аудита целесообразно признать начало формирования в системе фискалитета прообраза концепции аудиторских доказательств, которая приобрела целостный характер и конкретные очертания лишь в конце XX в. в работах д. э.н., профессора С.М. Бычковой [17]. Использование бухгалтерских регистров и документов, а также устных и письменных свидетельств счётных работников в каче-

стве доказательств вины «фигурантов безгласных дел» подняло процедурную составляющую экономических расследований на качественно новый уровень.

Получил развитие в системе фискалитета и приём использования так называемых смешанных доказательств, когда конкретный факт или событие проверяются с использованием информации, получаемой в разной форме, на разных носителях от различных источников. Апробация данного приёма, вероятно, была спровоцирована возникновением идеи о надёжности доказательств, их количестве и надлежащем характере – главных свойствах аудиторских доказательств, на результатах оценки которых основывают современные аудиторы своё профессиональное суждение о достоверности проверенной бухгалтерской отчётности.

Из кейса о расследовании дела князя М. П. Гагарина со всей очевидностью следует, что в рамках функционирования института фискалитета активно использовались такие аудиторские процедуры (в терминах Федерального стандарта аудиторской деятельности ФСАД 7/11 «Аудиторские доказательства»), как запрос (о предоставлении расходных книг в канцелярию Тобольска), инспектирование (расходования казённых средств на содержание пленных шведов), подтверждение (доносов провинциал-фискалов данными расходных табелей), пересчёт (арифметическая проверка данных расходных книг и табелей), равно как и аналитические процедуры (оценка тождественности показателей различных учётных регистров Сибирской губернии и Российской империи, а также данных первичных документов).

Приведённые аргументы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что с содержательной точки зрения именно фискалитет, а не аудиториат был первым институтом государственного, но при этом относительно независимого финансового контроля, заложившим основу развития контрольно-ревизионной и аудиторской практики в области государственных и корпоративных финансов России.

Литература

1. Баранов П. П. Угроза утраты институционального статуса аудиторской деятельности в условиях стагнации теории аудита // Сибирская финансовая школа. – 2012. – № 6 (95). – С. 144–149.
2. The dozy watchdogs // The Economist. – 2014. – 13 дек.

3. *Елифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. – М.: Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946. – С. 5–42.
4. *Пётр I.* Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. VI, 1720–1722, № 3890. – С. 486–493.
5. *Акишин М. О.* У истоков юридической профессии в России: военные аудиторы Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 2 (16). – С. 117–131.
6. *Шеремет А. Д., Суйц В. П.* Аудит: Учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 352 с.
7. *Новикова Т. Ю., Королёва Г. А.* Аудит: Раздел 1. Теория аудита: учебное пособие / Т. Ю. Новикова, Г. А. Королёва; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 128 с.
8. *Серов Д. О.* Пётр I как судебный деятель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6. Выпуск 1: История. – С. 28–34.
9. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 488 с.
10. *Паутов А. Д.* Институт фискалов в отечественной историографии // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. Вып.3. – Омск, 2006. – С.46–56.
11. *Аминова Э. М.* Финансовый контроль в России: история и современность // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 2 (19). – С.48–55.
12. *Чекурда Е. А.* К вопросу о происхождении института фискалата в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (40). – С.40–45.
13. *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. – М.: Ломоносовъ, 2014.
14. *Катанаев Г. Е.* Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист). – Тюмень: Мандр и Ка, 2005.
15. *Паутов А. Д.* К вопросу о деятельности обер-фискала А. Я. Нестерова // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. Вып.2. – Омск, 2005. – С.51–60.
16. *Черных С. Е.* Начало положила крепость. Сборник статей, очерков / Управление архивами Восточно-Казахстанской области, государственный архив Восточно-Казахстанской области; Сост. Л. П. Рифель. Усть-Каменогорск, 2004. – 67 с.
17. *Бычкова С. М.* Доказательства в аудите. – М.: Финансы и статистика, 1998.

Век, потерянный Россией

Размышления над книгой: **Вычугжанин А., Мизгулин Д.**
Деньги, банки, перо. – Тюмень: Издательский дом «Титул»,
2015. – 828 с.

Каюсь, приступал к чтению 800-страничного тома скорее потому, что знал прежние интересные книги Александра Вычугжанина. Уж очень давно, полтора-два века назад, жили и творили герои новой книги. Но чем дальше читал, тем неохотнее отрывался. Литераторы-банкиры написали о своих коллегах литераторах-банкирах, и это совместительство занятий само по себе необычно. Александр Вычугжанин – банкир в недавнем прошлом, кандидат экономических и доктор исторических наук, автор и руководитель культурно-исторического проекта «Тюмень. Сквозь глубину веков». А Дмитрий Мизгулин и сегодня – президент, председатель совета директоров «Ханты-Мансийского банка «Открытие», академик РАН, но кроме того – и автор более чем двух десятков поэтических сборников, член Союза писателей России. Оба автора свыше двадцати лет успешно проработали в банковской сфере.

Ну, а герои 14 очерков – один другого именитее, и не только как литераторы. Гаврила Державин, например, после двойного губернаторства был первым министром юстиции России. Илья Чавчавадзе – поэт, издатель, банкир, общественный деятель, член Госсовета империи, которого на родине называют «Отцом нации», в 1987 г. он канонизирован Грузинской православной церковью как святой Илья Праведный.

У читателей может возникнуть вопрос: зачем авторы отправились в глубь веков? Кому, кроме филологов и историков литературы, интересны пииты, чьи творения, вроде державинской «Фелицы», когда-то «проходили» в школе? Но в книге, помимо массы интереснейших биографических деталей, впервые столь полно представлены жизнь и деятельность А.А. Голенищева-Кутузова и – на русском языке – И.Г. Чавчавадзе. Прежде никто не писал и о банковской деятельности И.С. Аксакова, В.Г. Бенедиктова, Г.П. Гагарина, П.А. Вяземского, того же А.А. Голенищева-Кутузова, П.А. Ефремова.

И всё же главное, по крайней мере, для меня: книга эта – не только про отдельные фигуры, какими бы значительными они ни были. Дойдя до последних страниц, я понял, что авторы, желая того или

нет, представили коллективный портрет элиты той России, и невольно напрашивается её сравнение с элитой нынешней. Прежде всего, бросается в глаза моральный императив, с которым герои книги соизмеряют и литературную, и общественную деятельность. «Честен, как Аксаков» – эта характеристика долгое время была нравственным мериллом среди деятелей их круга. Поэт Иван Михайлович Долгоруков, в послужном списке которого безупречная служба вице-губернатором в Пензе, в Главной соляной конторе в Москве и губернатором во Владимире, где он особо покровительствовал образованию, «имел явные способности управлять финансами». Кстати, предки поэта с воцарением Анны Иоанновны по иронии судьбы угодили в тот же острог в Березове, куда их стараниями прежде попал Меншиков.

Почти ничего не знал я о Федоре Чижове. А он остался в истории России не только талантливым публицистом, но и строителем первых частных железных дорог, а также организатором товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Идея Севморпути, среди прочих, привлекала московского и иркутского купца А.К. Трапезникова. Благополучно проведя в 1977 г. свой пароход с товарами из Лондона через Карское море в Тобольск, он в 1978 г. построил в Тюмени трехмачтовую шхуну «Сибирь» и отправил на ней в Лондон сало. Правда, другой поход – построенных Трапезниковым в той же Тюмени еще трех шхун – закончился неудачно, однако наблюдения купца, изданные брошюрой, очень помогли последователям.

Авторы не лепят из персонажей героев без сучка, без задоринки. Вот Петр Вяземский, уже в 15 лет блестяще образованный, поступает на службу в Московскую межевую канцелярию. Не в кресле сидит – мотается по губерниям. В 20 лет сражается с французами под Бородино и послужит Толстому прототипом Пьера Безухова в романе «Война и мир», а друг Пушкин увидит в нем черты Гринёва. Но, грешник, проиграл князь в карты немалое наследство и поехал служить в Варшаву. Однако побочные страсти не отвлекали от главного: любой поворот жизни Вяземский использовал для творчества и общественного служения. В книге есть чрезвычайно важный и сегодня фрагмент «Записки князя Вяземского», опубликованной еще в начале XIX в., о том, какая промышленная политика нужна России: «Вопрос, что такой-то державе не лучше ли быть исключительно земледельческой, или исключительно мануфактурною – давно разрешен на деле... Во всяком случае сей вопрос не идет к России... Она переросла все мерки... Русский создан промышленником: он

переимчив и предприимчив». Однако и сегодня власти эту дилемму жуют-пережевывают бесконечно и бесполезно.

Вообще, стоит наложить жизнеописания друг на друга – получаешь синергию общих усилий героев на благо страны. Вряд ли я погрешу против истины, предположив парадоксальную вещь: эти выдающиеся литераторы заложили основы если не всей банковской системы, то уж наверняка её ведущих финансовых учреждений. Наиболее отчетливо их вклад прослеживается на истории основного в империи Государственного заемного банка, созданного Екатериной II в 1786 г. В 1799 г. его главным директором назначается князь Гаврила Петрович Гагарин. Одновременно с Заемным он возглавил и Вспомогательный банк (вскоре объединились), а также Коммерц-коллегию страны. Войны с Турцией и Швецией, а также злоупотребления бывшего руководства обременили банк долгами. Мало того, что при Гагарине дела существенно пошли в гору (в том числе с помощью невиданных в то время финансовых новаций князя), но одновременно Гаврила Петрович занимался, например, предполагаемым заселением юга Западной Сибири и другими, как нынче говорят, проектами.

Гагарина сменяет Александр Семенович Хвостов, который руководит банком до своей кончины в 1824 г. И он провел банк через сложный период – правительство регулярно занимало средства, готовясь к войне с Францией. Обеспокоенные вкладчики стали отзываться деньги, а многие заемщики не спешили их возвращать. Однако умудренный государственной и военной службой (в 27 лет в чине полковника под командованием Суворова отличился при взятии Измаила) Хвостов вывел показатели банка к положительной динамике.

В 1846–1853 годах Заемным банком управляет Петр Андреевич Вяземский. Кроме упомянутых выше, у него к тому времени в активе – должность товарища министра просвещения и главы цензурного ведомства, а также 20-летняя служба в Минфине, в том числе под руководством выдающегося министра графа Канкрин. Вяземскому тоже выпал суровый период: из-за неурожая многие помещики задерживали возврат ссуд. Хотя Вяземский писал, что «счеты, бухгалтерия, цифры для меня тарбарская грамота», однако авторы приводят факты, показывающие, что князю удалось значительно увеличить прибыль. А в 1854 г. советником правления банка и его членом становится «выходец из колокольного дворянства» Владимир Григорьевич Бенедиктов.

Помимо Заемного, литераторы основали и руководили не менее значимыми для страны банками, в том числе – системными. А без здоровых финансов Россия в начале XX в. не получила бы

и эффективно развивающейся экономики. Международные эксперты писали тогда, что страна скоро будет доминировать в Европе, а Дмитрий Менделеев, не только выдающийся химик, но и прозорливый экономист, считал, что в середине XX столетия в России должно проживать около 300 млн, а к началу XXI в. – не 146,5 млн как сегодня, а около 600 млн человек. И жили бы мы в другой стране, не прерви её взлета революция 1917 г.

«Тема совмещения занятий финансовым делом и литературным творчеством не исследована. В чем причина феномена?» – задаются вопросом авторы книги. По их мнению, литераторы, обладающие огромной энергетикой, ищут дополнительные сферы её применения. Кажется, гипотеза не лишена оснований. Да, конечно, в те времена нравственное состояние общества оставляло желать лучшего. Авторы приводят запись из дневника мудрого цензора и члена этого литературного круга А.В. Никитенко: «Слова “честный человек” означают у нас простака, близкого к глупцу... Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаками романтической восторженности». Но если почти два века назад траектория вздоровления общества устремлялась вверх, то сегодня, на фоне исчезновения сотен миллиардов из банков, запись Никитенко звучит ещё актуальнее.

Авторы книги, упоминая нынешнюю вакханалию в банковской сфере, одну из причин видят в том, что скроена она «по лекалам либеральных учений XIX в.». В качестве альтернативы предлагаются кредитные кооперативы. Подозреваю, что идея связана с замечательной книгой Вычугжанина «Церковь, деньги, кредит», выпущенной в 2014 г., где показана эффективность этих кооперативов. Между тем сами же авторы пишут, что их герои добивались успешной деятельности банков, в основе которых лежит именно либеральная модель.

Не будучи знатоком банковской системы, хочу напомнить о бурной дискуссии 1970 г. в «Литературной газете»: что важнее – система или личность? Завершилась она блестящей статьей профессора Виктора Терещенко с говорящим названием «Ближе к крайностям – дальше от истины». Напомню, что его «Курс для высшего управленческого персонала» в 1970–1980-е годы был настольной книгой многих руководителей. А суть статьи ученого в том, что личность строит систему, которая, в свою очередь, влияет на личность. Диалектика! К тому же крайности – это и насаждение единственной модели в любой сфере хозяйства. Но система тем надежнее, чем разнообразнее размеры и модели её объектов. Другими словами, финансовая система,

а значит, и экономика нынешней России была бы куда как здоровее, если бы кредитные кооперативы действовали **вместе** с банками, а не **вместо** них. Однако об этих кооперативах власти, как и церковь, напрочь забыли.

Словом, книга заставляет не только ностальгировать о вкусном русском языке, каким написаны произведения её героев-литераторов, но и задуматься как минимум о веке, потерянном Россией из-за большевиков. Заканчивается она тремя приложениями. В первом – 80 фамилий литераторов, которые профессионально занимались финансами, в том числе – и в СССР. Из второго читатель узнает, что многие стихи семи героев книги положены на музыку. Наверное, романс на слова Петра Вяземского «Тройка мчится, тройка скачет» – самый известный. Третье приложение – антология произведений героев очерков – отражает предпочтения авторов книги, а также содержит вещи изрядно забытые или считающиеся утерянными.

Поражает огромный массив источников: архивы ГАРФ, РГИА, РГАЛИ, Пушкинского дома, отделов рукописей РГБ (Москва) и РНБ (СПб), библиотек РГБ и РНБ, музеев Абрамцево, Мураново, Остафьево, И. Г. Чавчавадзе в Грузии, а также коллекционные материалы – открытки, гравюры, газеты (в первую очередь англоязычные). Авторы ввели в научный оборот множество документов, которые будут полезны студентам, аспирантам и другим исследователям.

Хочется внимательно рассматривать гравюры из коллекции авторов, факсимиле документов, великолепные цветные вкладки. Среди иллюстраций – не только портреты, но и фотографии захоронений восьми героев книги, сделанные авторами. Обложка украшена рисунком Нины Казимовой (Санкт-Петербург), которую называют царицей русского экслибриса. Отмечу на втором форзаце и гравюру начала XIX в. «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории» – единственное украшение рабочего кабинета Державина в его доме на Фонтанке.

Нет, вовсе не нафталином веет от этой книги, она являет живой укор всем нам, пустившим по ветру интеллектуальное наследие талантливых предков.

И. ОГНЕВ, журналист, Нижний Новгород

Ershov Y.S., Ibragimov N.M., Melnikova L.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

Coalitional Analysis: from Republics of the USSR to Regions of Russia

The paper presents some potentials of coalitional analysis in the studies of interregional commodity exchange. It provides a historical overview of the public discussion on the justice of inter-republic relations in the USSR, as well as a survey of calculations performed in the IEIE SB RAS for measuring contributions of each republic into the common outcome. The results of the latest calculations are first released that measure interaction effects for Russian macro-regions in dynamics, for the period of 2000-2013; it is shown that in this period the mutual dependence of federal districts increased. The possibilities for adaptation or regions (coalitions of regions) to breaks of some links are demonstrated.

Coalitional analysis, interregional interactions, republics of the USSR, regions of Russia, equivalent exchange

Ershov Yu.S., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

The Economy of Post-Soviet Space – what was Expected and what has Realized

The article analyzes the results of the development of the economy of the former Soviet republics. The most significant influence on them was to have a change in external conditions of their development in connection with the transition of previously domestic trade in interstate, at world market prices? And the need of each of the post-Soviet States to find sources of financing the deficit of their trade balance. The main component of the analysis – the economic relations of these countries with Russia, which, despite a noticeable weakening of its role as a provider and consumer of goods and services, continues to be for most of them an important economic partner.

Cross-sectoral balances, world market prices, balance of foreign trade, the spatial structure of the economy, international comparisons, demography of post-Soviet space, international migration, the ethnic composition of the population, cross-border transfers

Simola Heli, Bank of Finland Institute for Economics in Transition (BOFIT), Helsinki, Finland

Rebalancing of Demand in China – Illustrating Possible Effects with an Input-Output Analysis

As it gets increasingly difficult for investors to find opportunities for productive investment, China's traditional investment-led growth model has lost steam. China now faces a rebalancing of domestic demand toward increased consumption and a paradigm of lower growth. Given that China is already the second-largest economy in the world, this shift will inevitably put adjustment pressures on the global economy. To illustrate these adjustment pressures, we consider global input-output tables. Our analysis suggests that China's development poses important adjustment pressures for the global economy in both sectoral and regional terms. As this shift is expected to take time, however, other countries should have time themselves to deal with the shift. There are many risks that could thwart a smooth rebalancing, of course, and they should not be underestimated. With the help of South Korean and Japanese benchmarks, we also illustrate how the Chinese economy could experience quite different development scenarios, depending on the path chosen.

China, growth, demand rebalancing, structural change, input-output

Kovaleva G.D., Shevelev A.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

What Statistics of Comecon Area Tells us?

In the article we consider the the results of research of structural features and changes in the economy of the former Comecon. We have analyzed the consequences of the disintegration of the Soviet Union and Comecon. For each stage, we identified types development of countries, built the dynamic model. As we made predictions that accurately show the crisis processes of the modern economy and make estimates for the future.

Council for Mutual Economic Assistance, the Soviet Union, the gross domestic product, factor analysis, trend-cycle model, forecast, crisis

Rozov N.S. *Institute for Philosophy and law, SB RAS, Novosibirsk*

The Revolutionary Waves in World History: Dynamic Models of Growth and Extinction

Revolutions in world history often flare up one after the other, forming a revolutionary wave. The paper highlights the main types of waves (ideological waves, structural waves and wave-chains, large and small waves), presents the general set of revolutionary waves over five centuries (27 waves), describes six models of the dynamics of their growth and decay: «*The limit of flammability*,» «*Ignition of quenchers*,» «*Post-revolutionary frustration*,» «*The order outside in question*,» «*Vulnerability of dependent regimes*» and «*Depletion of resources for struggle*.» Each model as a dynamic interrelation of variables is presented in form of trend-structure (a directed graph with positive and negative connections). Historical examples of waves with vivid manifestation of the dynamics of each model and the basic research strategies for further use of the models are presented.

Macrosociology, the revolution, the revolutionary wave, the historical dynamics, social instability, political regimes, geopolitics, conflict dynamics, resource depletion

Kryukov V.A., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Push Away Ship Out of Harbor

Article-memoirs about way in science and practice done by prominent Soviet and Russian economist A.G. Granberg. Far ahead of modern boom of new economic geography he has had elaborated approach to estimate intraregional interactions. He have tried to integrate academic research with practical activities and substantial attention was given by him to the Arctic. In 2000 he was organizer of the large scale expedition on a board of ice-class ship «Michael Somov» along Northern Sea Route and many results of this expedition became foundation of the modern documents and decisions over Arctic development.

A.G. Granberg, intraregional interactions, Arctic studies

Izotov D.A., *Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk*

Evaluation Effects of Trade Integration between Russia and Asia Pacific Countries

The author indicates the following positive trade effects for Russia, China & the Trans-Pacific Partnership (in the original and in the extended formats): trade creation effect prevails over trade diversion effect; general welfare and bilateral trade tend to increase. The evaluation showed the following costs for the Russian economy: a rapid increase in imports compared to exports, the loss of budget revenues. The long-term challenges and opportunities for the Russian economy by liberalizing trade with China and the Trans-Pacific Partnership countries are identified. In the conditions of total global trade liberalization the estimates suggest that for a significant redistribution of commodity flows it is necessary to removing a huge number of non-tariff barriers existing between Russia & Asia-Pacific countries.

Export, import, import duty, tariff measures, non-tariff barriers, trade effects, free trade area, Russia, Asia-Pacific region, China, Trans-Pacific Partnership.

Faskhiev Kh. A., Financial University under the Government of the Russian Federation; Ufa State Aviation Technical University, Ufa

Road Transport Russia: Potholes on the Road to the Outside World

The analysis of a condition of the international automobile transport of Russia in the developed social and economic conditions is carried out, the role of the motor transport in international transport is noted, the main problems and tendencies of development of this market of transport services are defined. Their low competitiveness caused by adverse conditions of managing remains the main problem for the Russian carriers in this market. It is noted that growth of volume of international transport will be defined how Russian enterprises successfully use chance of devaluation of ruble for strengthening of export of the production.

International automobile transport, rolling stock, freight, carrier, transport service, competition

Koroleva L.P., National Research Mordovia State University, Saransk

Where to Get Money for Recycling?

The article proves the limitations of existing in Russia financial mechanism of waste recycling, based on the pre-disposal fees, and the necessity of its reforming according with the advanced concepts and experience of foreign countries. The aim is to develop alternatives in reforming of fiscal instruments of recycling financing, which contributes to the formation of a recirculation reproduction. There is a rather-legal analysis of instrumental and social values and structures of disposal and environmental fees in the mechanism of recycling financing in the article. It is proposed within the framework of disposal fee to initiate recurrent financing mechanism, advancing subsidization of development projects in recycling industry. The amount of the fee should depend on the disposal value of the transport vehicle. It is recommended to make the environmental fee «visible» to the consumers. The alternatives of distribution of financial responsibility for the waste collection and the principles of fiscal regulation of recycling are identified. Usage of these proposals in practice will contribute to the development of recycling as a special growth factor of neo-industrial economy.

Recycling, disposal fee, environmental fee, financing, waste, disposal

Roik V.D., Institute for Labour and Social Insurance, Ministry for Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow

Social Budgeting in Russia: Which Will it be in XXI-st Century?

Finances of the social protection is the baser for the necessities of the people. Social budgeting is an important tool of governance. Depending on their state of development, countries redistribute between 10 and 30 per cent of GDP through national social protection systems and they are the most great expenditures. This task is formed new challenges, which must be decide.

Social budgeting, social security, social protection, social shear

Baranov P.P., Shaposhnikov A.A., Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

The article specifies the structure, sequence and periods of enactment of legislative documents that determined the creation of State institutions of audit and fiscal offices in Russia at the beginning of the 18th century; characterizes organizational aspects and the content of activity of each of the specified services; reveals similarities and defined distinctions in areas of jurisdiction, functional duties, ways and methods of realization of office functions by the institutions of the Russian audit and fiscal offices and the modern institution of national audit.

Addressing for example of investigation of the case of Siberian Governor Duke Matvey Gagarin the study proves that fiscal service of the beginning of the 18th century is the first institution of Russian financial control.

Auditoffice, fiscaloffice, audit, legal acts, functional duties

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Реформы медицины, здоровье населения и демографические процессы

- Тренды страховой медицины
- Медико-демографические процессы в Сибирском федеральном округе
- Российское здравоохранение: как рациональнее использовать ресурсы
- Результативность системы здравоохранения: эконометрическая модель
- Финансирование здравоохранения: способы и результаты
- О персонализированной медицине, образе жизни и стратегии активного долголетия

А также:

- Реальные опционы: панацея найдена?
- Перспективы размещения акций российских компаний в Китайской Народной Республике
- Оценка мер господдержки многодетных семей (на примере Вологодской области)
- Стратегическое планирование на муниципальном уровне: прихоть или необходимость?
- О чем говорит отклонение от закона Ципфа?
- Социально-экономическое развитие Республики Тыва: состояние и перспективы роста
- Япония: чудо экономического роста и чудо стагнации
- Гипотеза финансовой нестабильности: теоретическое содержание и реалии постсоветской России
- О расстановке сил на Евразийском интеграционном пространстве
- Особенности реализации социальной защиты населения (на примере северных районов Красноярского края, Иркутской области, Республики Бурятия)
- В поисках пророка в своем отечестве (некоторые аспекты импортозамещения медицинского оборудования)
- Развитие высшего образования и инноваций за 900 лет (о чем все знают, но не хотят обсуждать)
- «Лучше бы они не приходили»: результаты приватизации госсобственности в промышленности Алтая
- Индикаторы инновационного развития экономики России: проблемы прогнозирования
- Куда движется экономическая наука?

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2016. №10. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор О.Ю. Лисачёва

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2016. Подписано к печати 23.09.16

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1300. Заказ 35.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «НАУКА»
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25